

ОГОНЁК

№ 51 ДЕКАБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МИЛЛИАРДЫ ЗВЕЗД НА ЗЕМЛЕ

«ЦЫГАН»—продолжение повести А. Калинина

ДВОЕ НА ДНЕ МОРЯ

ОТВАГА, СКОРОСТЬ—ГОЛ!..

ПЕ

Петр **НИКИТИН**

Фото Галины Санько.

Глубокая осень — как закрома с зерном. Осень полна хлопот и радостей. На ее рубежах встречаются прожитый сельскохозяйственный год с наступающим новым. Это время тревожит земледельца ожиданием зимы с ее метелями и морозами: а какая она будет? В это время хватает забот о судьбах новых урожаев. Оно заполнено занятиями школ для взрослых, курсов звеньевых и животноводов, экономическими семинарами бригадиров, лекциями на различные темы — от устройства Вселенной до извечно волнующего: «А что такое любовь?» Звенит осень свадьбами, клубными вечерами.

Из поездки вернулся Камбулат Кицуевич в селение при свете звезд. Хребты заснеженных гор давно утонули в синем сумраке. Лохматые тени легли на улицы. Гасли огни в окнах, стихала музыка у клуба.

Он отпер двери и, не зажигая света, прошел к столу. Минут пять Камбулат Кицуевич Тарчоков неподвижно сидит, откинувшись на спинку стула, и медленно проводит шершавой ладонью по лицу, как бы смахивая заботы минувшего дня. Потом поворачивает выключатель. Брызнул свет и загнал темноту в дальние углы продолговатой комнаты. Висевшая на стене таблица засверкала многозначными числами... Гектары, рубли, центнеры...

Председатель колхоза имени Ленина сбит плотно. Это среднего роста человек. Ему не дашь и сорока пяти лет. Мускулистая фигура кабардинца не потеряла юношеской гибкости. Не заметно и признаков полноты, присущей возрасту. Лицо у Тарчокова смуглое, до черноты обожженное солнцем,

← Звеньевые Нюся Кушхова (справа) и ее подруга Женя Сабанчиева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 51 (1748)

18 ДЕКАБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

РВОЕ ПОЛЕ

сухими ветрами. В Индии, куда Камбулат Кицуевич ездил с советской делегацией, его, жителя села Аргудан из Кабардино-Балкарии, нередко принимали за местного уроженца.

Он пододвинул к себе почту, которая с утра лежала нетронутой. Но тут его внимание привлекли голоса людей на улице. Шел какой-то спор. Камбулат Кицуевич узнал голос Мухамеда Бахунова, и улыбка осветила лицо председателя. Это тот самый Мухамед, который так много доставил горя матери, тревоги соседям, хлопот учителям — да им ли одним? После седьмого класса Мухамед ушел из школы и болтался без дела. Камбулат Кицуевич поговорил с ним и направил паренька в бригаду. А партийное бюро поручило Хажмурату Бозиеву заменить сироте отца, воспитывать и наставлять его. Сколько раз Мухамед исчезал из бригады, но Бозиев разыскивал его. Возмущенные проделками озорника, люди упрекали Бозиева: «Что ты возишься с ним? Не сын тебе, не родственник». На это Хажмурат отвечал: «Он сын погибшего соседа. Я согласен с Камбулатом, что нет пропащих людей. Есть плохое воспитание». Скоро Мухамеду дали трактор. Присмиревший паренек тихо стоял перед бригадным собранием. «Вы можете мне не поверить,— говорил он.— Был я очень озорной. Но это в прошлом». Люди долго аплодировали Мухамеду. Участок, подготовленный Бахуновым, принимал он, Тарчоков, лично. Когда Мухамед начал сеять, Камбулат Кицуевич подумал, глядя ему вслед: «Хорошо подготовил первое поле — хорошо пройдет по всей жизни». И радостное настроение не покидало его весь тот день. Мухамед сдержал слово.

Вспомнил это Камбулат Кицуевич, и ему уже не хотелось возиться с бумагами. Прихватив со стола стопку свежих газет, направился было к двери. Но звонок телефона остановил его. Звонили из Нальчика. Поздравляли с победой. Передавали привет колхозникам. Желали новых успехов. Слушал Камбулат Кицуевич и ничего не понимал.

— Ты что? Газет не читал? — волновался далекий голос.— Опубликован рапорт Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров Федерации. В нем двенадцать газетных строк о нашей республике... Из них шесть — о твоем колхозе...

Он даже покраснел. Стало жарко. Положив трубку, Камбулат Кицуевич торопливо рылся в газетах. И как он раньше не заглянул в них?! Вот он, рапорт. Вот приветствие народам Федерации от ЦК КПСС и Совета Министров СССР. А вот и строки о родной республике: «Колхозы и совхозы Кабардино-Балкарской АССР в среднем по республике получили с каждого гектара по 45 центнеров зерна. Республика успешно выполнила план продажи кукурузы государству. Колхоз имени Ленина Лескенского района этой республики на площади 900 гектаров получил по 80 центнеров зерна кукурузы с гектара и продал государству 32 тысячи центнеров, выполнив план на 200 процентов».

Тарчокову большая комната кажется тесной и душной. Он выходит из правления, шагает по сельским улицам. Воздух холоден, в темном небе мерцают звезды. Стражами стоят рукастые железобетонные столбы. По ним, сверкая медью, скоро пройдет высоковольтная линия. Под ногами свежая земля засыпанных траншей, она прочерчивает линию водопровода: село получит искристую воду снеговых источников. Двухэтажное здание Дворца культуры сбросило строительные леса. Это самая красивая постройка в Аргудане. На бывшей усадьбе МТС поднялись стены школы-интерната. От нее вправо, за буграми, возвышенность Сантхчих, что означает: длинный бугор. Это — место народных гуляний, колхозных торжеств. Будет в Аргудане и новая больница в колхозном саду, и филиал вечернего техникума, и многое другое.

Вновь и вновь Камбулат Кицуевич возвращается к прочитанному. Шесть газетных строчек... Но как много стоит за ними! Судьбы людей, становление характеров...

...Он проходит около дома с верандой. В темных окнах — белые занавески. Здесь живет Алисаг Жилетежев, человек с острыми, веселыми глазами, бригадир. Было такое время, Алисаг считал, что только урожаями его бригады республика и держится. Было это от молодости, неопытности. Камбулат Кицуевич послал Алисага в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства. Едет Жилетежев в поезде и все допытывается у Хангери Куашева, секретаря колхозной парторганизации: «Скажи, секретарь: кто из правительства нас встретит? Моя бригада много хлеба дала!» Улыбнулся Куашев наивности Алисага, но ответил серьезно: «Народ встретит». После возвращения из Москвы Жилетежев стал серьезней и душевней. Его бригада вышла на второе место в соревновании, получив по пятьсот пудов зерна с гектара! Лишь на семнадцать пудов меньше, чем в передовой бригаде Биляла Кушхова.

Судьбы людей складываются поразному. Характеры меняются. О человеке опасно судить лишь по прошлым делам. Вот плотник Хажби Суйдимов в МТС прослыл любителем длинного рубля. Эта слава годами тянулась за ним. А в колхозе стал передовым механизатором. Чего, бывало, не услышит Тарчоков о Боде Кумыкове! Разно говорили: и человек он мрачный, и неуживчивый, и лень его совсем одолела. Не было в кабардинском языке плохого слова, каким бы не попрекали Боду Кумыкова. Нашел Бода дело: стал дояром. Теперь по надоям молока он занимает первое место в республике.

А как изменились судьбы горянок! Летом председатель Верховного Совета республики Чомай Баталович Уяняев по поручению Президиума Верховного Совета РСФСР вручал награды. Среди отмеченных были аргуданские женщины Цаца Эркенова, Маша Гедгахова, Женя Сабанчиева. Они, как девушка Даханаго из богатырского эпоса «Нарты», своим трудом зовут сельчан к счастью:

Только тот достоин счастья,
Кто добудет счастье людям!

Камбулат Кицуевич понимает душевное состояние Суйдимова, Кумыкова, Жилетежева. Люди на большом взлете! Помогай им. Он сам был таким. Когда надумал идти в колхоз — это было осенью 1953 года, после речи Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС,— долго не мог решить, в какой. Тянуло в передовой, в «Шекер». Почеловечески это было понятно. Но если вдуматься... Со своими сомнениями и раздумьями он поехал к старому коммунисту Хажисмель Мирзоеву. Тот выслушал и не спеша ответил: «Ты коммунист, и ты сильный. Бери отстающий колхоз».

Артель имени Ленина в те годы получала только по 48 пудов зерна кукурузы с гектара и по 24 пуда пшеницы... Люди теряли веру в свои силы...

Приехал сюда Тарчоков. Осмотрелся. Казалось, что взял ношу не по плечу. Но, как всегда, сразу почувствовал локоть коммунистов, дыхание людей, идущих за ними.

...Любит он лесистые хребты гор, что громоздятся к небу, плодородные долины, что за Тереком сливаются с просторами России, откуда издавна шла в Кабарду братская помощь. Влюблен он в звонкую песню, в лихой танец, когда кажется, будто вихрь сорвался с вершин Эльбруса и крутит, мечется меж ног танцующих. Волнует его быстроногий конь. Иной раз оставит Тарчоков «Волгу», пересядет на рыжего скакуна и объезжает бригады.

Жабаги Казаноко[1] учил: «Хочешь быть умным — советуйся».

А у Камбулата Кицуевича много советчиков. И старый колхозник Аюб Дзагоев, и москвич, специалист по кукурузе Петр Бамбиндра, частенько заглядывающий в Аргудан, и секретарь Лескенского райкома партии Мухарби Ансоков.

...Тарчоков и не заметил, как снова очутился у правления. Окна здания светились.

— Забыл погасить...— покачал головой недовольный своей рассеянностью председатель. И вошел в правление. В распахнутых дверях остановился. Над его столом, на котором лежала газета, склонились трое. О, друзья здесь!

...С памятных дней пятьдесят третьего года Тарчоков с ними. Они тогда же вместе с Камбулатом пришли в отстающее хозяйство. Делили и радости и горе. Свои привычки, свой характер, свой опыт жизни четыре коммуниста подчиняли общему, главному — воспитывали людей, сплачивали единомышленников, поднимали хозяйство.

На мгновение председатель задерживается в темном коридоре. Он разглядывает друзей.

Седина серебрит голову главного агронома Мурадина Кабалоева. Человек он любознательный, обходительный. Но за мягкостью интеллигента стоит сильная воля. Этот не позволит портить землю ни рядовому колхознику, ни руководителю. Он как-то сказал: «Если меня спросят: а что главное в творческом применении агротехники, в борьбе с шаблоном? — я отвечу, не кривя душой: человеческое сознание. Кто портит землю, тот портит свой характер».

Рядом с Кабалоевым, подперев щеку рукой, сидит секретарь партийного бюро Хангери Куашев. Тарчоков помнит, как 4 ноября 1953 года на партийное собрание пришло только девять коммунистов. А ныне их в артели семьдесят да двести комсомольцев — сила! Куашев — остроумный человек. Глаза у него зеленоватые, озорные.

Лицо колхозника Мурадина Маломусова изборождено глубокими морщинами. Они пучком разбежались от глаз. Взгляд ясный, открытый, смелый. Когда после войны колхозники впервые получили пшеницу на трудодни, то радость в селе была великая. Все пекут пшеничные лепешки, высокие хлебы, а Мурадин Маломусов ходит и меняет пшеницу на кукурузу. «Что ты делаешь, неразумный? — спрашивают его.— Пшеница дороже, пшеничный хлеб вкусней». А он, усмехаясь, отвечает: «Вкусный хлеб мне пока не нужен. У меня восемь ртов. Пшеничным хлебом не накормишь. С кукурузным продержусь». Сегодня у Мурадина Маломусова все хорошо. Живет в новом доме, дети подросли, сын получил образование, служит офицером в армии, женился. Мурадин ждет внуков.

Молча глядел Камбулат Кицуевич на товарищей и улыбался. Потом переступил порог комнаты, негромко кашлянул и шагнул в круг света.

— Читал, Камбулат? — вопросом встретил его Куашев.

— Читал.

Не надо было объяснять ему, что речь шла о шести строчках в газете.

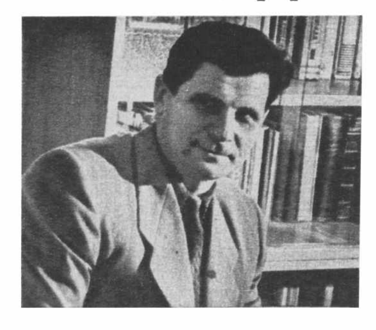
Они не поздравляли друг друга. И так все понятно. Они хорошо подготовили свое первое поле и хорошо пойдут дальше по жизни...

Темные окна уже посветлели. За ними занималась заря.

День обещал быть ярким, солнечным.

[1] Кабардинский общественный деятель XVIII века.

ИМЕНЕМ НАРОДА

Народный заседатель В. Т. Курсаков.

«Суд идет!» — все в зале встают. Председательствующий и два народных заседателя — от них зависит судьба человека, сидящего на скамье подсудимых: они должны определить, виновен он или нет, и если виновен, то в какой степени.

Уже в который раз задумывается над этими вопросами машинист Московского метрополитена Виктор Тимофеевич Курсаков! Девять лет назад рабочие депо «Северная» избрали его народным заседателем, и с тех пор он участвует в уголовных процессах в Московском городском суде. Таков закон нашего правосудия: вместе с судьей — официальным представителем государства, Советской власти — в судебном разбирательстве на равных правах участвуют рабочие, колхозники, врачи, инженеры — все, кому народ доверил вершить суд на основании жизненного опыта.

Исключительная добросовестность — это, пожалуй, главная черта в характере Курсакова. Никогда и ничего он не делает кое-как.

— Не понимаю я таких слов: «Этого я не знаю, того не умею». Не знаешь — постарайся узнать, не умеешь — научись!

И когда его выбрали народным заседателем, Виктор Тимофеевич прежде всего засел за юридические книги.

Сколько людей прошло за эти годы перед его глазами — от матерых рецидивистов до случайно втянутых на скользкую дорожку преступления! И всегда большая, настоящая любовь к человеку руководила Курсаковым. Именно эта заинтересованность в человеке помогала Виктору Тимофеевичу правильно решать очень сложные юридические вопросы.

Однажды слушалось дело об убийстве. Некто А. Яроев, отпетый бандит и преступник, боясь разоблачения, убил сестру своей жены. Стремясь пустить следствие по ложному пути, он решил оставить записку и попросил написать ее некую гражданку П., проходившую по коридору. Ничего не подозревая, П. написала: «Был у тебя, не дождался. Вася».

Позднее, когда преступление было раскрыто и убийца найден, П. тоже привлекли к ответственности как соучастницу. Виктор Тимофеевич понимал, что формально она виновата, так как, написав записку, помогла преступнику, но ведь П. ничего не знала об убийстве и Яроева прежде никогда и в глаза не видела. В совещательной комнате Виктор Тимофеевич высказал свое мнение. Однако приговор принимается большинством голосов: председательствующий и второй заседатель признали П. виновной. Когда же приговор пошел на утверждение, Верховный суд РСФСР оправдал П. Правильно поступил Курсаков, когда в своих решениях исходил не только из буквы закона, но и из существа дела.

Был в практике Курсакова и такой случай. Судили группу расхитителей народного добра. Среди подсудимых — начальник цеха одного завода Ч.— молодой парень, комсомолец. Как-то всем сердцем своим почувствовал Виктор Тимофеевич, что Ч. в сущности хороший человек. И Виктор Тимофеевич вопреки требованиям прокурора добился, чтобы Ч. вынесли условный приговор, отдали его на поруки коллективу завода.

И после суда Виктор Тимофеевич не выпускает из-под своего контроля людей, которым был вынесен условный приговор. Время от времени он ездит на предприятия, где работают эти люди, узнает о том, как они живут, как ведут себя дома, на работе. Поехал он однажды на фабрику, где работает приговоренная к условному сроку А. В профкоме, в дирекции он получил о ней хорошие отзывы. Однако это показалось Виктору Тимофеевичу недостаточным. Он пошел домой к А., поговорил с ее соседями и узнал, что муж А. пьяница, живется ей плохо, здоровье у нее очень слабое. И вот народный заседатель снова идет на фабрику, в профком, в дирекцию и добивается, чтобы ей оказали материальную помощь, устроили на лечение.

Работа народным заседателем помогает Курсакову правильно и справедливо решать дела в товарищеском суде, в котором он председательствует уже четыре года.

Такими людьми, как Виктор Тимофеевич Курсаков, принципиальными, справедливыми, сильно наше государство, наша партия. Таких людей избирает наш народ своими представителями в суде — народными заседателями.

Л. КАФАНОВА

РАЗГОВОР ВСЕРЬЕЗ И ПО ДУШАМ

Как бы тесно ни был связан писатель, пишущий для младшего поколения нашего народа, с жизнью, с детской и юношеской аудиторией, основную свою работу он все же ведет за письменным столом, известным образом в одиночку...

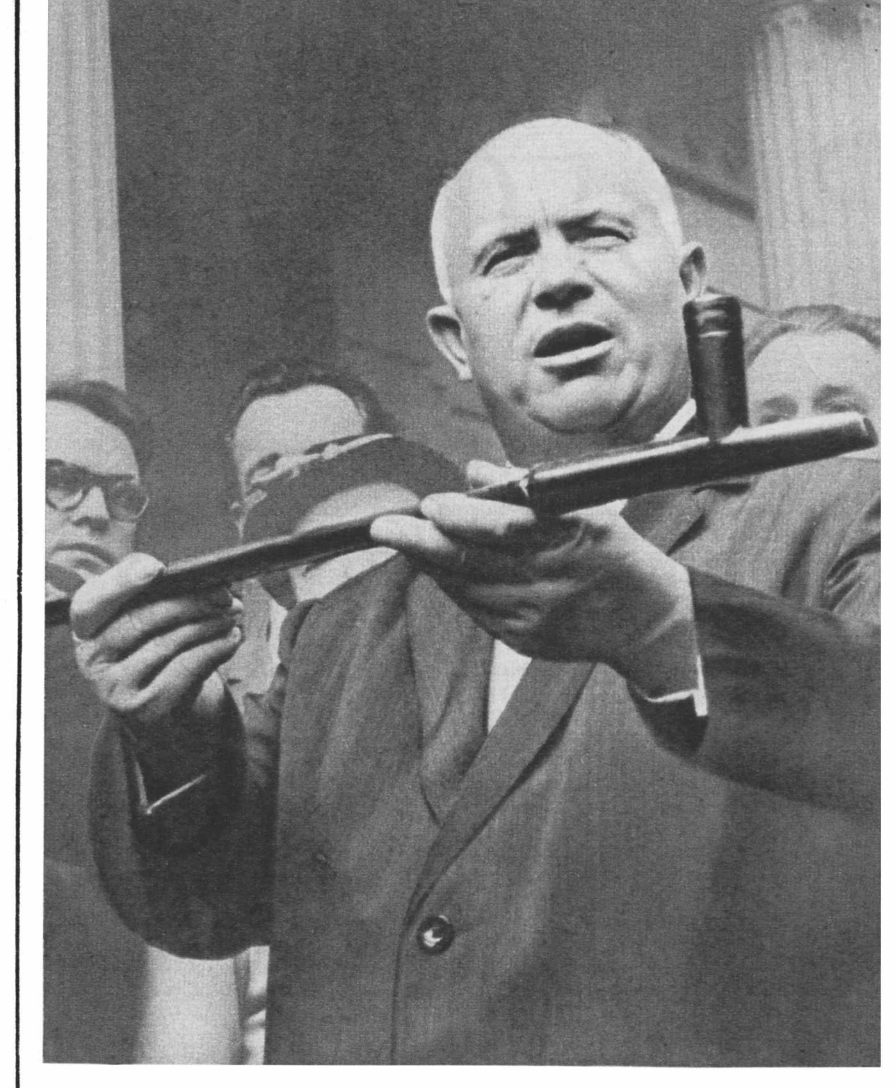
Поэтому нам очень важно встречаться друг с другом и вести большой, принципиальный, творчески-профессиональный разговор, решая сообща все те вопросы, которые крайне трудно решить каждому из нас порознь, не чувствуя локтя соседа-соратника, не слыша сложившихся у читателей, библиотекарей, учителей и товарищей по работе мнений о наших книгах, новых требований школы, семьи, пионерии, производства. Именно такой большой разговор и состоялся у нас на пленуме. Его плодотворные итоги каждый из участников будет еще долго ощущать в повседневной своей работе.

Лев **КАССИЛЬ**,
Сергей **МИХАЛКОВ**

9 декабря закончил свою работу объединенный пленум правления Союза писателей РСФСР, московской и ленинградской писательских организаций, посвященный одному вопросу — «Коммунистическое воспитание и современная литература для детей и юношества». На пленуме выступило около сорока писателей, деятелей народного просвещения и культуры, комсомольских работников. На снимке: в перерыве между заседаниями пленума.

Фото Е. Ряпасова.

В руках у Никиты Сергеевича Хрущева старинная индейская трубка мира. Ее подарили советскому премьеру американцы в дни работы XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Этот дар — признание заслуг «коммуниста № 1» в борьбе за мир.

ВРЕМЯ БОРЬ

Время!

Какое оно?

Оно трудно укладывается в привычные рамки минут, часов, дней. И так уж повелось, что человеческое воображение издавна старалось облечь время в форму чего-то сказочного, волшебного, подчас таинственного.

Одним в неистовом беге времени слышалось только постукивание костей той самой старухи с косой. Другим оно представлялось неудержимым полетом ковра-самолета или жар-птицы. Долгие столетия люди не могли постичь великую загадку времени, научиться подчинять его себе, познать его законы. «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» — воскликнул герой Гете. Но разве время можно остановить?! Нет, не там искал мятущийся ум Фауста пути и средства подчинить себе время!

Гений двух великих революционеров, помноженный на опыт поколений, раскрыл людям законы времени.

Маркс и Энгельс сумели научно осмыслить, познать историю, как она есть, увидеть, как она будет. Свое великое открытие они передали в руки передового класса эпохи — пролетариата.

В первых боях рабочих с капиталом Маркс и Энгельс услышали раскаты могучей революционной бури, которая сметет с планеты все старое, отживающее.

Великий Октябрь был началом. Ленин и созданная им партия проложили человечеству путь в будущее — в коммунизм. Этот путь — столбовая дорога истории. По этому пути идет сегодня время.

Мы счастливые свидетели и участники того небывалого, преобразующего процесса, который триумфально развивается на всей нашей планете. Идеи Маркса — Энгельса — Ленина воплощены в могучем содружестве социалистических государств, в мировой социалистической системе.

«Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества в современную эпоху определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества. Никакие потуги империализма не могут приостановить поступательное развитие истории. Заложены прочные предпосылки для дальнейших решающих побед социализма. Полная победа социализма неизбежна» — об этом заявили миру представители коммунистических и рабочих партий на Совещании в Москве.

Документы этого международного коммунистического форума — Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий и Обращение к народам всего мира — выдающийся вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Коммунизм — это жизнь, это счастье. И борьба за него идет на всех фронтах. Упразднить эксплуатацию и нищету в мировом масштабе, навсегда исключить возможность любой войны из жизни человеческого общества — в этом коммунисты видят свою историческую миссию. Уже сегодня человечество может быть избавлено от кошмара новой мировой войны. Во имя этой великой цели осенью нынешнего года глава Советского правительства Н. С. Хрущев, руководители социалистических стран поднимались на трибуну ООН.

Разоружение, а не война! Свобода и независимость, а не колониальное рабство!

Таково требование миллионов и

Плечом к плечу за труд, за хлеб, за свои права идут рабочие Парижа.

Полиция отступила...

миллионов людей. Оно опирается на растущую мощь и единство социалистического лагеря, укрепление зоны мира, на совместное действие рабочих всех стран.

«Единство» — это слово написано на транспаранте, который несут рабочие французского завода Рено.

Единство — это та сила, которая помогла голландским забастовщикам (вы видите их на снимке) выиграть битву с полицией, битву за свои человеческие права.

Руками людей труда создаются все земные блага и ценности. Что дает им за это капитализм? Право жить, как этот бездомный неаполитанец, ночующий возле вентиляционного люка на набережной живописного залива Санта-Лючия...

Но капитализм — это не только жизнь в нищете, это угроза самой жизни.

«Народам всех стран известно, что опасность новой мировой войны еще не миновала, — подчеркивается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. — Главная сила агрессии и войны — американский империализм».

«А» — «Атом». Эта буква написана на пиратском стяге агрессивного Североатлантического пакта, созданного американским империализмом. В здании, которое вы видите на снимке, заседает совет этой организации. Бредовая идея атомной войны, видимо, настолько прочно завладела умами атлантических стратегов, что это отразилось даже в архитектуре осиного гнезда милитаризма...

«Капитализм все больше препятствует использованию достижений современной науки и техники в интересах социального прогресса. Он обращает открытия человеческого гения против самого человечества, превращает их в грозные средства истребительной войны», — говорится в Заявлении Совещания.

Вот обычная реклама одной из американских фирм. «Рэйтеон компани» из Массачузетса бахва-

Китай. «Дорогой дружбы» здесь, как и в Советском Союзе, называют новую магистраль, которая свяжет два великих социалистических государства — КНР и СССР.

ПРАВДА

ЗАЯВЛЕНИЕ

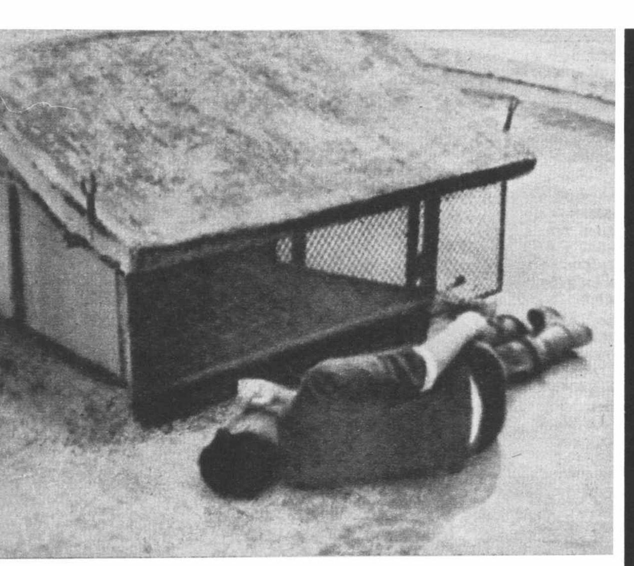
Совещания представителей коммунистических и рабочих партий

ПРАВДА

С большой трудовой победой, товарищи строители и металлурги!

ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДАМ ВСЕГО МИРА

БЫ, ВРЕМЯ ПОБЕД

←

Неаполь. Утро пришло на набережную залива Санта-Лючия. Оно поднимет этого бездомного итальянца и опять заставит его ходить и ходить по городу в поисках работы.

→

Этот снимок был опубликован в журнале «Ньюсуик». Орудие направлено с Куэмоя на землю народного Китая. Кое-кто в США хочет, чтобы пушки заговорили.

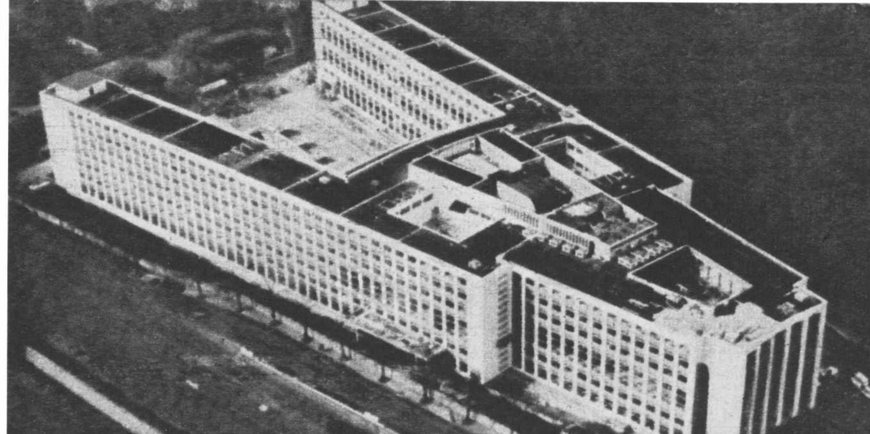

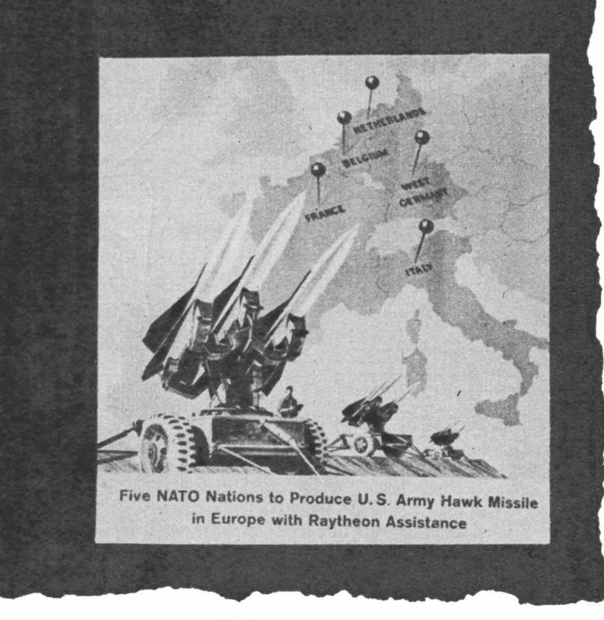
←

Курс — на провокации. Американский авианосец «Шэнгри-Ла» у берегов Кубы.

→

Гнездо милитаризма — здание Совета НАТО в Париже. На этом здании следовало бы повесить предостерегающую надпись: «Огнеопасно». Ведь милитаристы из НАТО играют с огнем.

«Рэйтеон компани» рекламирует смерть.

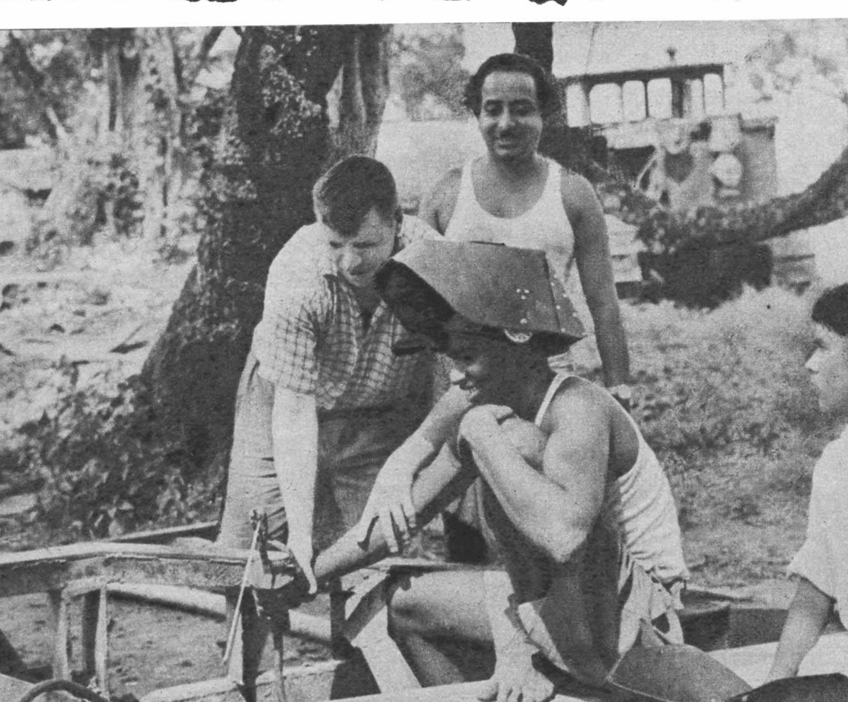

А здесь все помыслы — о жизни. Социалистическая Чехословакия строит. Неподалеку от Праги вырастет большой цементный завод. ↓

Калеча чужую землю: американские бронемашины в западноберлинском предместье Грюнвальд.

Цейлонцы учатся у друзей. Советские специалисты помогают народу Цейлона развивать экономику страны. ↓

лится не тем, что создается для жизни, а тем, что несет смерть! Американскую ракету «Хок» с помощью этой компании будут производить в пяти европейских странах — членах НАТО, включая Западную Германию. Директора компании покрывают карту Европы значками: здесь будет создаваться оружие уничтожения людей. Другие отметки появляются на карте социалистических стран: здесь поднимутся новые заводы, там — фабрики, школы, стадионы.

У стран социализма и у стран империализма разные цели. Гусеницы американских танков калечат землю Западной Германии, а советские машины ведут наступление на джунгли Цейлона, помогая дружественному народу отвоевывать земли для посевов.

Американский милитаризм устраивает выставки атомного оружия, сделанного в США, а Советский Союз направляет в зарубежные страны выставки, рассказывающие об использовании атомной энергии в мирных целях.

Разве удивительно, что народы называют Советский Союз другом, а американский империализм — жандармом?

Соединенные Штаты Америки являются главным оплотом позорнейшего явления века — современного колониализма. Десятилетиями ядовитые щупальца американского спрута душили Латинскую Америку. Монополии США беззастенчиво грабили народные богатства.

С радостью встретили кубинцы национализацию американских компаний. Они вышли на улицы с плакатами, транспарантами. На некоторых плакатах было написано: «Куба — да! Тексако — нет!» «Тексако» — это название американской нефтяной компании «Тексас ойл компани», которая нажила в Кубе миллионные прибыли. Недавно эта компания «пожертвовала» 100 тысяч долларов кубинской контрреволюции. О цели этого дара предельно ясно сказал председатель компании Огастес Лонг: «У нас имеются большие капиталовложения на Кубе. И мы рассчитываем, что когда-нибудь мы их получим обратно».

«Янки — нет!» — заявляет сегодня свободная Куба, сбросившая со своих плеч американское ярмо.

«Янки — нет!» — громом антиамериканских выступлений прокатывается по тем странам, где доллар насадил кровавые диктаторские режимы. Рушатся троны ставленников империализма!

«На огромных пространствах мира восторжествовали национально-освободительные революции. За 15 послевоенных лет в Азии и Африке возникло около 40 новых суверенных государств», — читаем мы в Заявлении Московского Совещания.

Африка! На ее многострадальной земле еще до сих пор сохранились очаги колониального рабства. Именно такой Африкой, Африкой за решеткой, Африкой за колючей проволокой, хотели бы всегда видеть черный континент колонизаторы. Но хотя снимок сделан в английской колонии Южная Родезия совсем недавно, это — вчерашний день Африки.

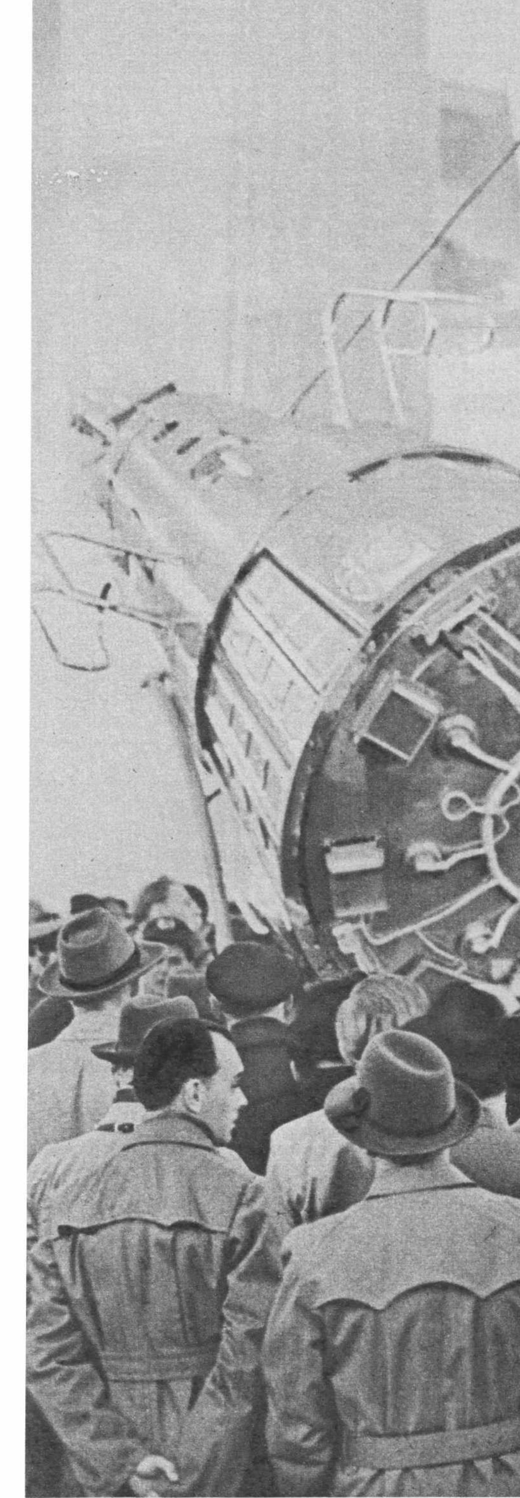
Ее сегодня — борьба за свободу, за независимость, за экономическое раскрепощение. Девушка из Алжира, имени которой мы не знаем, еще носит военную форму. Она сражается за свое право стать человеком мирной профессии в свободном Алжире.

Томас Агиаре из независимой Республики Ганы тоже одет в форму. Но эта форма не военная. Пилот ганайской авиакомпании Агиаре водит над Африкой пассажирские самолеты. Если же колонизаторы попытаются восстановить на его родине проклятые людьми и историей порядки, как они это делают в Конго, тогда он сядет за штурвал истребителя...

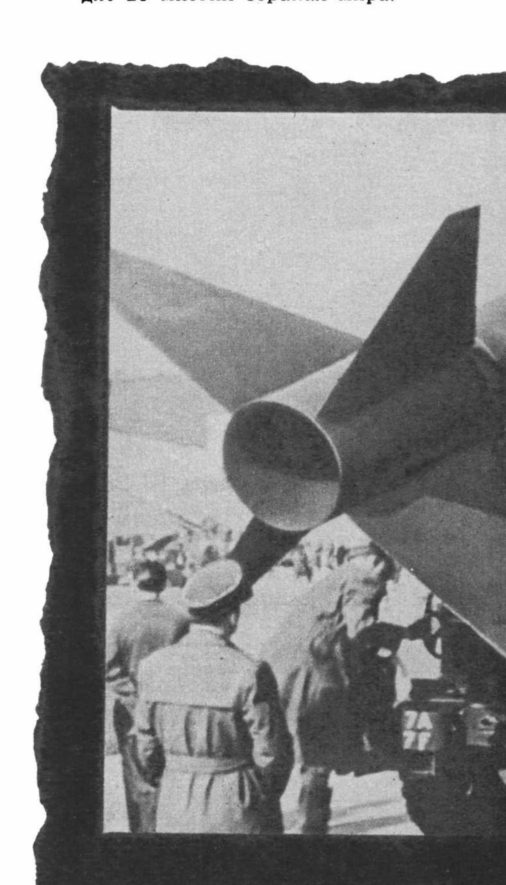
Однако не о войне думают сегодня народы, а о том, как предотвратить ее.

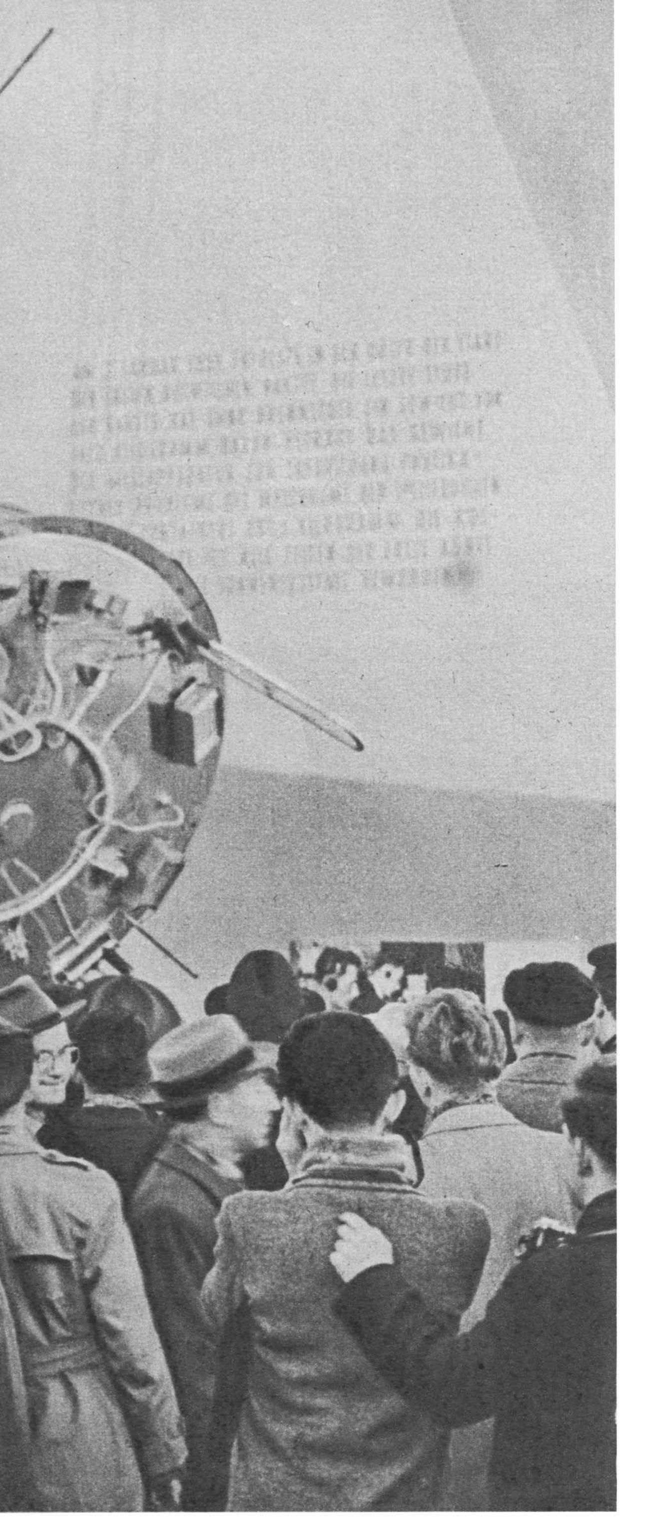
«Борьбу против опасности новой мировой войны нужно развертывать, не дожидаясь, когда начнут падать атомные и водородные бомбы. Эту борьбу надо вести сейчас, изо дня в день наращивая усилия. Главное — своевременно обуздать агрессоров, предотвратить войну, не дать ей вспыхнуть», — призывают в своем Заявлении коммунистические и рабочие партии.

Этот призыв слышат народы. Они борются за мир, за светлое будущее. Они победят. Такое теперь время — время наших побед.

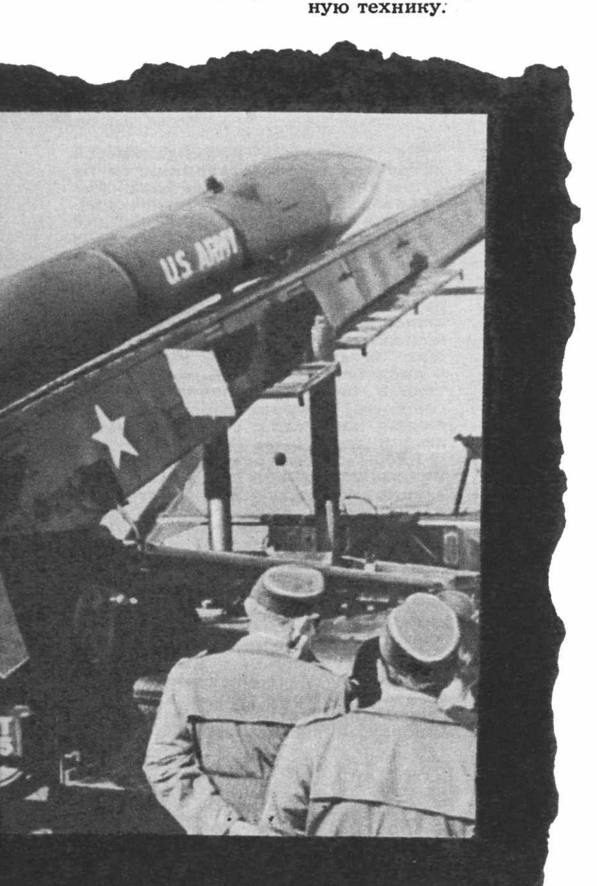

«Мир!» — девиз советских выставок, которые с огромным успехом проходят во многих странах мира.

↓ Им это очень интересно. Офицеры западногерманского бундесвера осматривают американскую военную технику.

«Тексако — нет!» Кубинцы стали свободным народом, и они радуются, что на их острове хозяйничанью американских монополий пришел конец.

→ Южная Родезия пока еще живет по законам колонизаторов.

Она борется за независимость Алжира, за счастье своего народа. Как бы ни старались французские колонизаторы, их поражение неизбежно!

Недавно впервые двое африканцев — граждан Ганы — стали пилотами. Один из них — Томас Агиаре.

Японский крестьянин — рядовой армии мира.

МИЛЛИАРДЫ ЗВЕЗД НА ЗЕМЛЕ

И. Т. НОВИКОВ,
министр строительства электростанций СССР

К ленинскому наследию мы обращаемся вновь и вновь. Созданный сорок лет назад по инициативе и при личном участии Владимира Ильича план электрификации России — ГОЭЛРО — стал первой широкой программой развития народного хозяйства страны.

По плану ГОЭЛРО, принятому в декабре 1920 года VIII Всероссийским съездом Советов, предстояло построить тридцать районных электростанций общей мощностью 1,75 миллиона киловатт. В пору всеобщей хозяйственной разрухи, когда враги предрекали Советской республике скорую гибель, нелегко было браться за такое сложное дело. Но жизнь требовала действовать с размахом, с «загадом» на будущее, чтобы покончить с вековой экономической отсталостью страны. План осуществлялся настойчиво, целеустремленно и к исходу 1935 года был перевыполнен почти в три раза.

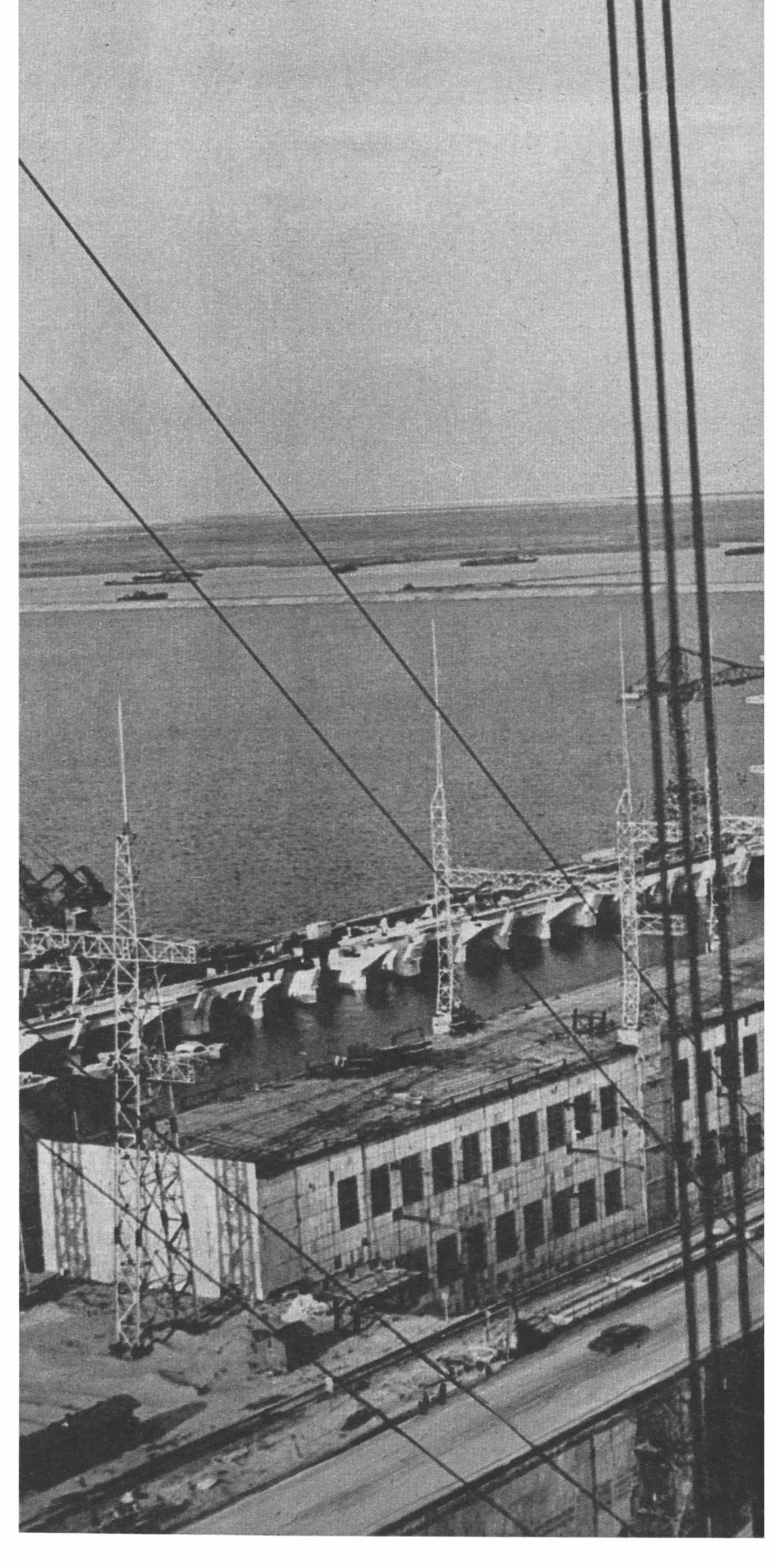
С той поры в энергетическом балансе страны произошли огромные перемены. Напомню, что по уровню производства электроэнергии Советский Союз занимает ныне первое место в Европе и второе место в мире. Каждый день страна получает теперь электроэнергии в полтора раза больше, чем за весь 1920 год.

В строительстве электростанций происходят сейчас огромные качественные перемены. Осуществляется прогноз В. И. Ленина, высказанный им на заре нынешнего века: «...Мы легко могли бы пойти на предсказание, что в следующем поколении все необходимое для страны электричество будет вырабатываться у входа в шахты и передаваться по воздушным магистралям на расстояния, которые в настоящее время, конечно, еще и не мыслятся».

А ведь именно «у входа в шахты», то есть у источников топлива, сооружаются теперь мощные тепловые электростанции, которым в нынешнем семилетии отдается преимущество из-за их экономичности. В Красноярском крае вступила в предпусковой период Назаровская ГРЭС, расположенная вблизи крупных залежей каменного угля. В будущем году в районе Павлодара широко развернутся работы по строительству Ермаковской ГРЭС. Ее топливной базой послужит Экибастузское месторождение угля.

Скоро наша страна осуществит великую идею Ленина о сплошной электрификации страны. В 1965 году выработка электроэнергии возрастет до 500—520 миллиардов киловатт-часов.

Ленин предсказывал, что «наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии». Электрификация занимала и будет занимать в этом строительстве самое видное место. Миллиарды электрических звезд зажжены на нашей земле.

Они приходят первыми

Запорожцы давно уже смотрят на Днепрогэс привычным, спокойным взглядом хозяев.

А вот жителей молодого Волжска по-прежнему привлекает здание в теплых, ярких огнях. Это ему обязан город своим рождением.

Я долго смотрю на студеную, придавленную ледяной плитой Волгу, через которую, словно в крепком рукопожатье, сошлись стальные руки Сталинградской плотины. И думаю о людях, которые пришли сюда, на реку, с рюкзаками за плечами, чтобы найти добротное место под будущую гидростанцию и плотину. Стоит ли, однако, возвращаться к прошлому? Ведь точно такое происходит сейчас на десятках рек. Похитить у воды энергию, заставить ее работать на людей, на богатейший сибирский край — вот ради чего изыскатели в стужу и зной взбираются по каменистым кручам, продираются сквозь заросли и топкие болота. Ради новых городов и поселков, новых улиц и шоссейных дорог.

Придет срок, и зашумят другие новорожденные города. Их жители будут помнить имена строителей, заложивших бетон в здания ГЭС. Но, вероятно, никогда не узнают о людях, проложивших здесь первую тропку.

Витим обороняется

...Летом 1960 года на Витиме, у села Романовка, в Бурятии, появилось незнакомое речникам судно «Энергетик». В нем было 11 человек, прибывших в Сибирь из Москвы для изыскательских работ. Вот уже много недель продолжало судно свой путь, а его экипаж пядь за пядью обследовал долину реки.

Геологи не хуже бывалых альпинистов лазили по горам, исследуя залегающие породы. Гидротехники, часто по пояс в воде, изучали жизнь створа или вели топографическую съемку. Мотористы возились с судном, кинооператор снимал панораму местности.

Продвигаться по реке было трудно. На каждом шагу ожидали сюрпризы: пороги, мели, водовороты, перекаты. Без опытного, годами изучавшего реку лоцмана и думать нечего о плавании по Витиму. Но судно представляло единственный транспорт экспедиции, и выбирать не приходилось. Однажды «Энергетик» выбросило на камни. Только на третьи сутки катер выручил их из беды. Капитан катера оставил экспедиции буханку хлеба и по одной папиросе на брата: ее собственные запасы кончились накануне. В другой раз всему отряду из-за жестокого нрава реки пришлось крепко побурлачить. Быстрое течение снесло баржу, которая везла оборудование для скважин, вниз по Витиму. Техники, бурильщики, инженеры впряглись и под удалую бурлацкую песню потащили ее обратно...

Не меньше неожиданностей встречало путешественников и на суше. Время от времени изыскатели отправляли материалы исследования в Москву. Ближайший аэродром находился в поселке Муя, в 70 километрах от Многообещающей косы, стоянки экспедиции. Добирались пешком: четыре дня в оба конца. На пути пешеходов ожидал участок, который называли «тропою смерти». Она шла по склону горы, над рекой, и продвигаться по ней можно было только плотной цепочкой. Что и говорить, природа оборонялась от людей, как могла: горами, реками, хищниками.

1 200 километров проплыл по Витиму отряд, возглавляемый Л. Б. Шейнманом. Сейчас на створах, намеченных изыскателями, работают буровики, топографы, гидрологи, подготавливая берег к приходу строителей гидростанции.

Экспедиция на Селенгу

...Начальник гидропартии Дина Дегтярева получила в Иркутске тревожные сведения: группа гидрологов на Селенге попала в беду. На реку обрушился «исторический» паводок, и высокая вода отрезала

людей от населенных пунктов. Несколько дней прожили гидрологи без крошки хлеба, но работу все-таки не прекращали. А вскоре в научно-исследовательском институте получили с Селенги ценнейший материал. Почему ценнейший? «Исторический» паводок, самый бурный из наводнений, бывает лишь раз в столетие. Это настоящий подарок гидрологам, потому что река позволяет изучать себя в наиболее «невыгодном» состоянии. В такой катастрофический период и собирались сведения о Селенге: о скорости потока в паводок, о наносах, которые он притащил с собою.

Голубая магистраль

...Геолог-съемщик Вилен Георгиевич Петров вот уже два года работает на Усть-Илимском море. Вернее, на его будущем дне: вода заполнит котловину только через несколько лет. А пока геологи наносят на карту топографические значки, рассчитывают, какие селения окажутся на берегу моря, а какие будут затоплены и подлежат переносу на новые места.

Зима — самая трудная пора для полевых работ. Как ни одевайся, вьюга кляпом залепляет рот, крутит невидимой бечевкой суставы. Но что такое стужа для геофизиков, которые по восемь часов простаивают на ангарском льду! Изо дня в день прощупывают они специальными приборами горную породу — ищут для будущей плотины твердое, устойчивое основание. Недалеко время, когда их труд станет зримым и со строительством каскада плотин превратится в огромный водный путь — от Ледовитого океана по Енисею, Ангаре, Байкалу до Улан-Удэ. Голубым меридианом вытянется судоходная магистраль с севера на юг страны и всколыхнет на своем пути гудящую стройками жизнь...

Доверили молодежи

Экспедиция на Северо-Уральские бокситовые рудники была целиком молодежно-комсомольской, не исключая и начальства. Ей доверили большое и совсем новое дело — очистить сжатым воздухом скважины, замусоренные шламом. Было и второе задание. Многие рудники Северо-Уральска лежат, как говорят геологи, в закарстованной местности. Ее породы легко растворяются в воде и образуют глубокие подземные каверны. Вот из этих-то воронок и предстояло откачать воду.

Двести человек создали самостоятельный городок, со своим внутренним распорядком и правилами. Общим советом решили не только работать, но и отдыхать по толковому, разумному плану: организовать спортивные секции, встречи с местными командами, пойти в альпинистский поход.

Восхождение на Денежкин камень, что у Уральского хребта, продолжалось два дня. К горе шли через заповедник. Прямо из-под ног выпархивали куропатки, носились наперегонки зайцы, бросались скорлупой белки. Заночевали в избушке лесника. А потом долго вспоминали подробности путешествия и радость маленькой спортивной победы.

Будни проходили напряженно. Изучали состав породы, бурили скважины и глубинными насосами откачивали рудничные воды, рассчитывали, где бетонировать русла рек. Сейчас Ваграй, Калья уже частично взяты в бетон по проектам молодежно-комсомольской экспедиции.

...Я познакомилась с молодыми гидрогеологами на их недавней конференции в Москве. Это был недельный диспут о самом разном, что волновало энергетиков: о последних экспедициях, об экономических сооружениях, о сроках строек, о новой технике.

В моей записной книжке рассказы не только Дегтяревой и Петрова, но и Виктора Смыслова, побывавшего за несколько лет на десятке гидростанций, 22-летней Тани Авровой — она собирается в свою первую экспедицию на Красноярскую ГЭС, Евгения Левина, руководившего буровыми работами на Енисее, и еще многих других изыскателей, гидрологов, топографов.

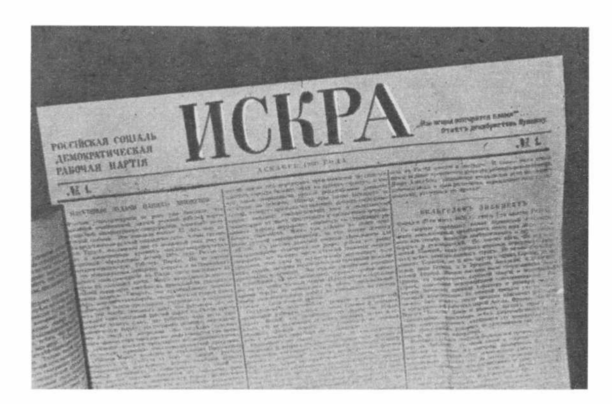
Сейчас гидрогеологи уже разъехались, чтобы снова первыми ступить на землю, на которую вслед за ними придут строители электростанций.

Л. БИРЧАНСКАЯ

Последняя турбина Сталинградской ГЭС вступила в строй. Мощность самого крупного в мире энергетического гиганта — 2 миллиона 415 тысяч киловатт.

На снимке: Сталинградская гидроэлектростанция и водосливная плотина.

Фото А. Горячева.

Первый номер газеты «Искра», декабрь 1900 года. Статья В. И. Ленина «Насущные задачи нашего движения».

ИЗ ИСКРЫ ВОЗГОРЕЛОСЬ ПЛАМЯ

Прошло 60 лет со дня выхода первого номера «Искры» — общерусской нелегальной газеты. Ленинская «Искра» заложила прочные основы большевистской партии нового типа, партии социальной революции и диктатуры пролетариата. «Искра» сыграла огромную роль в истории не только русского, но и международного рабочего движения.

С первых дней своего существования ленинская «Искра» вела упорную и непримиримую борьбу против русского и международного оппортунизма, за подлинно революционную партию рабочего класса.

Большевистская партия, за создание которой боролась ленинская «Искра», привела нашу страну к победоносной социалистической революции, к построению социалистического общества в нашей стране.

Редакция печатает подготовленные в выдержках неопубликованные воспоминания Г. И. Петровского (1878—1958), участника революционного рабочего движения, партийного и советского деятеля.

М. РУТЭС,
заместитель директора Музея революции СССР

Я расскажу о значении «Искры» в Екатеринославской губернии, в которую в то время входил и Донбасс.

В 1900—1901 годах во всех промышленных центрах Екатеринославской губернии рабочие социал-демократические кружки росли, как грибы после дождя. Этому во многом помогали рабочие, высланные из Петербурга и Москвы за принадлежность к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», руководимому тогда В. И. Лениным и его соратниками. По петербургскому образцу организован был «Союз борьбы» и в Екатеринославе. Ставились вопросы о руководстве комитетом каждой забастовкой на заводах, о ликвидации кустарничества и сепаратизма в революционной борьбе. Придание экономическим стачкам политического характера, необходимость центрального руководства борьбой за партию, за профсоюзы диктовались жизнью на каждом шагу.

При обсуждении на комитете было отмечено, что в экономических забастовках арестов рабочих меньше, чем в забастовках, носящих политический характер. В это время в партии шла большая дискуссия (она и в рабочих кружках проходила), вносить ли в рабочее движение политическую борьбу против царского самодержавия или ограничиваться экономической борьбой рабочих против заводчиков, за улучшение своего положения. Такая дискуссия развернулась у меня на квартире в Екатеринославе. Был поставлен вопрос, переходить ли комитету на позиции «Искры», то есть поддерживать всякое забастовочное движение, а так как при царском правительстве у рабочих никогда не может быть прочных завоеваний, бороться против самодержавия, за демократическую республику. Или направлять рабочих только на экономическую борьбу — меньше жертв. Эту линию выдвигали так называемые экономисты, рабочедельцы. На собрании защищал ее Василий Епифанов. Он говорил: «Экономическая забастовка ясна для рабочего, а «Долой самодержавие» — непонятно. А если кончается забастовка полицейскими репрессиями, то рабочего-массовика совсем отобьет от забастовок, и он будет коснеть в невежестве».

А жизнь тогда кипела — по фабрикам и заводам проходили забастовки. Рабочие требовали повышения зарплаты и улучшения условий труда, вежливого обращения.

«Искра» призывала к политической борьбе. В борьбе за марксистскую революционную теорию искровцам того времени удавалось разбивать экономистов. Тогда по всей России как только соберутся два, три, пять рабочих, то разговор у них пойдет либо о содержании выпущенной прокламации, либо о происходящей стачке на каком-нибудь заводе. В этот момент «Искра» с ленинскими статьями давала такие политические и организационные установки, от которых вырастало сознание рабочих, они закалялись для боя с царским самодержавием, с полицией, жандармским режимом. Каждый номер «Искры» ожидали с большим нетерпением и зачитывали до дыр.

Екатеринославский комитет РСДРП колебался, занимал неясную позицию. Только под большим напором рабочих комитет принял линию «Искры», ликвидировав всякое влияние экономистов и рабочедельцев. «Искра» с общими политическими статьями давала ответы на все животрепещущие вопросы борьбы с народниками, эсерами, экономистами, рабочедельцами, освещала тактику массовой политической борьбы с царским самодержавием.

Рабочие Екатеринослава предложили провести совместную демонстрацию со студентами против произвола царского правительства. Это было в феврале 1902 года. И закипела работа — начали делать железные палки, запасаться болтами, гайками и другими предметами для боя. Правда, в прокламациях говорилось, что демонстрация должна быть мирной, но если полиция начнет бить участников, надо дать отпор.

17 февраля 1902 года, несмотря на препятствия и полицейские заграждения, демонстранты прорвались на проспект, взвилось красное знамя, и на нем ясно зардели слова: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!». С песнями «Марсельеза» и «Варшавянка» прошли два-три квартала по проспекту. Полиция бросилась разгонять и бить рабочих и студентов. Кто-то крикнул: «На кровопийцев!». Демонстранты ринулись на городовых, затрещали деревянные перегородки скверов, начали выбирать из мостовых камни. Вначале полицейские, поднявши шинели, в панике начали удирать. Это дало возможность демонстрантам пройти еще один сквер с песнями.

Вскоре к городовым подошло казацкое подкрепление. И началось кровавое побоище, которое было описано в «Искре». На следующий день рабочие говорили, что они во вчерашнем бою прозрели, выросли на целую голову. Теперь ясно, что нужно готовиться к самой жестокой борьбе против царизма и капитализма. Страха на демонстрантов нагнать не удалось.

Реакция свирепела. Шли аресты, и в тюрьмах избивали рабочих.

После демонстраций в Екатеринославе поступление в партию рабочих в несколько раз увеличилось по сравнению с прошлыми годами. Вместо кружков собирались активы рабочих социал-демократов в двадцать — тридцать человек, на которых комитетчик делал доклад, информацию и раздавал «Искру». Если раньше, при руководстве экономистов, прокламации заканчивались лозунгом «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!», то теперь в прокламациях писали: «Долой царское самодержавие! Да здравствуют политические свободы!».

Ленинская «Искра» делала великое дело — создавала кадры. Искровские статьи, главным образом ленинские, как дожди в засуху, оживляли рабочее движение, давали ответы на все насущные вопросы нашего движения, поставленные жизнью и борьбой.

Передовые рабочие социал-демократы начали решительную борьбу с царским самодержавием, создавали боевые революционные организации и признали ленинскую «Искру» своей общерусской революционной газетой. Организаторская роль «Искры» выполнялась с помощью десятков и сотен агентов газеты из среды революционных рабочих в самых различных районах страны.

И начался великий водораздел, размежевка. Ленинская гвардия росла не по дням, а по часам. Это она создала знаменитое забастовочное движение на юге, которое носило политический и революционный характер. И лозунги его были: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Земля крестьянам!». Так постепенно подошли и к крестьянскому вопросу.

Мы, искровцы, в рабочей среде резко критиковали эсеров, этих «представителей» крестьянства, а в сущности, ничего не понимавших в делах деревни. Екатеринославский комитет начал налаживать связи с селом и народными учителями, с бедняками.

С такой искровской зарядкой я в 1902 году уехал в Донбасс. А в 1903 году экономист Епифанов приехал от Екатеринославского комитета делать доклад о Втором съезде нашей партии и объявил, что он от меньшинства, а от большинства приедет другой товарищ. Летом в одной из балочек, в зелени, нас собралось человек девятнадцать. После доклада взял слово П. А. Моисеенко и сказал такую речь: «Доклад мало понятен. Мы, собравшиеся здесь, стоим на позициях большинства и Ленина. И вы, товарищ Василий, можете ехать в Екатеринослав». Собравшиеся все дружно поддержали товарища Моисеенко.

Прошла идиллия товарищеских отношений. Наступала другая эпоха. Начала создаваться большевистская партия, которая привела нас к победам.

Гао Ши-ци и его друзья

Ученики железнодорожной школы № 2 в Новосибирске переписываются с известным китайским ученым и писателем Гао Ши-ци. В первом своем письме он рассказал ребятам:

«Я человек, которого уже 32 года сковывает злой демон болезни. Сейчас мое тело парализовано почти полностью, но благодаря теплой заботе, которой меня окружила партия, благодаря вниманию моих многих друзей я могу работать, упорно продолжаю писать».

В сборнике стихов Гао Ши-ци, который он прислал школьникам, напечатана и статья о мужественной жизни писателя-коммуниста.

...Молодой микробиолог Гао Ши-ци учился в Чикагском университете. Однажды во время опыта разбилась колба с вирусами энцефалита, и вирусная жидкость поразила исследователя. Он тяжело заболел.

В 1951 году Гао Ши-ци работает в Министерстве культуры и Всекитайском Союзе писателей. В газетах, журналах часто публикуются его научные работы, статьи для молодежи.

«Человек,— говорит Гао-Ши-ци,— должен совершить максимум того, на что он способен».

Новосибирские школьники отвечают своему китайскому другу теплыми, дружескими письмами.

Я. ЦИММЕРМАН

親愛的依薩叶維奇同志：

你珍貴的來信從中国作家协会轉到我的手里的時候，我正在中国最南部的省分——广東省的一个山明水秀的温泉疗養地渡着假期休養生活。謝謝你对我的关怀和友誼。

我是一个被病魔纏繞了三十二年的人，現在身体几乎完全瘫痪，但在党的親切关怀和同志们的細心照顧之下，我仍然能堅持寫作。由於我的一切動作都感到十分困难，說話又不方便，我為党為祖国為人民所作的事实在太少了，我並不因此而失望。我知道，我们的共同事業——建設共产主義是全体人民同心协力的工作，其中也有我的一份，為此我感到驕傲和幸福。

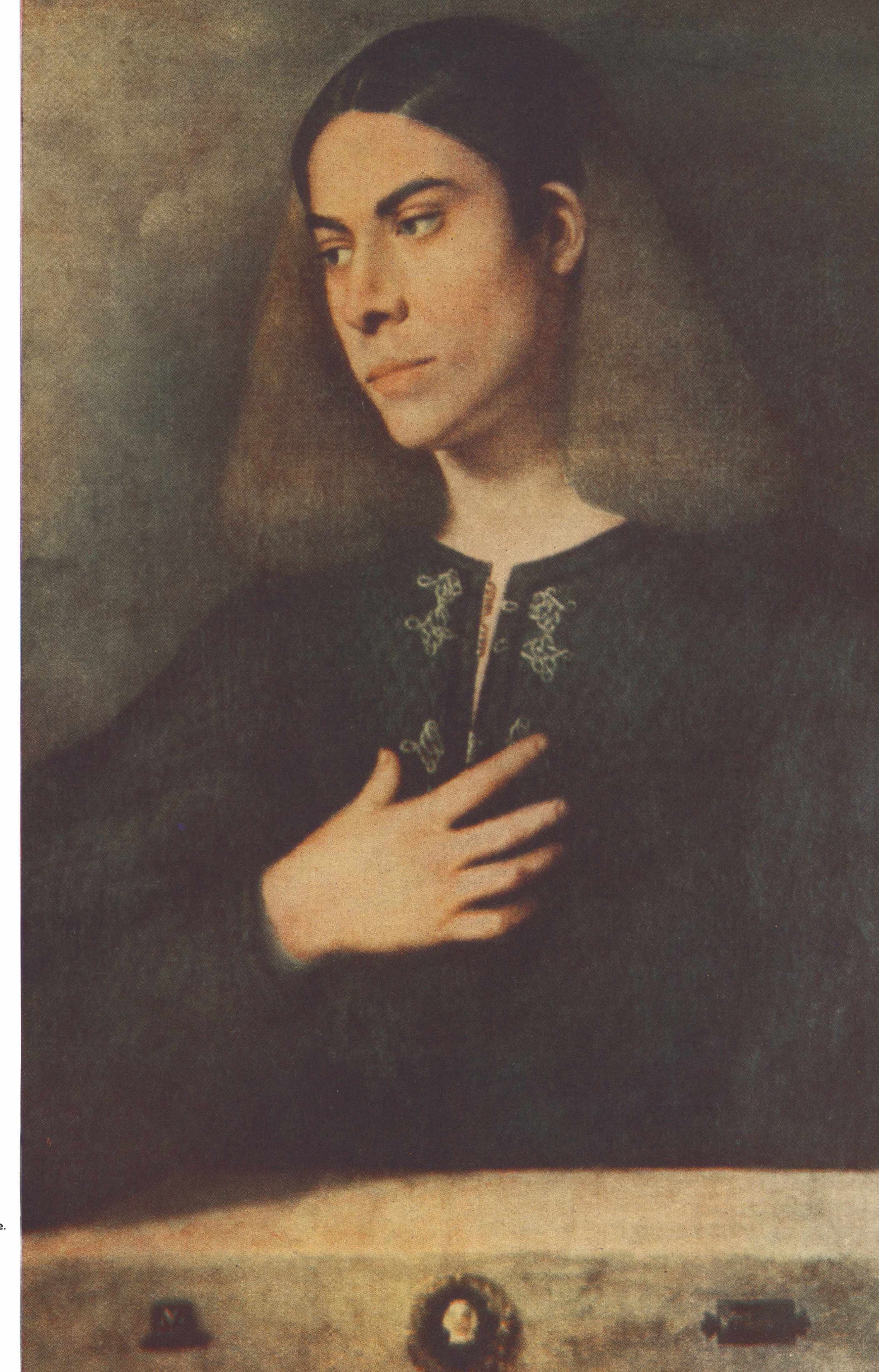
Страничка письма Гао Ши-ци.

На наших вкладках

В величественном здании находится Венгерский музей изобразительных искусств. Здесь собраны тысячи картин и скульптур и свыше ста пятидесяти тысяч листов графики. Тут большая коллекция произведений итальянских мастеров эпохи Возрождения — Гирландайо, Рафаэля, Джорджоне, Себастьяно дель Пьомбо, Тициана, Тинторетто, Леонардо да Винчи. Из французских живописцев XIX века — Гюстав Курбе, Эдуард Мане, Клод Моне...

Хорошо представлена испанская школа. Здесь пять великолепных работ одного из самых ярких и своеобразных художников — Франсиско Гойи (1746—1828). Посетители музея восхищаются и замечательными работами Доменико Теотокопули, прозванного Эль Греко (1541—1614); одной из ранних картин Веласкеса — «Крестьянский завтрак» — превосходной бытовой сценкой из жизни простого народа. Несколько беднее представлены голландские мастера — Рембрандт (1606—1669) и Гальс (1580—1666). Тем не менее портрет художника Яна Асселина, написанный Франсом Гальсом,— настоящий шедевр.

Все эти бесценные сокровища, которые раньше были доступны лишь узкому кругу, в народной Венгрии стали достоянием масс.

Джорджоне.

ПОРТРЕТ

ЮНОШИ.

ДВОЕ НА ДНЕ МОРЯ

А. СТАРКОВ

В этом рассказе о подвиге водолаза Виктора Ворожейкина я изменяю имя и фамилию человека, которого он спасал. Я делаю это потому, что собираюсь рассказать все так, как было. А было так.

В Татарском проливе, близ Сахалина, милях в пяти от берега, затонул в шторм большой сейнер. Тральщики быстро нашли его, зацепив сетями на глубине 76 метров. «Рыбака» оплели стальными тросами, концы которых были выведены наверх и закреплены на буях. Явились водолазы. Они должны осмотреть, обследовать сейнер, прежде чем приступать к его подъему. Стоял октябрь, и если вы бывали в тех краях, то представляете, что́ такое поздняя осень в Татарском проливе. Водолазы работали, пользуясь каждым крошечным «окошком» между штормами, но таких «окошек» становилось все меньше. А потом водолазов отвлекла другая, еще более срочная работа, и когда они вернулись к «рыбаку», наступил уже конец ноября с беспрерывными штормами и метелями. Но нужно было довершить осмотр судна, оставалось только два-три спуска. Водолазы терпеливо поджидали хотя бы коротенького затишья. И оно выдалось как-то на рассвете. Водолазный катер поспешил к месту работ. Первым предстояло идти на глубину Павлу Бушмакину, за ним Виктору Ворожейкину.

Они не были друзьями, но знали друг друга давно, еще с Балаклавы, где обучались на водолазов. Там, в учебном отряде, их зачислили в один взвод. А водолазов подбирают по росту, по весу. Бушмакин и Ворожейкин были совершенно одинакового роста — 178 сантиметров и веса — 80 килограммов. И силенка у них в руках была схожая, только Павел выжимал на динамометре правой 75 кило, левой — 64, а Виктор наоборот: правой — 64, левой — 75; он был левша. А на спирометре они «выжимали» могучими своими легкими по 4 500 «кубиков». Словом, бог не обделил их обоих здоровьем. Правда, Павел Бушмакин был сухопар и, можно считать, худ по сравнению с плотным, грузноватым для своих двадцати лет Ворожейкиным. «В тебе, Паша, костей побольше»,— шутили товарищи. Но Бушмакин шуток вообще-то не любил, не понимал. Он как-то жалобу подал секретарю комсомольского бюро. Кто-то из ребят, чуть ли не Ворожейкин, назвал его, бушмакинский, нос рубильником. И бюро долго решало: считать это оскорблением или не считать?

Сам Бушмакин никогда никого не обижал, и грубого слова от него не слышали. Но людям этого, видно, мало. Пашу недолюбливали. Хотя он и услужить был не прочь человеку. Поделиться, скажем, чем-нибудь из своих запасов. А припасено у него было в рундучке на многие случаи жизни. Потребовался тебе конверт без марки для матросского письма,— пожалуйста, получай. Но через месячишко-другой не забудет напомнить: «Должок за тобой, конвертик...» Одеколону кому нужно для бритья — Паша отольет из своего флакона точненько, по аптечной мере, и опять же должок за человеком... Прислали ему сала нутряного из дому, с Кубани. Он ту посылочку — в баталерку, под замок, и каждый раз бегал туда по утрам за порцией сальца себе к завтраку. Ребята, сами понимаете, и без его сала не голодали на обильных флотских харчах. И им забавно было глядеть на скупердяя. А тут еще Толя Шкарабельников получил посылку с фруктами из-под Киева. Крышку отодрал, ящик — на стол в кубрике: угощайся, кто хочет! Бушмакин ходил-ходил вокруг, взять — неловко: сам-то никого не угощал,— а яблочка отведать охота, так он Шкарабельникову обмен предложил: полкило сала за килограмм яблок. «Брысь!» — сказал ему Анатолий, а может, и еще чего добавил.

Матрос он, Бушмакин, был исправный, старательный, аккуратный. Койку заправит — незаметно, что на ней и лежал кто. В увольнение идет на берег, складки на брюках — обрезаться можно. Любил ходить со старшиной в баталерку за водолазными комплектами, которые выдавались перед учебными спусками, и, пока старшина пересчитывал полученные на отделение телогрейки, ватные брюки, сапоги, Паша успевал выбрать себе комплект почище, посуше, целее. У начальства никогда не было к нему претензий: что прикажешь, выполнит и доложит. Но ему не нравилось там, внизу, на дне морском: тесно, холодно, склизко. И он всегда старался побыстрее выбраться оттуда на свежий, вольный воздух. В водолазах после флотской службы он не собирался оставаться. Да и обратно в трактористы не хотел. Влекло его по финансовой линии: полагал учиться на бухгалтера...

...Первым, значит, шел в этот день на глубину Бушмакин. Сменять его предстояло через полчаса Ворожейкину. И он уже был почти в готовности, оставалось только шлем надеть. Сменщик страхует работающего под водой, переговаривается с ним по телефону, следит за манометром. Вниз водолаз идет быстро, соскальзывая по толстому пеньковому канату — спусковому концу. Он закреплен на корме катера и где-то там, на дне. Другой канат, не такой толстый, но тоже крепенький, привязан к самому водолазу. Называют его «сигналом» потому, что он как бы дублирует телефон. Им пользуются для переговоров по особому водолазному коду, похожему на азбуку Морзе, только там стучат, а тут дергают. Так что водолаз довольно прочно связан с «землей» спусковым концом, «сигналом», телефонным проводом, ну и, конечно, шлангом, по которому ему подают воздух.

Бушмакин спускался молча, но Виктор слышал в трубку его ровное дыхание, да и стрелка манометра докладывала о каждом метре продвижения водолаза вниз. Вот он прошел 40 метров... 50... 65... 70... И вдруг дыхание его оборвалось на полувздохе и стрелка скакнула. 70... и сразу 76. Резкая смена давления. Похоже, что сорвался с каната.

— Воздух!— кричит Ворожейкин мотористам.— Воздух!—И вниз: — Бушмакин! Бушмакин! Ты меня слышишь?

Молчит. Доносится только стон и что-то вроде всхлипывания.

— Бушмакин! Бушмакин! — Это уже кричит подбежавший к телефону Дунаевский, командир водолазов.

И оттуда, снизу, слабый-слабый голос:

— Упал... Запутался... Воздуху...

— Еще воздух! Выбирать шланг-сигнал! — командует Дунаевский.

Но ни воздушный шланг, ни «сигнал» не поддаются, верней, поддались немножко и застряли: видно, их там, внизу, чем-то зажало, и Бушмакина вот так просто не вытащишь.

— Ворожейкин!

— Есть Ворожейкин!

Он уже стоит на спущенном с катера трапе, он уже по грудь в воде, и завинчивают шлем, и вот уже не видно шлема: ушел в воду. Ворожейкин идет, нет, летит вниз на помощь товарищу и, чтобы сразу найти его, скользит не по спусковому концу, а прямо по бушмакинскому шлангу.

Стукнулся ногами о дно, но Бушмакина на дне нет. А шланг его вместе с «сигналом» петляет между тросами, которыми опутан «рыбак», и снова уходит вверх.

— Ворожейкин, докладывайте. Что вы видите? — спрашивает сверху Дунаевский.

— Тут до черта концов, товарищ капитан-лейтенант. Минуточку... Сейчас разберусь. Оттягиваю шланг-сигнал. Пашка, видать, на троса наткнулся. А где он теперь, не пойму.

— Поднимайтесь на палубу, Ворожейкин.

— Есть на палубу...

— Поднялся? Я спрашиваю тебя, поднялся?

— Тут он, Яков Ильич, тут, на палубе. Сейчас будем выбираться.

И замолчал. Только тяжело-тяжело дышит, будто борется с кем.

— В чем дело, Ворожейкин? Почему не докладываете?

— Минуточку, минуточку, товарищ капитан-лейтенант...

Бушмакин лежит плашмя на кормовой палубе. Как он попал сюда? Он ведь, сорвавшись с каната, на дно упал, это по манометру было видно. И шланг бы у него не запутался между тросами, если б Паша свалился сразу на палубу. Дали, наверно, много воздуха, а он не успел вытравить его через клапан, вот и выбросило сюда. А теперь, прежде чем выбираться наверх, надо вниз, на дно, чтобы высвободить шланг из-под тросов... Виктор прижался к Бушмакину шлемом к шлему, стеклом к стеклу. Так они услышат друг друга.

— Павел, это я, Ворожейкин. Пришел за тобой. Вставай.

Не двигается, не шевелится, стонет. Расшибся? Да нет, не должен. Он падал «надутый», скафандр был полон воздуха, а это все равно, что ватой тебя обложили.

— Паша, отвечай. Это я, Ворожейкин. Что с тобой? Будем подыматься.

Зашевелил губами, что-то бормочет. Виктор, напрягая слух, улавливает два-три слова:

— Запутался.. Конец мне...

Ворожейкин даже не сразу понял, о чем это, о каком конце. Концов тут хватает вокруг: тросы, канаты.

Себастиано дель Пьомбо. ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ.

— Не выйти... Погибаю...

Ах, вот он о чем! Чудило! Все бы так погибали.

— Вставай, вставай, Паша. Пойдешь за мной. Я выведу тебя.. Ты понимаешь, где ты? На палубе. Спустимся, освободим концы — и вверх, домой!

— Погубишь... Уйди..

«Не верит мне,— подумал Ворожейкин.— Неужели из-за вчерашней ссоры? Да, схлестнулись крепко. Трепло такое! Наговорил своей Машке всякой дряни про меня, а та передала Тамаре. Чуть ему, враль, по зубам не врезал!»

— Паша, хватит дурить! Ну, испугался немного. Успокойся, вставай.

Лежит. Правой рукой ухватился за чугунную тумбу, левой за поручень. И не оторвать его: намертво вцепился. Духом ослабел, а силища в руках вон какая! Своей сильной левой рукой Виктор хочет разжать его правую, а правой левую. Ни в какую...

— Ну, что у вас там, Ворожейкин? — волнуются наверху.

— Он не в себе, Яков Ильич. Ничего не дает делать. Сам не встает и мне не поддается. Прикажите ему.

Ворожейкин не слышит, что говорит в телефон Дунаевский Бушмакину, но слышит бормотание Паши.

— Плохо мне... Голова болит... Конец...

Голова болит? А может, лучше, если он потеряет на минутку сознание?

— Товарищ капитан-лейтенант, перекройте Бушмакину воздух.

И Дунаевский, опытный человек, сразу понимает, зачем это понадобилось Ворожейкину.

— Ясно, Виктор! Перекрываю. Только ты быстрей!

И Ворожейкин, пользуясь тем, что Бушмакин, задыхаясь от недостатка воздуха, обмяк, ослабел, рывком разжимает ему руки, вскидывает, ставит на ноги и тут же кричит в телефон:

— Провентилировать!

Бушмакину дают свежий воздух. Паша приходит в себя, и снова с ним тяжело. Отталкивает Ворожейкина, цепляется за трос, за поручни, за все, что попадает под руки. Обхватил мачту, уперся в нее коленями, и теперь хоть мачту вырывай вместе с ним. Ну что случилось с Пашей? Ворожейкин уже бывал с ним под водой. Вместе подымали затонувшую на учебных стрельбах торпеду. Вместе стаскивали буксир с камней. Водолаз он, конечно, неважнецкий. Ненаходчивый. Дела этого не любит. Но уж так перепугаться!

Там, наверху, подошел к телефону Саушкин, водолазный врач.

— Виктор,— говорит,— ты с ним осторожней. И от себя не отпускай. У него, возможно, шоковое состояние.

— Я его, Василий Васильич, не брошу, не оставлю. Вот не знаю только, как с палубы вытащить. Потом будет легче.

— А мы ему еще разок воздух перекроем.

— И мне заодно...

— Понял тебя, Витя. Держись!

Расчет такой: как перекроют обоим воздух, они потяжелеют, и обоих потащит вниз с накренившегося судна... Жадно глотая остатки воздуха в скафандре, Ворожейкин потянул задыхающегося, обмякшего Бушмакина на себя, перевалился вместе с ним за борт, и оба рухнули на дно. И уже на грани потери сознания Виктор прохрипел в телефон:

— Провенти...

А там, на катере, не видя борьбы, разгоревшейся на дне морском, но ощущая по скачущим стрелкам манометров, по дергающимся «сигналам» все ее напряжение, там чутко следят за схваткой, и свежие струи воздуха уже хлынули по обоим шлангам.

Борьба только закипает. Сильной души человек схватился со слабовольным, потерявшим веру в себя, не верящим в человека, который хочет его спасти. И ошибись сильный хотя бы в самом малом, слабый погубит и его и себя...

Внизу, у самого днища «рыбака», переплетение тросов, среди которых запутались шланг и «сигнал» Бушмакина. Они, собственно, не запутались; Ворожейкин видит, что их нужно лишь оттянуть ко дну и протащить под тросами. А потом самим проползти тем же путем. Но Бушмакина на палубе поднять нельзя было, а теперь не уложишь. Он рвется грудью на трос и хочет перешагнуть через него. Но тогда и шланг и «сигнал» захлестнутся мертвой петлей вокруг троса. Надо только под трос. Паша встает, Виктор набрасывается сзади и опрокидывает его на спину. Тот встает, и Виктор опять кидает его. На большее уже нет сил. И снова, в третий раз, манипуляция с воздухом. Лишь с задыхающимся, ослабевающим от нехватки кислорода Бушмакиным можно еще справиться. Рывок, и вот они уже оба по ту сторону тросов, на свободе!

Ох, и измотало ж Ворожейкина! На огромной этой, 76-метровой глубине, под страшной водяной толщей и обычные-то движения — сделать шаг, поднять руку — даются с трудом. А еще бороться с человеком, опрокидывать его, прижимать ко дну, тащить!.. Вот сейчас тащи его к носовой части сейнера, где закреплен спусковой конец. На обратном пути он становится для водолаза подъемным, этот канат... Пора, давно пора Ворожейкину с Бушмакиным наверх. Все сроки вышли. На такой глубине водолаз работает обычно не больше 20 минут. Сорок — аварийный срок. А они пробыли почти час. Теперь им часов десять подыматься, не меньше. Саушкин, врач, передал Ворожейкину график подъема. Первая остановка на глубине 46 метров. А потом через каждые три метра выдержка. И чем ближе к выходу, тем дольше сидеть.

— Яков Ильич,— говорит Ворожейкин снова подошедшему к телефону Дунаевскому.— Мы не пойдем по спусковому: до него далеко. Мне Пашку не дотащить туда. Что? Стоит-то он стоит, да все еще вроде не в себе... Обрублю у себя «сигнал»... Поняли? По сигнальному концу пойдем. Минуточку, минуточку... Закрепляю на тросах. Первым — Пашка, я за ним. И на выдержках будем вместе. Я уж с ним до конца... Ушел? Как ушел?!

Оглянулся, а Бушмакина и в самом деле нет уже рядом. Поднял голову. Вода чистая, прозрачная, просматривается далеко-далеко. И там, далеко наверху, видны черные, как бы расплывающиеся подошвы водолазных галош. Бушмакин уходит по канату. Хорош! Улизнул и слова не сказал. Боялся, видать, что меня подымут первым. Эх, Паша, Паша...

Водолаз идет вверх, набирая в скафандр избыток воздуха. И скоростью управляет с помощью воздуха: то примет его лишку через клапан, то выпустит... Ворожейкин быстро добрался до первой «выдержки». Вот и беседка для отдыха — два каната с перекладиной. Как ребячьи качели. Садись, качайся, песни напевай, можешь перешучиваться с теми, кто наверху, или с соседом. Но соседа нет, беседка его пуста: ушел выше Бушмакин. Никак, он без выдержек идет? Ну, совсем сдурел!

— Товарищ капитан-лейтенант!.. Яков Ильич...— кричит Ворожейкин.— Бушмакина не вижу...

А сверху голос Ивана Бондарева, водолаза:

— Командир на носовой палубе, у барокамеры... Пашку на двадцатиметровке кессонная взяла... Крком орал. Яков Ильич ему: «Давайте на глубину, Бушмакин». А он, понимаешь, в канат вцепился, вниз не хочет. Яков Ильич: «Наверх давайте». Он и вверх не идет. Ломает его, душит. А он ни вниз, ни вверх... Качнули воздуху, выбросило!

— Жив?

— Живой. В барокамере... Витя, капитан-лейтенант хочет с тобой говорить.

— Товарищ Ворожейкин, вы меня хорошо слышите?

— Хорошо.

— Вы меня и поймите так же хорошо... Ситуация у нас аховая. Бушмакин в тяжелом состоянии. Надо в базу... Штормить начинает, ветер с норд-оста... Мы тут с доктором посоветовались...

— Все понято, товарищ капитан-лейтенант. За Пашкой в барокамере глаз нужен. Иду на выход!

И он взлетает под корму катера с глубины, с которой надо бы подыматься — с остановками, с выдержками — десять часов. У трапа ждет с ножом Бондарев. Раздевать да разувать Ворожейкина некогда. Секунда дорога! Вот-вот обрушится на него кессонная болезнь. Водолазы зовут ее «заломаем». Это точно: она душит и ломает человека... Бондарев в два удара вспарывает водолазную рубаху на Ворожейкине, и Виктор вываливается из скафандра. Теперь мигом в несколько кенгуриных прыжков, пока не скрутил «заломай»,— на носовую палубу, в люк барокамеры. Крышку люка приоткроют на полсекунды, не больше: ведь там человек. Но крышка что-то не поддается сильным матросским рукам, которые сами же ее и задраивали за Бушмакиным. И пока возятся, пока срывают аварийный клапан, потеряны минуты. Кто-то невидимый со страшной силой бьет Ворожейкина по ногам. И уже нестерпимо жжет в плечах, в коленях... Скрюченного от боли Виктора вталкивают в люк.

И вот они снова вместе, теперь — в барокамере. Но это все равно, что на морском дне. Обстановочка примерно такая же. Там на них давило восемь атмосфер, и здесь давит столько же. Компрессоры гонят сжатый воздух. А потом это давление будут постепенно уменьшать, как бы заново подымая водолазов со дна, возвращая их к нормальной атмосфере. Но медленно-медленно, гораздо медленнее, чем под водой. Чтобы побороть «заломая». Чтобы рассосались, растаяли коварные пузырьки азота, блуждающие в крови...

Барокамера — стальная бочка, лежащая на боку, длиной в два метра и диаметром в полтора. Нет, даже не в полтора, а в метр двадцать сантиметров. Так что можно только привставать на корточках или на коленях. Но в барокамере дóлжно лежать! И рассчитана она, вот эта, на одного человека. А их двое. Бушмакин на кушетке. Для второй места уже нет. И Ворожейкина положили на пол, на деревянный настил. Но на спину лечь нельзя, настолько узок прогал между кушеткой и стеной. Можно лежать лишь на боку, переворачиваться с боку на бок. Вот ноги помещаются во всю свою длину и даже еще остается в запасе целых двадцать три сантиметра...

Связь с внешним миром: два иллюминатора, пусть наглухо задраенных, но в которые видны лица неотступно следящих за тобой друзей. А голоса их доносятся в громкоговорящий телефон да и просто слышны из-за тонкой стальной стенки... Но нужно тебя еще и накормить, нужно передать тебе лекарства, грелки. О, это непростая операция! Не забывайте об огромной разнице в давлениях внутри и снаружи барокамеры. Как же, не нарушив ее герметичности, подать больному ну, скажем, чашку супа? Тут — система вентилей и задвижек, которые нужно открывать, закрывать, открывать и снова закрывать. Проделывают это одновременно и тот, кто кормит, и тот, которого кормят. Словом, морока, отнимающая много сил. А они, силы-то, есть у человека, стоящего снаружи барокамеры, и их мало, совсем мало у того, кто внутри, кого душит «заломай».

Ворожейкин лежит, утомленный сложной транспортировкой еды, медикаментов, бутылок с горячей водой. Бушмакин почти недвижен и, кажется, безучастен ко всему. Но супу поел — с ложки, которую подносил Ворожейкин. Проглотил несколько витаминных таблеток. Лег поудобней, когда Виктор укладывал ему грелки на ноги.

В телефоне голос Саушкина, врача:

— Бушмакин, как вы себя чувствуете?

— Плохо мне...

— А вы, Ворожейкин?

— Ноги болят, Василий Васильич. А в плечах вроде полегчало.

— Надо бы массажик...

И хотя Саушкин не уточнил, кому нужен массаж, наверно, обоим, Виктор, привстав на коленях, колотит ребрами ладоней по Пашиным ногам, сгибает их, разгибает, усердно трет, в общем, массирует как может. А кто же ему самому сделает массаж? Он сам...

Главные их враги — холод и сон. Сначала был холод. И он не давал уснуть и был все-таки менее страшен, чем сон. Засыпать при кессонной болезни нельзя, грозит смертью. Заснешь, и можешь не проснуться. Но поначалу их в сон не клонило. Холод мучил. Катер шел через зимнее штормовое море, зарываясь носом в волны. А барокамера на носу, ее заливало, и она покрылась толстой ледяной коркой. Сперва матросы скалывали лед, а потом решили, что это вроде как рубаха для барокамеры. Может быть, станет теплее внутри. Но теплей не становилось. Бушмакин и Ворожейкин были в шерстяных свитерах, на ногах меховые унты. Но все равно бил озноб. Виктору грелки почти не доставались. Он их только принимал и тут же обкладывал бутылками

замерзающего Бушмакина. Был еще полушубок, один на двоих. Ворожейкин укутал им ноги. Но Паша так жалостливо глядел, что пришлось и полушубок ему отдать...

До порта шли часов пять. Как ошвартовались, Дунаевский послал матросов в аптеку. Забрали там весь наличный запас резиновых грелок. Теперь их хватало уже и для Ворожейкина. Потом пришли плотники, сколотили деревянный шатер над барокамерой. Подключили шланги. Шатер наполнился паром. Барокамера оттаяла. Стало тепло-тепло. Бушмакин откинул полушубок, потянулся, зевнул:

— Спать хочу...

— Что ты, Паша, нельзя!

— Сп-а-ать...

— Паша, помнишь, как выбросило тебя в Балаклаве? Набрал воздуху, не выпустил и наверх вылетел. Хорошо, что с малой глубины, с трех метров. Лежишь на спине, ножками дрыгаешь. Подтащили на канате к берегу, шлем снимаем, а ты спишь... Вот смеху-то было! Помнишь?

— Ничего не помню... Спать хочу...

— Ну, заладил одно. Нельзя. Лежи, вспоминай чего-нибудь. Вот я про детство думаю, про школу. Ох, и озорной же был мальчишка! С уроков выгоняли. Раз с Валькой Мальковым с пения выставили. Мы — в поле, за ландышами. Благо, май, тепло. Глядим, ручки от гранат валяются. Набрали штук двадцать — все с защепками. Принесли в класс, ребятам роздали. Вот сидим на уроке, то один щелкнет, то другой, то третий. Учительша, Александра Павловна, не поймет, в чем дело. Все сидят смирненько, в глаза ей смотрят, как ангелочки, а вокруг — щелк да щелк. Ну, меня в тот раз вместе с Валькой чуть и вовсе из школы не вышибли...

— Бушмакин, не засыпайте! — гремит в телефоне бас Якова Ильича, и Паша, уже задремавший, вздрагивает.

Вдруг заиграла музыка, близко-близко, прямо за стенкой. Это вынесли из кубрика патефон, поставили в шатерок, вплотную к барокамере. И теперь уже не только Ворожейкин, не только капитан-лейтенант, не только матросы, собравшиеся у иллюминаторов, но Райкин, Рина Зеленая, Шульженко и сам Утесов гонят дрему подальше от Пашиных глаз. Но она все же смежает ему веки.

Виктор тормошит засыпающего Бушмакина. Паша сердится:

— Отстань...

— Не отстану.

— Дай заснуть часок...

— Не дам.

— Изверг ты...

— Вот выйдем из барокамеры, хоть неделю отсыпайся.

— Убери руки...

— Паша, ну чего ты дурачишься?

— Говорю, не трогай.

— Хочешь погубить себя?

— Иди ты...

— Ну, будь же мужчиной, в конце концов. Возись тут с тобой, как с маленьким...

— А ты не возись. Дай заснуть.

— Думаешь, я не хочу спать? Хочу, хочу! Но еще больше хочу жить.

— Уйди, не мучай.

— Не смей, не смей засыпать!

— Ну, немножечко, Витя, немножечко.

— Пока я тут, не заснешь.

Виктор Ворожейкин.

— Ну, самую малость...

— Нельзя, понимаешь, нельзя!

— Витька, сволочь, если еще тронешь, ударю.

— Ах, ты еще и угрожаешь? Все равно не дам спать.

Бушмакин бьет Виктора наотмашь по лицу. Силенка у него еще сохранилась: ударил крепко. Случись это в другой обстановке, Ворожейкин показал бы, на что способен боксер второго разряда. Но сейчас он только наваливается всем телом на Бушмакина, зажимает ему руки, не дает ударить еще раз.

Короткая эта схватка утомила и без того измученных людей. Ворожейкин, трудно дыша, сполз снова на пол. Паша лежит с открытыми глазами... Уже больше десяти часов «поднимаются» они в барокамере со «дна морского». Саушкин, врач, не отходя от манометра, то «вверх» их ведет, то вновь «опускает». «Заломай» коварен. Он способен притаиться в самых укромных уголках человеческого организма. И его надо упорно, методически выбивать со всех занятых им позиций. Только время, только терпение могут одолеть кессонную болезнь!.. По радио вызвали водолазный бот — спасатель с большой, удобной барокамерой, чтобы перевести туда Ворожейкина с Бушмакиным. Но бот в дальнем порту. Он уже вышел, он уже бедует в штормовом море, и идти ему далеко, идти долго, не меньше суток.

Ворожейкин доволен, что Паша не спит,— глаза открыты. Не спит? Почему же он посапывает, как во сне? И даже всхрапнул. Виктор толкает его в бок. Не реагирует. Вот дьяволище, спит с открытыми глазами. Разбудим! И опять схватка, на этот раз молчаливая — возня, толкание, копошение двух усталых тел. И вдруг Паша отстраняется от Виктора, садится на кушетке.

— Хватит. Не буду больше спать.

— Честное слово?

— Клянусь.

— Вот молодец! Понял.

— Извини, Витя, что так мучаю тебя.

— Ничего, ничего, лишь бы ты не спал...

— А задремлю — бей, с размаху бей. Ладно?

— Ладно.

Теперь он действительно не спит, переворачивается с боку на бок, бормочет. Но Виктор зорко следит за ним, Виктора больше не обманешь открытыми глазами.

— Как дела, петухи боевые? — спрашивает в телефон Дунаевский.

— Объявлено перемирие, товарищ капитан-лейтенант,— отвечает Ворожейкин.— Мирный договор подпишем на воле.

— Виктор, как самочувствие? Как ноги? — Это голос Саушкина.

— Отпустило, Василий Васильич. Боль есть, но глухая.

— А у вас, Бушмакин?

— Голова болит... Плечи ноют...

— Не лучше вам, чем было?

— Хуже..

— Ну, что ж, пойдем обратно на глубину. Прибавляю давления. Терпите, мальчики!

Он, Ворожейкин, все вытерпит. Все! Выдержал бы Паша...

— Павлик, легче тебе?

— Легче немного.

— Вот хорошо...

— Спать хочу!

— Опять за прежнее?

— Сп-а-ать...

Он ухватился вдруг обеими руками за электрический провод, дернул, оборвал. Стало темно, как на дне моря и даже еще темней: там хоть фонарь был. Они лежали в темноте, потом в полутьме: матросы прицепили над иллюминатором переносную лампу, она тускло освещала барокамеру. Паша засыпал. Виктор теребил его. Несколько раз они схватывались, с каждым разом все больше слабея. Будь Виктор один, лежал бы он спокойненько на кушетке, перешучиваясь с товарищами, которые там, за стенкой, музыку бы слушал. Но рядом человек, который сам мучается и его, Ворожейкина, терзает. Сведет же судьба с таким! Маленькая, слабая душа... Спит? Ну и пусть спит, пусть!.. Ты с ума сошел, Витька? Ты подлец? Буди его, буди. Бейся с ним, тормоши, кусай, царапай, но не дай уснуть. Каким бы он ни был, он человек. Понимаешь, че-ло-век! И все, что ты можешь сделать для него, сделай, ты, человек, для него, человека...

Опять, измученные очередной схваткой, лежат они, тяжело дыша. Только бы сохранить немножко сил, думает Виктор. Пока хоть чуточку двигаются мои руки, Пашка не заснет. Руки откажут, стану колотить ногами. Синяки сосчитаем потом, когда выйдем из барокамеры... Никак снова дремлет? Что-то он подозрительно притих... Виктор приподнялся, чтобы поглядеть на Бушмакина, и тут же рухнул на пол под тяжестью свалившегося на него тела.

— Паша, Паша, что с тобой?

Молчит.

— Проснись, Паша...

Молчит.

— Да проснись же!

Недвижен. Мертв.

Это случилось на пятнадцатом часу их пребывания в барокамере.

Бушмакин упал грудью вперед и распластался, подмяв, придавив Ворожейкина. Виктор оказался на левом боку, левая, сильная его рука была прижата к полу, и он долго не мог ее вытащить. Высвободил. Это все, что ему удалось сделать, затратив неимоверные усилия. Нет, он еще чуть сдвинул мертвеца ближе к ногам, и дышать стало легче. Сбросить с себя восемьдесят килограммов, перебраться на кушетку он был не в силах. Их не хватило даже, чтобы повернуться с одного бока на другой. И никто ничем не мог ему помочь. Открыть люк барокамеры? Это — смерть. Нельзя уже подать и еды, лекарств: Ворожейкину не дотянуться теперь до лаза, а если бы и дотянулся, не смог бы открыть задвижку... Подбадривать? Но зачем слова? Он видит в иллюминатор лица товарищей, бессильных помочь ему и неизъяснимо страдающих от сознания этого своего бессилия. Слова не нужны... Дунаевский уже много раз вызывал к радиотелефону капитана водолазного бота-спасателя, который продирается сейчас где-то сквозь шторм...

— Мы спешим, мы спешим! — кричит через море капитан.— Скажите вашему парню, чтобы держался.

— Вы не знаете этого человека,— отвечает Дунаевский.— Он не сдастся, пока в нем будет пульсировать хоть одна жилка. Но я очень прошу вас, прибавьте сколько можно ходу. Ваша барокамера — единственное, что может его спасти.

Ворожейкин не слышал этих слов. Он слышал голос Саушкина:

— Виктор, как ноги?

— Болят... Ужасно болят...

— Попробуй массировать. Попробуй дотянуться руками.

Он уже дотягивался, растирал. Не помогает. Такая боль, что... Вот лежит телефонная трубка. Она достаточно крепка, чтобы разбить стекло иллюминатора. А его левая еще способна сделать замах... И тогда ему будет так же хорошо, как Бушмакину. Не будет боли... Дурак! Жить, жить...

А боль вдруг утихла, ушла. Разом. Начисто. Вся.

— Василий Васильич, у меня ноги не болят.

— Потрогай их руками.

— Василий Васильич, ничего не чувствую...

Он еще не понимал того, что уже понял врач. Виктор не слышал, как Саушкин тихо сказал Дунаевскому:

— Яков Ильич, у него отнялись ноги.

...Он пролежал под мертвым телом двадцать два часа...

Еду к Ворожейкину. Я уже почти все знаю о его подвиге. Но хочу повидать самого Виктора. Те, кто рассказывал о нем, дали и адрес.

— Приедете в Куйбышев — на автобус, который идет в Красный Яр. Вам до Ново-Семейкина. Поселок... Садовая, 51.

Приехал. Не застал. И дом заперт. Но рядышком, в сарае, кто-то постукивает то ли ключом, то ли молоточком. Иду на стук. Это не сарай — гараж. Ручная инвалидная коляска, мотоколяска, новый «Москвич». Из-под «Москвича» торчат ноги.

— Я к Ворожейкину.

Человек вылез, шагнул навстречу. Пожилой, в стеганке.

— Я Ворожейкин.

— Мне к Виктору.

— А я Иван Иваныч, отец Виктора. Он уехал в санаторий.

— Ой!..

— Да это тут недалеко, сто километров с небольшим. Сергиевские минеральные воды. Слыхали? Вечером из Куйбышева поезд туда идет. Я бы вас, конечно, отвез. Но дорога поганая, грунтовая, дождями размыло. В субботу, когда с Виктором ехали, то и дело застревали. Хорошо, племяши мои были с нами. Выходим, толкаем, а Витя за рулем, газует.

— За рулем?

— За рулем. Машина-то с ручным управлением, по спецзаказу сделана. Подарок.

Открываю дверцу, заглядываю вовнутрь. На щитке медная дощечка: «Виктору Ворожейкину от комсомольцев Тихоокеанского флота. 1960».

Иван Иванович распахивает багажник, ставит канистру с бензином.

— Знаете что, поедем! Доберемся. К вечеру, думаю, туда-обратно управимся. А заночуем — не страшно. Завтра мне на автобазу не надо: в отпуске. Заодно почту Виктору отвезу — накопилось за неделю. Я сейчас, мигом. Записку только жене оставлю, чтобы не беспокоилась, когда из Куйбышева вернется...

Пока он собирается, я успеваю проглядеть кое-что из семейного архива. Указ о награждении матроса Ворожейкина орденом Красной Звезды. Флотская листовка о подвиге водолаза-героя. Вырезка из газеты. Среди бумаг — пионерский галстук.

— Кто это у вас пионер?

— Двое. Младший наш, и вот Виктор — тоже пионер. Почетный!

Посередине комнаты свисают с потолка два каната с кольцами.

— Это я для Виктора подвесил. Подойдет на костылях, руками ухватится — и тут уж залюбуешься. Гимнаст! Эх, ноги бы ему вернули!.. Полный паралич. Пять операций перенес. Сперва он и на костылях-то не стоял, падал. Инженер один в больнице, вместе в палате лежали, специальные ходилки придумал для Виктора. Четыре стойки на колесиках. Но его больше на руках носили. Идут ходячие больные в столовую, в кино — Виктора на руки и с собой. А был москвич Володька, фамилию не помню, ему руку оторвало. Силач парень! Взвалит одной рукой Виктора на спину — и мигом на пятый этаж. Лифт — не человек. Витя говорит: «Никогда не забуду этого Володьку...» А нынешним летом Виктор на костыли встал. Выйдет на улицу и босыми ногами по камням, по камням. «Ноги,— говорит,— мне надо закалить, а то они изнежились на больничных постелях». И плавал! Наберет полную машину ребят, прикатит к озеру. Ребятишки помогут к воде спуститься, он плавает на спине, а они вокруг — охрана... Доктора говорят: пойдет, будет ходить!.. Ну, я готов. Поехали?

Ох, и дорога! Но и такая не страшна бывалому фронтовому шоферу. Заглотнул сотню километров, не оглянулся. Санаторий на горе. Едем в гору, а с горы — человек на ручной коляске. Ну и катит! Попробуй притормози на такой скорости... А он поравнялся с нами, резко тормознул, развернулся и поехал рядом в гору. Да, силенка, должно быть, в руках немалая... Он еще сверху узнал свою машину и покатил ей навстречу.

Сидим в саду. Виктор перебирает письма, привезенные отцом.

— Ага, ответил! — говорит.— А ну-ка, что он пишет? — Разорвал конверт, быстро пробежал глазами листок.— Правильно, давно бы так.— И объясняет мне: — Водолаз один балтийский. Тоже пострадал от кессонки. Паралич. Боли сильные. Узнал про меня, письмо шлет. А из письма видно, на морфии живет. От болей спасается. Написал ему, наверно, даже грубо написал. Морфием, пишу, не спасешься, морфий только волю подавит и тебя погубит. Научись и без наркотиков преодолевать боль! Долго не отвечал. Теперь вот пишет. С морфием, говорит, покончено. Я думал, он из слабеньких, а он, кажется, ничего мужик, справится!

На Ворожейкине бушлат, под бушлатом фланелевка и тельняшка. Каждый год шлют ему с флота новую форму. Флот числит его своим матросом! Чуть приподнялся рукав бушлата, и открылась татуировка на запястье. Водолазный шлем, якорек и под якорьком витиеватыми буквами: «Верный». Виктор, проследив за моим взглядом, смутился.

— Это,— говорит,— ошибка юности. Пережиток! В учебном еще отряде нацарапали.

Татуировка, конечно, пережиток, согласен. Но тот, кто накалывал ее, очень точно угадал характер Виктора Ворожейкина. Я бы только к слову «верный» добавил еще одно: «сильный».

Раздумье

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

О моих сверстниках

Седеют сверстники мои,
Виски завьюжены у многих.
Крутые пройдены дороги:
И пятилетки, и бои,
И боль, и радость, и тревоги.
Седеют сверстники мои.
Но пепельная седина
Не старит их родные лица,
В глазах стремительность видна.
Их стойкой воле не одна
Вершина, знаю, покорится,—
Так что же значит седина?
Седеют, но еще орлы,
И перед ними молодые
Порой, как искорки золы,
Что тускло светятся из мглы,—
Есть юноши у нас такие.
Седеют сверстники мои,
Виски в снегу, но не стареют,
Бороться и любить умеют,
Им напевают соловьи
В садах, где ветер мая веет.
Прекрасны сверстники мои!

* * *

Оглядываясь на дороги,
На годы, что успел прожить,
Я тоже думаю: итоги
Мне не пора ли подводить?
Ведь были весны, были зимы,
И осень новая пришла
И невеселым влажным дымом
Степную даль заволокла.
Да, это так. Я жил немало,
Груз на плечах тяжелый нес.
И сердце, может быть, устало
От трудных дней, от сильных гроз.
Но правде, самой обнаженной,
В глаза взглянув, не содрогнусь.
По-молодому в жизнь
влюбленный,
Твержу упрямо: ну и пусть,
Пусть все, что было, отшумело,
Но жизнь не отняла всего.
Черту подводит тот, кто сделать
Не может больше ничего.

Под тополем

Лето на исходе.
Сентябрем
Пахнет в поздний час
В саду заброшенном.
Тополь расшумелся
Серебром,
Ветром налетевшим
Растревоженный.
Звезды надо мною,
Синева,
И великое раздумье
Ночи.
Слушаю, о чем шумит
Листва,
Поделиться чем
Со мною хочет.
Под ее поющий,
Мягкий шум,
Под медлительное
Колыханье
Передумал я
Немало дум,
Предаваясь солнечным
Мечтаньям.
К тополю прижавшись,
Я привык,
Все забыв на свете
В ночь такую,
Понимать
Его простой язык
Так, как понимаю
Речь людскую.

В дорогу

Светит месяца полукруг.
Птицы в путь улетают дальний.
Начинаются дни разлук,
Суеты и свистков вокзальных.
Не меня ли они зовут,
Не меня ли они тревожат?
Где закончится мой маршрут?
На планете другой, быть может!..
Кочевая в крови тоска,
Снятся степи и перелески.
Ветер вновь свистит у виска,
Обгоняя состав курьерский.
Небо темное за окном
Фосфорится сияньем звездным...
Далеко позади мой дом
В этот вечер осенний поздний.
Спят соседи мои в купе,
Машинисту свой сон доверив...
И хоть я грущу о тебе
И курю, выходя за двери,
Эти дали меня зовут,
Эти дали меня тревожат.
Где закончится мой маршрут?
На планете другой, быть может!..

Ростов-на-Дону.

Рано утром

Федор ФОЛОМИН

Вот в тумане выросло барьером
серое суровое крыльцо.
И хозяин,
сам в рубахе серой,
смотрит утру мягкому в лицо.

Облака с лугов плывут возами,
спит еще лесная сторона.
Все бы обнял,
жизнь бы взял глазами,
молчаливый, рослый, как сосна.

Не стоял бы на заре поодаль,—
в жарком поле,
в чаще бы вдвойне
поработал,
все бы людям отдал!
Да глаза
сгорели на войне...

Рассветает:
скрипнула телега,
грузовик прогромыхал в бору.
И не жалость —
боль за человека
сердце мне
сжимает поутру.

Красноречивый Стамбул

Николай **КОЗЛОВСКИЙ**, Григорий **ПЛОТКИН**

Стамбул. Древний город с трудной судьбой. Город, равно привыкший к роскоши и нищете. К роскоши пышных мечетей, к нищете жителей.

Давайте пройдемся по Стамбулу, побеседуем с городом.

Мы в Галате. Это шумный портовый район. Отсюда хорошо видны купола и минареты Голубой мечети, знаменитого храма. Минареты в лесах, их ремонтируют. А теперь оглянитесь, посмотрите на Босфор.

Вы видите корабли американской военной эскадры. Они стали такой же неотъемлемой частью стамбульского пейзажа, как и Голубая мечеть. Вот уже десять лет они стоят здесь, призванные кликой Баяра — Мендереса. Башни крейсеров не нуждаются в ремонте...

Вот еще одно наследие Мендереса. Это он одел турецких солдат и полицейских в форму американского образца. Носить такую форму нелегко. Она давит на спины не меньше, чем пудовые ящики на плечи хамалов. Хамалы — так зовут стамбульских носильщиков. Их согбенные фигуры вы увидите не только в порту или на вокзале. Они везде. Грузовые машины стоят без дела: хамалы доставят товар намного дешевле. Не стоит спрашивать хамала, доволен ли он своей профессией. Хорошо, что есть работа.

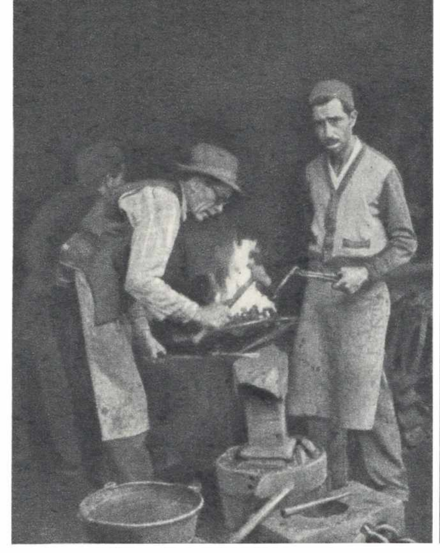
Пока уличный сапожник ставит очередную заплату, можно передохнуть и немного поболтать. Каждая кустарная мастерская — маленький клуб. Говорят обо всем, но чаще всего о грозных событиях недавнего прошлого и о том, что происходит сейчас на маленьком острове Яссыада в Мраморном море. Там идет судебный процесс над бывшими правителями Турции, приведшими страну к банкротству и обнищанию.

Свергнутый премьер-министр был «тезкой» трех турецких рек: есть Мендерес Большой, впадающий непосредственно в Эгейское море, Мендерес Малый, впадающий в залив Кушада, и, наконец, Мендерес Северный, соединяющийся с морем неподалеку от Дарданелл. Человека, который сидит сейчас на скамье подсудимых, народ назвал Мендересом Мутным.

Идем по узким средневековым улицам Стамбула. По тем самым улицам, на которых пролилась кровь студентов местного университета, поднявших в апреле свой голос в защиту свободы и справедливости. По тем самым улицам, где в мае прокатилась волна рабочих демонстраций, завершившихся государственным переворотом.

Познакомьтесь с некоторыми владельцами предприятий, заполнивших улочки Стамбула. Вот кузница, где ничто, кроме головного убора кузнеца, не напоминает о XX веке. Вот «ресторан», в котором единственное дежурное блюдо — горячие каштаны. А в этой «типографии» можно отпечатать любое произведение тиражом в пять экземпляров. Чаще всего приходится печатать прошения.

Издалека приезжают в Стамбул туристы, чтобы полюбоваться строгими очертаниями Голубой мечети. Но этому старику нет до нее дела. Ежедневно он проходит мимо знаменитой мечети, возвращаясь с базара. Конечно, в пожилом возрасте овощи полезнее мяса. Тем более, когда мясо так дорого. Побеседуйте с этим стариком. Он с удовольствием вспомнит годы, когда был молод и полон сил. Вспомнит и тот день, когда была провозглашена республика и ее первым президентом был избран Мустафа Кемаль, получивший имя Ататюрк — отец турок. Следовать заветам Ататюрка — вот к чему стремится сейчас турецкий народ. В середине ноября вся Турция отметила неделю Ататюрка — повсюду прошли торжественные собрания и митинги. Нельзя не вспомнить, что Мустафа Кемаль неоднократно подчеркивал: свой суверенитет Турция может сохранить лишь при условии добрососедских отношений и сотрудничества с Советским Союзом.

Много забот у простых людей Турции. Крестьяне, рабочие и ремесленники страны твердо знают, чего они хотят, и все чаще громко заявляют об этом.

Фото А. Манукяна.

ДЖУНГЛИ НА ПАЛУБЕ

А. ЭРШТРЕМ

Как только эти властные и прихотливые пассажиры вступили на борт теплохода «Фрязино», жизнь здесь потекла совсем по-иному.

Однажды утром команда судна вдруг узнала, что отныне, правда, не навеки, корабль их называется «Евгений Онегин» и находится он не в родных водах, а далеко от Родины, возле берегов Цейлона. Моряки — народ с фантазией и быстро поверили в «предлагаемые обстоятельства», тем более, что все эти превращения предлагал им кинематограф. Так команда «Фрязино» из кинозрителей превратилась в киноактеров, а корабль их — в съемочную площадку, на которой режиссер студии «Ленфильм» В. Фетин снимал комедию «Полосатый рейс» по сценарию А. Каплера и В. Конецкого.

В ней рассказывается о том, как десять диких тигров и лев, находившиеся на борту судна, плывущего из Цейлона в Одессу, волей случая оказались на свободе. Пока их снова водворяли в клетки, на корабле произошло много трагикомических событий.

Но не меньше курьезов было на съемках этого фильма. О них мы вам и расскажем...

Володя проходит практику

Предстояла съемка сцены, в которой героиня фильма буфетчица Марианна, упав за борт, плывет с тиграми к берегу. Как снять эти кадры? Как заставить тигров войти в воду? После долгих раздумий клетку с пятью тиграми погрузили на плавучий кран и, отойдя метров на сто от одесского пляжа Аркадия, стали опасный груз опускать в воду.

Тиграм ничего другого не оставалось, как выбраться из клетки через открытую дверь и поплыть. Они так и сделали. Один за другим, испуганные необычностью обстановки звери выплывали из клетки, медленно погружавшейся в воду. Главный оператор фильма Димитрий Месхиев снимал «заплыв» с берега, его ассистент — с выдававшегося в море пирса, а практикант — студент операторского факультета ВГИКа Володя Пономарев — снимал с крыши клетки. Здесь вместе с ним находился рабочий съемочной группы Валентин Балундин.

Все шло хорошо, замысел воплощался в кадры... И вдруг! Принудительное купание пришлось не по вкусу самому большому и свирепому полосатому «артисту» — тигру Уралу. Проделав сложные эквилибристские упражнения, он вскарабкался на крышу клетки и уселся там рядом с оцепеневшими от ужаса людьми... Первым пришел в себя Валентин Балундин; описав в воздухе дугу, он в костюме и ботинках бросился в море. В это время на крышу клетки взобрался еще один тигр и стал стряхивать с себя воду. Удар тигриного хвоста по лицу привел в чувство Володю Пономарева. Надо что-то предпринимать! И вот медленно, как сомнамбула, Володя наклонился, положил аппаратуру, сел на край клетки, спиной к тиграм, осторожно, не спеша снял тапочки и, положив их аккуратно рядом с собой, бесшумно соскользнул в воду...

После этого «братания» с тигром Володя стал героем дня, все стремились «проинтервьюировать» его.

— Что вы чувствовали, оставшись с глазу на глаз с тиграми?

— Почему так медленно снимали тапочки?..

Вместо ответов Володя показывал свою съемочную камеру: на светозащитном устройстве, сделанном из крепкого металла, зияла внушительная дыра — след тигриного зуба.

Дня через два был придуман другой план съемки этой сцены. Но тигры снова проявили самостоятельность: вместо того, чтобы спуститься в море, они выскочили на палубу. И снова героем дня стал Володя Пономарев. Спасаясь от четвероногих «артистов», он нашел не совсем безопасное убежище — под клотиком мачты, над рулевой рубкой. Но Урал явно решил продолжить знакомство с оператором и бросился к мачте, на которой тот висел. Только вмешательство дрессировщика прекратило «дружеские излияния» Урала.

Случай на пляже

На одесском пляже снималась сцена, в которой тигры, появившиеся из моря, распугивают курортников и занимают пляж.

Киносъемка, естественно, привлекла внимание обитателей домов отдыха и санаториев. Сотни людей, жаждущих посмотреть на тигров, «загорающих» на пляже, облепили полоску берега, оцепленную милицией и работниками съемочной группы. Любопытство собравшихся было вознаграждено.

Звери, попав на давно не виданный ими простор, быстро освоились с новой обстановкой, весело резвились, подбрасывали и трепали разбросанные по песку халаты, ласты, брюки, платья.

Вдруг тигрицу Лойду что-то заинтересовало на крыше одной из душевых кабин. Последовал прыжок, не предусмотренный даже самой придирчивой службой техники безопасности. От неожиданности рабочий вместо того, чтобы стуком колотушки испугать зверя и преградить ему дорогу, потеряв самообладание, убежал. Зрителей мгновенно как волной смыло. Правда, остался один любопытный... на верхушке фонарного столба.

Не обращая внимания на крик укротителя Константиновского, тигрица бросилась к кустам. Еще один метр, и путь по курортным местам Одессы будет перед ней открыт.

И тогда... Трудно сказать, что произошло бы. Но из кустов выскочила девушка и со всей силой ударила растерявшуюся тигрицу рукавицей по морде. Несколько секунд решили исход опасного происшествия. На помощь девушке пришел дрессировщик.

Наверное, читателям будет интересно узнать: кто же эта девушка, так бесстрашно набросившаяся на тигрицу?

...Это Тоня Иванова. Она уже десять лет работает на студии «Ленфильм» осветителем и влюблена в свою профессию. «Полосатый рейс» — десятый фильм, в создании которого она принимает участие. Тоня глубоко уверена, что ее схватка с тигрицей... «ничего особенного. Ведь кто-то должен был остановить зверя. Я стояла ближе всех...»

Объявление на борту

Как только на «Фрязино» поселились полосатые «пассажиры», в столовой корабля появилось объявление:

«ВНИМАНИЮ ВСЕХ, НАХОДЯЩИХСЯ НА БОРТУ!

В целях безопасности перед выпуском тигров из клеток в течение одной минуты будет подаваться серия сигналов звонками громкого боя: один длинный, три коротких (—...—...—...).

По этому сигналу всем надлежит находиться в каютах при закрытых дверях и задраенных иллюминаторах до сигнала отбоя.

Сигнал отбоя: три продолжительных звонка (— — —), дается после того, как все звери будут загнаны в клетки».

Конечно, это была далеко не единственная мера предосторожности. При каждой съемке у инспектора по технике безопасности было всегда много хлопот.

Беспокоиться приходилось и о безопасности людей и о безопасности животных. В отличие от других картин, в которых снимались хищники, в «Полосатом рейсе» работа со зверями шла совсем другим методом. Если в «Дон Кихоте», «Укротительнице тигров», «Опасных тропах» зверей заставляли выполнять определенные задания, используя их условные рефлексы, то в новой комедии им предоставляли свободу действия.

— Ну, а предусмотреть, как будут вести себя хищники на свободе,— говорит дрессировщица Маргарита Назарова, исполняющая роль буфетчицы Марианны,— не всегда возможно. Приходится мгновенно реагировать на каждую их «импровизацию».

Как-то снимали сцену, в которой звери выволакивают на палубу тушу мяса и начинают ее терзать. Рассвирепевшие животные прекрасно «играли», но когда настало время водворять их в клетки, возбужденные борьбой, они отказались слушаться дрессировщика.

Один за другим раздалось несколько холостых выстрелов из пистолета. И здесь произошло нечто совершенно неожиданное. Испуганная стрельбой Кальва, вместо того чтобы направиться к клетке, перемахнула через борт и с десятиметровой высоты нырнула в воду. Целый час гонялись за ней по Черному морю, пока не вернули «актрису» в родные пенаты.

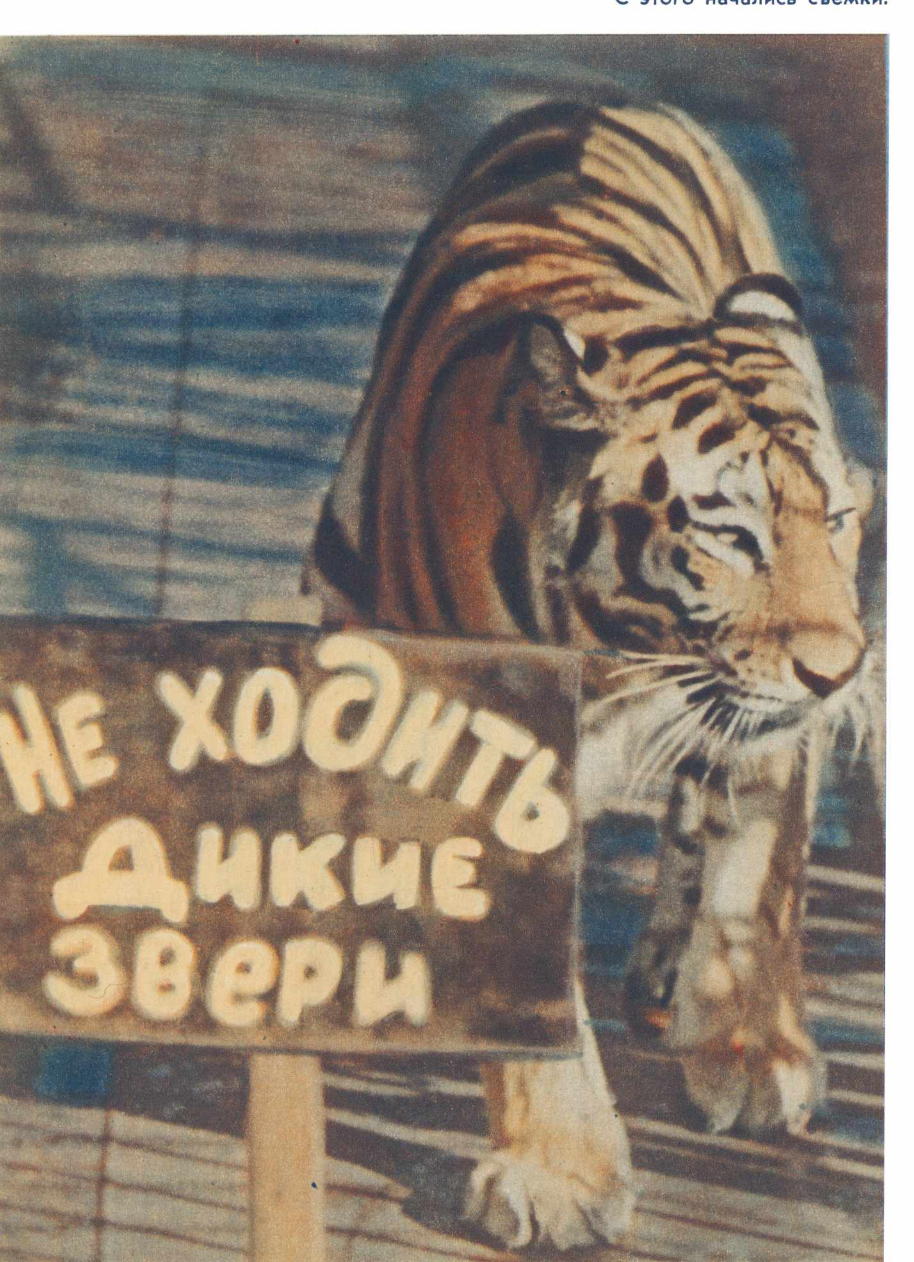
Натурные съемки на Черном море закончены. «Фрязино» ушел в очередной рейс. А его недавние обитатели вернулись в Ленинград и продолжают съемку в павильонах «Ленфильма».

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ— ТИГРЫ!

Вот главный виновник всех треволнений, выпавших на долю команды теплохода «Евгений Онегин». Это он открыл клетки и выпустил тигров и льва на свободу. Что произошло дальше, вы узнаете, когда фильм «Полосатый рейс» выйдет на экраны. Мы рассказываем о съемках...

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

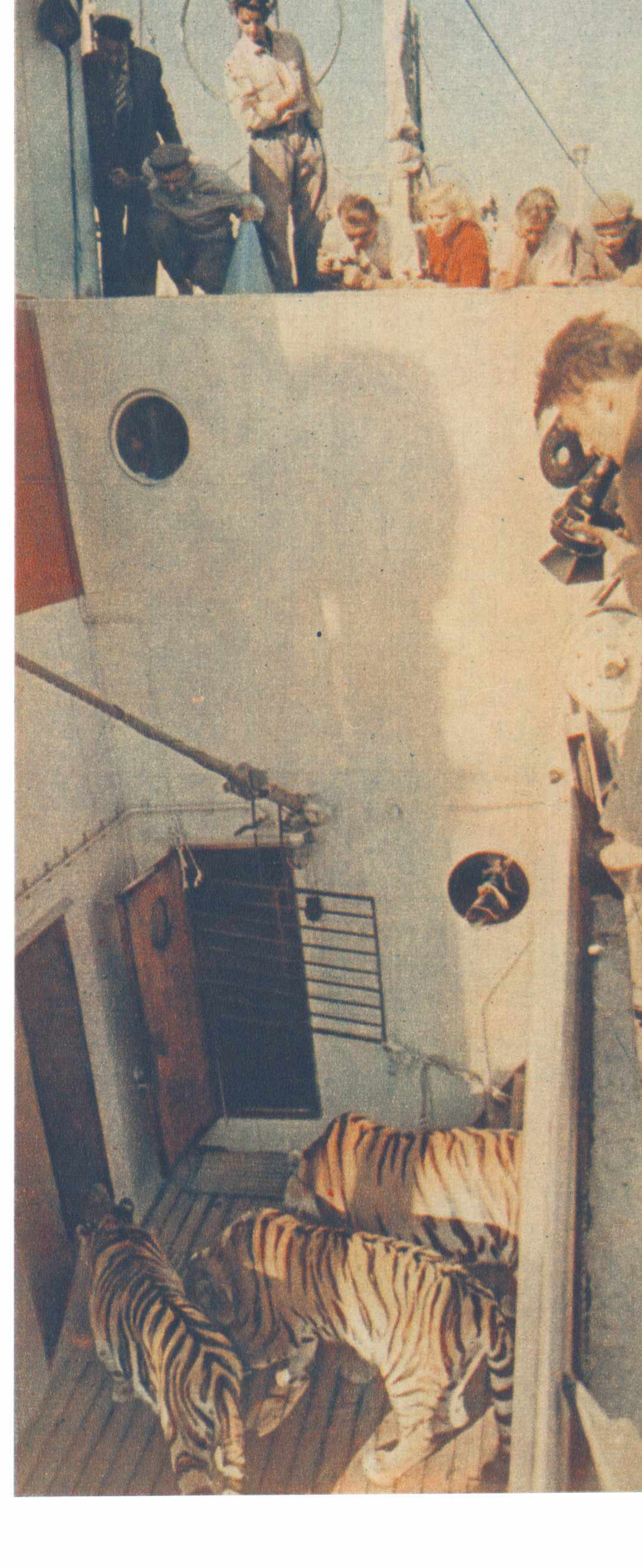
С этого начались съемки.

Надеяться даже на Пурша трудно. Не слишком ли он вошел в «образ»?

←

Что собирается сделать Урал: прыгнуть в воду или сосредоточиться перед съемками? Этот вопрос интересует не только создателей фильма. У многих в памяти самовольное купание львицы Кальвы. Немало хлопот оно принесло команде!

↑

А вот и повелительница всех этих недисциплинированных «актеров» — Маргарита Назарова. Ее взгляду и голосу немедленно покоряется каждый из них. И в горячие съемочные дни ей, как мы видим, не до обеда...

↑

Операторы чувствуют себя хорошо, на таком расстоянии тигры не страшны. Рады и зрители: они могут спокойно понаблюдать за этими полосатыми пассажирами.

←

Сниматься даже со спящим львом согласится не каждый. Артист Смирнов, хотя и чувствует себя героем, не хотел бы повторять этот эпизод.

Пока перезаряжают съемочную камеру... (Маргарита Назарова с Пуршем).

Анатолий КАЛИНИН Повесть **Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.**

Наслаждаясь тем впечатлением, которое произвел ее рассказ на Клавдию, бабка Лущилиха сложила на груди руки и поджала губы, всем своим видом показывая, что это еще всего-навсего цветики в сравнении с тем, что еще ей известно. Самую главную новость она приберегла напоследок, и Клавдии еще предстоит по достоинству оценить всю ее осведомленность.

Лущилиха хотела выждать время, чтобы возбудить любопытство Клавдии, но не выдержала, придвинулась к ней вместе с табуретом.

— Будто и грамотный оказался этот цыган, а все же с какой-то придурью. От хорошей должности отказался и тут же попросился простым кузнецом в наш хутор. Чем-то, значит, понравился ему наш хутор.—Лущилиха придвинулась вместе с табуретом к Клавдии еще ближе и, зачем-то оглядываясь на окна, перешла на звенящий полушепот:

— А знаешь, Клава, чем понравился? Мой племянник слышал, как он рассказывал потом секретарю райкома и нашему председателю, что как будто где-то в наших местах его жену раздавили немецкие танки и теперь он нашел тут, в степи, ее могилку... А сейчас, когда я проходила балочкой мимо нашей кузни, с нее замок уже снятый, и мальчишки туда сбежались со всего хутора. Я там и твоего Ваню видела.

Теперь она имела право в полной мере насладиться тем впечатлением от ее рассказа, которое не замедлило отразиться на лице Клавдии. Впечатление было настолько сильным, что это даже не на шутку обеспокоило старуху.

— Да что с тобой, Клавочка, на тебе ни кровинки нет! Сразу сделалась белее этой стены. Ты, случаем, не заболела? Там, за Доном, от этих проклятых комарей в два счета можно лихоманку схватить.

— Нет, ничего, я не больная,— глухим и каким-то сдавленным голосом отвечала ей Клавдия. Она вскользь провела ладонью по шее, будто ее что-то душило.— Ты, бабушка, возьми там во дворе в катухе поросенка и, пожалуйста, уходи. Я прошлую ночь что-то плохо спала, мне сегодня раньше лечь нужно.

— Ложись, милая, ложись! А за поросеночка тебе спасибо. То-то мой дедушка возрадуется, он ведь жареную поросятинку дюжей всего уважает. Ах ты, господи! — Лущилиха сокрушенно взмахнула широченными рукавами кофты.— А мешок-то я, старая, и забыла. Ты мне, Клавочка, разрешишь твой взять?

Клавдия разрешила:

— Возьми там, в сенцах.

Вечером, когда пришел с улицы сын Клавдии, она спросила у него:

— Ваня, где ты сегодня задержался так поздно? И рубашка на тебе вся в каком-то мазуте.

— Это не мазут, мама. Это мы с ребятами помогали нашему новому кузнецу горн устанавливать,— ответил Ваня.

— Тебе незачем, Ваня, туда ходить,— сказала Клавдия.

Он повернул к ней черноглазое лицо:

— Почему, мама?

— Нечего тебе там делать.

— Мне, мама, уже шестнадцать лет, я не маленький. Надо мной и так ребята сегодня смеялись: «Смотри, как бы цыган тебя в мешок не посадил!»

— Глупые, потому и смеются. Если ты, Ваня, не хочешь с матерью поссориться, не ходи больше туда.

— Небось, Нюрке ты не запрещаешь.

— А Нюра туда и сама не пойдет. Она девочка.

* * *

Прошло около года. За это время в Дону между суглинистыми ярами много утекло воды. Волнение, вызванное тем, что в хуторе поселился новый человек, к тому же цыган, постепенно улеглось. К Будулаю стали привыкать, тем более что он от раннего утра до позднего вечера напоминал о своем существовании ударами молотка по наковальне, жаркими, то веселыми, то жалобными, то дробными, то редкими и тягучими всплесками металла, разносящимися из балки. Ожила хуторская кузница. Теперь замок на ней появлялся только к вечеру, а все остальное время дня ее большие двери были распахнуты настежь, и скользящими отблесками пламени освещало высокую черную фигуру с рукой, поднятой к рычагу кузнечного меха. Из окон хуторских домиков, разбросавшихся по склонам придонских бугров, было видно, как светятся двери кузницы.

Поселился Будулай во флигельке у самого Дона, отведенном ему правлением колхоза, и что он там делал один по вечерам, было неизвестно. Готовил пищу себе он сам, вероятно, обученный этому, как догадывались в хуторе, своей прошлой цыганской и солдатской жизнью. Чему только не научат человека дорога и война! Иногда, чаще всего на восходе или на закате солнца, видели Будулая за хутором в степи у одинокой могилки, где была похоронена добрыми людьми погибшая под гусеницами немецкого танка цыганка. Со своей кибиткой она отстала во время отступления от табора, кочующего в потоке других беженцев за Волгу, и здесь ее настигли танки. О том, что это была именно его жена, Будулай, как говорили, догадался по конской, цыганской работы подкове, найденной им после долгих поисков там, на окраине кукурузного поля.

Хуторские женщины жалели Будулая и, когда он, спускаясь из степи, проходил мимо них по улице вниз к Дону, переговаривались в огороженных плетнями и частоколом дворах, что он совсем еще не старый и довольно симпатичной наружности, даже можно прямо сказать, красивый цыган. Женщин особенно располагало к Будулаю, что он, проходя мимо, никогда не забудет вежливо поздороваться, как иные мужчины.

Уже и ребятишки не дежурили дни напролет, как зачарованные, у дверей кузницы. Острота нового ощущения прошла, и армия ребятишек понемногу рассеялась по другим объектам, возбуждавшим их любопытство. И только Клавдию Пухлякову женщины, переезжая из хутора за Дон поливать и пропалывать огороды, спешили обрадовать:

— Твой Ванька к этому Будулаю, должно, в подмастерья записался. То, бывало, целыми днями все в двери кузни заглядывал, а сейчас его цыган уже и в кузню допустил. Когда ни пройди мимо, он там. Уже и сам что-то потюкивает молоточком. Тоже стоит у наковальни, такой же черномазый, ну, чистый цыганенок!.. И чего ты, дурная, пугаешься?! Ты же знаешь, какие цыгане хорошие кузнецы, погоди, этот Будулай еще и из твоего Ваньки мастера сделает! Будет тогда мать кормить.

Чтó могла ответить на это Клавдия? Если бы она весной и в летние месяцы находилась по целым дням, а то и по неделям не за Доном, а в хуторе, дома, она имела бы возможность присмотреть за своим сыном и удостовериться, как он держит слово, данное матери,— не ходить в кузню. Как-то она еще раз заговорила с Ваней об этом и, убедившись, что он уклончиво отвечает на ее вопросы, больше к нему не приступала. В конце концов он уже вышел из того возраста, когда она водила его с собой за ручку.

Однажды председатель колхоза, побывав за Доном на летнем свинарнике, заехал в хутор, нашел в кузнице Будулая и сказал, чтобы тот тоже съездил за Дон и своими глазами посмотрел, как сделать, чтобы хряки не разбивали ворота загонов.

— Грызут, проклятые, дерево, как солому! Каждую неделю приходится дверцы менять, не настачишься. Посмотри, может, лучше их раз и навсегда толстым железом оковать. Пусть тогда точат свои клыки сколько влезет. Да не забудь смерок снять... А это у тебя что за цыганенок? Родня? — поинтересовался председатель, разглядев в полумгле кузницы тоненькую фигурку полуголого мальчика.

Раздетый до пояса, он раздувал огонь в горне. Смуглая, покрытая кузнечной копотью кожа мальчика вспотела и тускло лоснилась. Два глаза светились из темноты почти с такой же яркостью, как и раскаленные угли, раздутые мощным дуновением кузнечного меха.

— Это Клавдии Петровны Пухляковой сын,— ответил Будулай.

При этом имени легкая судорога пробежала по лицу председателя. Всего час назад на свинарнике за Доном ему пришлось выдержать очередную атаку этой женщины, и еще так свежо было воспоминание, как она корила его в присутствии других свинарей и свинарок за то, что до сих пор никто не догадается обить дверцы в загоне у хряков железом. После этого председатель и поспешил из-за Дона прямо в кузницу к Будулаю. Потому-то столь неуместным показалось ему теперь лишнее напоминание об этой женщине, услышанное из уст Будулая. Встречаясь со взглядом сына Клавдии, председатель заключил, что и глаза у него сверкают точь-в-точь, как у его матери. Не мог в полутьме кузницы рассмотреть председатель, что глаза у мальчика совсем черные, в то время как у его матери они были серыми с зеленоватым отливом.

— А я подумал, что он с тобой одного племени,— сурово сказал председатель.— Какой-нибудь твой младший брат или, скажем, племянник.

— Вы же знаете, что у меня никакой родни не осталось,— тихо напомнил ему Будулай.

— Сколько ему лет?

— Шестнадцать,— сказал Будулай.

— Явное нарушение Кодекса законов о труде. Ты знаешь, что подросткам работа на вредном производстве категорически запрещена,— начал было выговаривать Будулаю председатель, но его перебил звонкий, смелый голос мальчика:

— Через месяц, двадцать пятого июля, мне уже исполнится семнадцать.

— А тебя никто об этом не спрашивает! — круто оборвал председатель.— Твое дело телячье.

Не хватало еще, чтобы и здесь его стал учить уму-разуму сынок той самой Клавдии, которая только что публично поучала его там, за Доном. Если так всех распустить, то скоро и грудные младенцы начнут указывать председателю, как руководить колхозом.

— Короче, езжай завтра же и сними там смерок,— бросил председатель Будулаю. И, обращаясь к мальчику, но глядя не на него, а в сторону, добавил: — А ты с завтрашнего дня пойдешь в бригаду на прицеп. У нас в поле не хватает прицепщиков. Сюда я пришлю настоящего молотобойца.

Продолжение. См. «Огонек» № 50.

И он повернулся к выходу, заслонив своей могучей спиной открытую дверь кузницы. На минуту в кузнице стало совсем темно.

Внезапно его догнал высокий, вздрагивающий голос мальчика:

— Дяденька председатель, пожалуйста, не отсылайте меня из кузни!

Вслед за этим и Будулай успел ввернуть слово столь не свойственным ему просительным тоном:

— Не стоит, Тимофей Ильич, обижать мальчика. Он и так сюда бегает тайком от матери. Она почему-то ему запрещает. А мальчик смышленый.— Будулай положил свою большую руку на мягкую, как мерлушка, голову сына Клавдии.— Так все на лету и схватывает. Если он еще тут полгода-год покрутится, из него может настоящий кузнец получиться. У него как будто в крови что-то есть. Как, скажем, у него отец или дед тоже были кузнецами. А двери на свинарнике, Тимофей Ильич, я сделаю такие, что их из пушки не разобьешь. В этом не сомневайтесь.

Председатель колхоза Тимофей Ильич, в сущности, не был жестокосердым человеком. И не будет ли похоже, что он сводит счеты с мальчиком из-за того, что не поладил с его матерью? Оказывается, что и ему приходится воевать с нею. Вот невозможная женщина, родному сыну нет от нее жизни! Теперь же может получиться, что в этой войне из-за кузни она приобретает такого могучего союзника, как он, председатель. Нет, этому не бывать! А если мальчонка и в самом деле такой способный? Хорошие кузнецы колхозу всегда будут нужны. К тому же Тимофей Ильич не выносил детских слез, а в голосе у этого мальчугана, когда он крикнул ему вдогонку «дяденька», явственно зазвенели слезы. У Тимофея Ильича были свои дети.

Не оборачиваясь, он бросил:

— Ну, как знаете. А отец его, между прочим, был не кузнецом, а трактористом.

И он вышел из кузницы.

Продолжая держать руку на мерлушковой голове мальчика, Будулай задумчиво спросил:

— Когда ты, Ваня, говоришь, тебе исполнится семнадцать лет?

— Двадцать пятого июля, теперь уже меньше чем через месяц.— И мальчик пояснил просто: — Нас с Нюркой мамка преждевременно родила. В кукурузе. Она там с женщинами от немцев спасалась. Она увидела, как немецкий танк цыганскую палатку прямо с людьми раздавил, и тут же нас родила...

И, внезапно ощутив, как задрожала у него на голове рука Будулая, он с удивлением поднял глаза. Будулай отвернул лицо в сторону и тихонько снял с черного кудрявого гнезда его волос свою большую руку.

* * *

Выполняя распоряжение председателя, Будулай поехал за Дон. Первым человеком, которого он там встретил, была Клавдия Пухлякова. Он переправился на лодке и шел по тропинке среди деревьев к свинарнику, а она с двумя порожними ведрами в одной руке шла по тропинке к Дону.

Будулай увидел ее раньше, чем она успела его увидеть. Редко можно наблюдать человека со стороны, когда он, думая, что остался наедине с самим собой, ведет себя так, как он никогда не повел бы себя в присутствии людей. Будулаю довелось увидеть Клавдию именно в такую минуту. Она шла по тропинке, вьющейся под вербами, и на лице у нее играло тихое, задумчивое выражение.

Она не сразу увидела Будулая, потому что шла, низко наклонив голову, как будто внимательно рассматривала что-то у себя под ногами. В одной руке она держала за дужки два порожних ведра, а другой рукой слегка отстраняла ветви деревьев. Шла медленно, о чем-то думая. То ли тень этой задумчивости, то ли трепещущие тени леса окутывали ее лицо тонкой дымкой. Ей шел этот белый халат, который Будулай видел на ней впервые. Ее лицо как-то смягчилось. С этим новым выражением на лице она вдруг показалась ему совсем молодой и почему-то беззащитной. Он очень хотел бы узнать, о чем она могла думать, отодвигая заслонявшие ей дорогу ветки.

Чтобы нечаянно не спугнуть этого ее настроения, Будулай осторожно отступил с тропинки в сторону за ствол старой вербы. И надо же было так случиться, чтобы, проходя мимо этой вербы, Клавдия подняла на Будулая серые, затуманенные глаза. Внезапно увидев его, она остановилась и, роняя ведра, прижимая руки к груди, вскрикнула:

— Ой!

Всего второй раз они встречались и каждый раз на глухой тропинке.

— Неужели же я такой страшный? — выступая из своего укрытия, с горькой укоризной спросил Будулай.— Почему вы так меня боитесь?

— Я вас не боюсь,— тихо ответила Клавдия.

Она и в самом деле сейчас его не боялась. Она вскрикнула только от неожиданности.

— Значит, это мне показалось,— с облегчением сказал Будулай. Он достал и подал ей скатившиеся с дорожки под куст ведра.— А я давно хотел у вас спросить...— Его глуховатый голос стал еще глуше, и черные глаза как подернулись лаком.— Вы, говорят, видели, как за хутором немецкий танк наехал на цыганскую кибитку. Вы не помните, кто там был, возле этой кибитки?

Не поднимая опущенного к земле взгляда, Клавдия ответила:

— Там были старик и молодая цыганка.— И она поспешно добавила: — Но больше я ничего не могла видеть...

— Я знаю,— сказал он с сочувственной, понимающей улыбкой.— И еще я хотел бы вас просить, чтобы вы не запрещали вашему сыну Ване приходить в кузню. Он у вас очень способный и, может, научится там чему-нибудь хорошему.

И так же, как в первый раз, не задерживая больше Клавдию, он с полупоклоном обошел ее стороной и скрылся в лесу на тропинке.

* * *

Приезжему человеку всегда не так-то просто бывает заручиться доверием у людей в новом, незнакомом для него месте, к тому же заручиться доверием у крестьян, которые никогда не спешат раскрывать кому-нибудь навстречу свою душу. Прежде нужно не одно поле вместе вспахать, не один, как говорится, пуд соли съесть и не один, нечего греха таить, литр вина вместе выпить.

Тем труднее бывает обживаться новому человеку среди придирчивых и острых на язык казаков, да к тому же если человек этот — цыган. В каждом цыгане люди по издавна укоренившемуся убеждению всегда прежде всего склонны видеть бродягу и лодыря. Конечно, в меру своих сил способствовали укреплению подобной репутации и сами цыгане.

И если Будулая очень скоро стали считать в этом казачьем хуторе своим человеком, то лишь потому, что люди так же безошибочно умеют распознавать в человеке трудягу, мастера своего дела.

Ожила старая колхозная кузница в балке. Когда на ее дверях висел внушительный замок-гиря, будто бы и не очень заметно было отсутствие в хуторе кузнеца, а теперь, когда с утра до вечера растекались из балки звоны-перезвоны, стали натаптывать сюда тропинки и от молочнотоварной фермы, и из колхозных виноградных садов, и с полевого стана. Весь день тянулись по этим тропинкам люди. Несли, конечно, в кузницу не что-нибудь крупное, а больше всего лопаты, тяпки, железные грабли и разные шкворни. На первый взгляд не очень существенную и тем не менее незаменимую в большом хозяйстве мелочь.

Не станет же, понятно, колхоз сдавать на ремонт в хуторскую кузницу, где едва могут повернуться кузнец со своим подручным, большие тракторные плуги, которые скорее и проще отремонтировать в новой большой мастерской в станице! Не было в кузнице у Будулая и приспособлений для отковки осей и валов с тракторов и автомашин, не было прессов, тисков и станков для обточки и расточки.

Зато закалить Будулай умел и в своей маленькой кузнице какого угодно размера деталь. И закалить так, как не умели это сделать и в большой мастерской. Отец передал ему этот секрет сверхпрочного закаливания металла, унаследованный им, в свою очередь, от своего отца, тоже кузнеца. и даже сам главный механик из большой мастерской, инженер, обращался к Будулаю за консультацией по этому вопросу. Тут, оказалось, одних инженерных знаний было недостаточно, тут необходимо было и еще нечто такое, что нужно, скажем, музыканту, артисту или художнику,— одним словом, талант...

Пробовал Будулай передать свой секрет закалки металла другим кузнецам, не отказывался повозиться с ними, когда его просил об этом главный механик больших мастерских, но так ничего из этого и не получилось. Вот, казалось бы, и совсем уже постиг человек, спроси у него — и он наизусть расскажет, что с деталью нужно делать сначала и что потом, а начнет это делать сам и где-то обязательно ошибется. Даст промашку на самую малость, сделает почти что так и все же не так. А без этого-то «почти» и нельзя. Без «почти» ось или вал получаются либо совсем мягкими, как воск, либо хрупкими, как сахар-рафинад. В «почти»-то, оказывается, и вся загвоздка. В этом и есть талант. А талант, должно быть, содержится у человека в самой крови, и, вероятно, только с кровью можно перелить его в жилы другого человека.

И все-таки Будулай не терял надежды, что в конце концов удастся ему передать свои знания кузнечного мастера кому-нибудь другому. Не уносить же ему их с собой в могилу! Раньше надеялся он, что сумеет передать их своему сыну. Когда ранней весной в степи, под пологом шатра, его жена Галя объявила ему, что у нее под сердцем затрепетал огонек новой жизни, Будулай так сразу и рассудил, что это может быть только сын. В их роду кузнецов все первенцы были сыновьями. А как же могло быть иначе?! Иначе некому было бы передавать из рук в руки щипцы, молотки и прочие орудия кузнечного ремесла.

С этой глубочайшей уверенностью Будулай и на войну уходил, застигнутый посреди степи в шатре верхоконным милиционером с повесткой из ближайшего сельсовета. И, расставаясь в тот же день с Галей среди холмов, пуще всего просил он ее сберечь к его возвращению с фронта сына, а для этого, не мешкая, уходить в своей кибитке вместе с потоком беженцев туда, откуда встает солнце, в заволжские степи. «Я вас там и найду, цыгану всегда дорогу укажет»,— говорил Будулай, прощаясь со своей Галей, с великим трудом разомкнув ее руки, петлей захлестнувшиеся вокруг ее шеи. Не оглядываясь, он поскакал на своем верховом коне вслед за милиционером, не видя и того, как рухнула Галя на колени, протягивая вдогонку ему руки, и как потом каталась растрепанной головой по золе потухшего костра, а старый, глухой отец с серьгой в ухе склонился над ней с бутылкой воды.

И потом на войне, совершая по ее дорогам и бездорожью весь долгий переход с казаками Донского кавалерийского корпуса от Терека до Австрийских Альп, покачиваясь в жестком седле, ерзая по-пластунски животом по снегу, по траве и по кремнистой почве трансильванских предгорий, бодрствуя в разведке, засыпая у огня у коновязей и отдирая от пробитой осколком груди бинты в госпитале, все время жил Будулай в ожидании того часа, когда наконец возьмет он за смуглую ручонку своего первенца, которого он и Галя договорились назвать хорошим русским именем Ваня, впервые подведет его к наковальне и очарует его взор призрачным сиянием искр, брызжущих из-под кувалды. С той секунды и должно будет начаться посвящение его сына в тайны древнего ремесла деда, прадеда и пращура.

Твердо верил Будулай, что удастся ему сделать из своего Вани не только кузнеца, умеющего превратить кусок железа в подкову, в зуб бороны, в буравчик и в клещи, которые можно сбыть в воскресный день на базаре по десять рублей за штуку, но и такого, что однажды снимет перед отцом картуз, бросит его на землю и скажет: «Спасибо, батя, за науку, но с меня хватит. Теперь я у тебя уже ничему не смогу научиться. Дальше я пойду учиться на механика-инженера».

Вот какие мысли роились в голове у Будулая, когда он слышал на фронте вокруг разговоры однополчан об их детях, что учились в больших городах на врачей, инженеров и да-

же на морских капитанов. Почему же его сын Ваня, вместо того, чтобы тоже учиться, должен плясать и кривляться на базаре посреди гогочущей толпы, выпрашивая у нее за это копейки? При мысли об этом кровь вином бросалась в лицо Будулаю. И однополчанин-дружок начинал будить его посреди ночи у потухшего огня, сердито спрашивая, почему он так пострашному кричит и скрежещет во сне зубами. Не знал однополчанин, что вовсе и не спит Будулай, не мог знать и того, какие горькие воспоминания и какие лучезарные надежды не дают спать его фронтовому побратиму-цыгану.

И когда оказалось, что все его надежды похоронены под невысокой, совсем неприметной насыпью супесного чернозема в степи, там, на окраине кукурузного поля, ему почудилось, как будто чья-то безжалостная рука до отказа качнула рычаг его горна и выдула из мехов лучшую часть его жизни. Война не только отняла у него Галю, его верную подругу и жену. Не сбылось, никогда не сбудется теперь и то, о чем мечтал он на походном марше в казачьем седле и бессонными ночами под терскими, кубанскими, донскими, украинскими, молдавскими, румынскими и венгерскими небесами. Некому будет ему передать из рук в руки фамильную кувалду.

Разумеется, еще в состоянии он будет передать кому-нибудь свои навыки кузнеца, но, очевидно, так никогда и не сможет передать то, что переливается из жил в жилы только с родной кровью. Он уже убедился в этом на собственном опыте. Он пытался от самого чистого сердца, и пока ничего путного из его попыток не получилось. Люди, которых он брался обучать, уходили из его кузницы более или менее сносными кузнецами, но ни у одного из них металл не звучал под руками, как бубен и как живая песня. Не вздыхал, не смеялся, не рыдал, не нашептывал Будулаю на ухо вещи, подобные тем, что, бывало, нашептывала ему под сенью шатра его Галя. И ничего такого так и не успели сделать из куска металла эти добропорядочные кузнецы, о чем можно было бы сказать только одним словом: сказка!

Так и оставался Будулай с горьким разочарованием в своих лучших надеждах и мечтах, пока не появился рядом с ним его новый добровольный подручный Пухляков Ваня.

* * *

После разговора с Будулаем в лесу Клавдия уже не приказывала своему сыну стороной обходить кузницу. Теперь Ваня, уже не таясь матери, каждое утро открыто собирался туда, как на работу. Да это и в самом деле была его работа, потому что при очередной встрече с председателем колхоза Будулай уговорил его начислять Ване по полтора трудодня за смену, как младшему молотобойцу. Без старшего молотобойца Будулай предпочитал обходиться, а когда требовалось обработать большим молотом какую-нибудь вещь, он приглашал на время Володьку Царькова, невзрачного, просто даже квелого на взгляд парня из огородной бригады, наделенного могучей физической силой. Когда Володька Царьков поднимал молот, мышцы выступали у него из-под желтоватой кожи, обвивая его руки и грудь, как змеи.

Но со временем Будулай отказался и от помощи Царькова. Отказался не только потому, что тот, когда его звали в кузницу, всегда капризничал и непременно требовал, чтобы по окончании смены кузнец ставил ему на наковальню пол-литра водки. Настало время, когда Будулай мог уже сам взяться за молот, а держать, поворачивать в щипцах и обрабатывать металл небольшим кузнечным молотком мог доверить своему юному подручному Ване. Ваня просил доверить ему и самый большой молот; несмотря на свои семнадцать лет, он был рослый, вровень с самим Будулаем, парень, и молодые мускулы у него под гладкой, блестящей кожей так и играли. Но на это Будулай согласия не давал. Хребет у парня был еще жидкий.

И красивый был парень! Часто, поглядывая на него в кузнице, Будулай думал, что его матери и с этой стороны могла позавидовать любая другая мать. Нет, Ваня совсем не был похож на свою мать, хотя о ней тоже никто не осмелился бы сказать, что она некрасива. По мнению Будулая, она была самой красивой в хуторе женщиной. Но вот может же быть, что у красивой русоволосой матери с серыми глазами родится тоже красивый, но только совсем черноволосый, черноглазый сын. И не похож был Ваня на свою мать не только, как говорят, мастью. Увидев их рядом, сразу можно было сказать, что не унаследовал он от нее ни единой черточки. И совсем другого рисунка были у него большие, будто чем-то навсегда удивленные глаза, и крылья бровей уходили далеко к вискам совсем по-другому, чем у Клавдии, и ноздри тонкого, хрящеватого носа были вырезаны так причудливо, как больше ни у кого другого во всем хуторе.

Смуглой, горячей и немного дикой красоты был юноша. Слыхал Будулай, что и на погибшего, тоже русоволосого, мужа Клавдии он не был похож. Оставалось лишь думать, что не иначе, как пошел Ваня в кого-нибудь из своих далеких предков — казаков.

Вот о сестренке его, Нюре, сразу можно было сказать: мамина дочка. И такая же к семнадцати годам выкохалась сероглазая красавица. Только, не в пример матери, тихая и застенчивая. И такая же прилежная. В работе дома и летом на винограднике в колхозе она была как огонь, а в школе она всегда помогала брату решать задачки. Учились они в одном классе и любили друг друга без памяти. Во всяком случае, никто из ребят-сверстников никогда не рисковал дернуть Нюру за косичку, не говоря уже о более серьезной обиде. Утром вместе шли они в школу под вербами берегом Дона в станицу, где находилась десятилетка, вместе и возвращались. Даже ближайшие их товарищи и подруги ни разу не видели, чтобы они поссорились или тем более подрались, как нередко бывает между братьями и сестрами.

И только, как догадывались их товарищи и подруги, нового увлечения своего брата Нюра, так же, как и мать, не одобряла, хотя она и не говорила об этом ни слова. Догадывались об этом проницательные дети по тем взглядам, что, бывало, украдкой бросала Нюра со склона в виноградном саду, где она работала летом, на хуторскую кузницу, где в это время работал ее брат.

* * *

Все чаще подумывал Будулай, что без юного подручного ему ни за что бы не справиться с выполнением многочисленных заказов в кузнице. Все чаще приходилось им задерживаться там до темноты, дня не хватало. То женская виноградарская бригада Дарьи Сошниковой принесет сразу целый ворох тяпок, которые необходимо подклепать и заострить немедленно — и ни часом позже. То из огородной бригады привезут целую телегу лопат, которые тоже нужно наладить в первую очередь, потому что не станет же ждать в земле за Доном картошка «ранняя роза». То, вместо того чтобы ехать в мастерскую в станицу, спустится из степи, из бригады, на грузовой машине шофер, знающий, что никто так не сумеет сварить лопнувшую стальную рессору, как этот цыган. Сварит так, что рессора потом служит лучше новой. «Должно быть, он какую-то цы-

ганскую молитву знает или же для крепости стали особый порошок подсыпает!» — будет потом восхищаться шофер в кругу своих товарищей по профессии.

Когда доходили такие разговоры до Будулая, он внутренне усмехался. И порошка он не подсыпал и во всех богах давно уже разуверился. С тех самых пор разуверился, как еще в ранней молодости полгода пролежал в больнице в городе со сломанной при падении с лошади ногой и выучился там с помощью своего соседа по койке — учителя — основам грамоты. Из-за этого потом пошла у него вражда со старостой их цыганского табора — его двоюродным дядей Данилой. В тот вечер, когда дядя Данила вырвал у него из рук книжку и бросил ее в костер, Будулай ушел из табора. И потом пришлось Будулаю совсем отколоться от соплеменников, вплоть до самой войны кочевать со своей семьей отдельно.

Примирение состоялось уже после войны, когда дяди Данилы уже не было в живых и цыгане, покоренные при встрече с Будулаем ослепительным блеском его орденов и медалей, уговорили его возглавить их табор. Не без тайной корысти действовали они, надеясь, что с таким заслуженным вожаком им проще будет иметь дело с милицией, сельсоветами и прочими органами власти. Не каждый цыганский табор имеет своим вожаком кавалера ордена Красного Знамени и ордена Славы. И цыгане надеялись извлечь из этого максимум выгод. Во всяком случае, они не сомневались, что теперь-то сельская милиция не посмеет диктовать им условие: не задерживаться у населенного пункта более суток.

И как же впоследствии были ошеломлены цыгане, когда их новый вожак Будулай, добровольно избранный ими на этот пост по всем правилам цыганской демократии, сразу же повернул все порядки в таборе так, что они вскоре и думать перестали, как бы спрятаться за его спиной от чересчур придирчивых органов власти, а думали теперь лишь о том, как бы в один прекрасный день не въехать всеми своими кибитками во главе с вожаком прямо в колхоз! Порядки, заведенные Будулаем в таборе, показались его соплеменникам столь непривычными, что они взроптали...

Это же неслыханное дело, чтобы вожак не только отказывался защитить своего соплеменника, которого прихватила милиция за нехорошим делом, но и сам спешил предать в руки правосудия цыгана, виновного только в том, что он захотел приумножить богатство табора еще одной лошадкой! Виданное ли дело, чтобы малых детишек — цыганят — поселяли на зиму в городах и станицах, снимали для них квартиры и тратили большие деньги на то, чтобы снарядить их в школу! А старые и молодые цыганки в это время вынуждены были промышлять на базарах и на станциях без своих верных помощников и помощниц. Одно дело, когда твой маленький черноглазый сын или маленькая черноглазая дочка спляшут перед нетребовательной базарной публикой какой-нибудь тут же сочиненный вихревой танец или же лукаво споют на потеху толпе что-нибудь вроде «Цыган ходит — трубку курит, а цыганка людей дурит», а другое — пробавляться одним лишь гаданьем, ждать, когда тебе захочет посеребрить руку кто-нибудь из тех людей, что давно уже не верят ни в бога, ни в черта.

Обычные доходы, которые цыганки к вечеру должны были сносить в общий котел, резко уменьшились, и цыганки, как правило, стали возвращаться с промысла в табор голодными и до последней степени злыми — конечно, в первую очередь на своего вожака, на Будулая. А он как будто бы только и ждал, чтобы самая беспокойная — женская — половина населения табора до предела накалилась в бесплодных усилиях заработать на хлеб и на мониста. И однажды, когда вечером у центрального костра, полыхавшего посреди кибиток на выгоне за большой станицей, цыганки организованно подняли ропот, он повернул дело так, что весь огонь их ожесточенных слов обратился не против него, а против их мужей, в которых ему сравнительно легко было распознать главных подстрекателей этого женского бунта.

Это они, их мужья, говорил цыганкам Будулай, обленились настолько, что давно уже живут, как байбаки, на содержании у своих жен и детей. Это они ослепли и не хотят видеть, что на попрошайничестве да на воровстве лошадей теперь не проживешь, другое настало время, да и лошадей осталось уже столько, что скоро совсем нечего будет воровать. Разве они не видят, что коня почти совсем уже заменила машина? И раньше цыгане хоть действительно знали толк в лошадях; если были при таборах табуны, так первоклассные, и сами цыгане были наездниками хоть куда, а теперь они дошли до того, что скупают в самых отстающих колхозах худоконок, подкармливают их и сдают в «Заготскот» на колбасу. Такого позора еще не было. А про цыганского барона кто-нибудь в таборе знает? Нет. И не мудрено, что не знает, потому что почти все цыгане неграмотные.

И Будулай вынул из кармана газетку под названием «Советская Россия», чтобы прочитать притихшему табору при свете костра об этом самом цыганском бароне, у которого отобрали чемоданы с двумя миллионами рублей. Женщины собрали ему эти миллионы по гривеннику, гадая и попрошайничая, а где можно, то и обворовывая людей, чтобы он разъезжал на собственном автомобиле по курортам... Что ж, если хотите и дальше попрошайничать, то покупайте и вашему вожаку Будулаю автомобиль, набивайте чемоданы деньгами, он тоже будет бароном, станет разъезжать по большим городам и курортам, а неграмотные дети ваши пусть в это время пляшут перед толпами людей на базарах и поют позорные для цыган песни! Цыгане, нечего греха таить, всегда дурили людей, но чтобы они заставляли своих детей петь песни, как они дурят людей,— этого тоже еще не было.

И Будулай повернул все дело так, что гроза, которая должна была разразиться в этот вечер над его головой, миновала его и разразилась над головами всех остальных мужчин, которые надеялись остаться во всей этой истории в сторонке. Никогда еще не было в цыганском роду, чтобы те самые женщины, что испокон веку были безропотно покорны своим мужьям, что и попрошайничали, и гадали, и учили своих детей воровать только ради того, чтобы их мужья не испытывали недостатка ни в водке, ни в других удовольствиях, те женщины, что всегда соперничали одна с другой, кто больше монет и бумажек принесет своему мужу, а сами довольствовались лишь теми ломтями хлеба и черствыми пирожками, которые подавали им мягкосердечные, глупые люди,— никогда еще не было в таборе, чтобы эти же самые цыганки пошли в такую яростную атаку на своих мужей и, сверкая глазами, бренча монистами и серьгами, скаля зубы, сразу постарались выместить на них все свои и давние и совсем свежие обиды.

Долго пылал в этот вечер большой цыганский костер на выгоне за станицей. Долго не умолкал гомон, и люди в станице, просыпаясь в своих постелях, с испугом и с удивлением думали, о чем это так размитинговались среди своих шатров эти бродяги. Не иначе, как замышляют они какую-нибудь новую крупную пакость против честных людей!

И люди, вставая с постелей, шли проверять запоры и спускать с цепей кобелей. А сторожа на фермах, на птичниках и при табунах спешили перезарядить свои двустволки более крупной дробью. Всю ночь удивлялись и беспокоились люди в станице.

Но еще более удивились они, когда рано утром пришла в их станицу прямо в правление колхоза целая делегация цыган из того самого табора, откуда ночью доносились тревожные звуки, набилась до отказа в кабинет к председателю колхоза и совсем ошарашила его, сбила с толку своим заявлением, сделанным от их имени главным цыганом с грудью, сплошь увешанной боевыми орденами и медалями:

— Принимайте в колхоз. Не хотим больше кочевать. Садимся на землю.

* * *

— Весь наш табор еще до указа о цыганах уговорил жить на одном месте в колхозе, а сам вскоре опять снялся с места и стал колесить в поисках своего семейства... Пока не пристал к этому вашему берегу, — рассказывая обо всем этом Ване, невесело усмехался Будулай.— Сейчас все цыгане, мои родичи и другие, каждый месяц пишут мне письма, ругаются и зовут к себе. Но куда же мне отсюда ехать? Теперь здесь мой корень...

Только ему, своему единственному слушателю, Будулай и не боялся приоткрыть свое сердце. Ваня умел так хорошо слушать, широко распахнув свои черные глазенки.

А в последнее время привязанность Будулая к Ване еще больше окрепла. На это была своя причина. Издавна существует мнение, что цыгане — горячий народ и что они не склонны прощать человеку обиды. Но меньше знают о том, как цыгане умеют ценить малейшее проявление участливого сочувствия и дружбы. Между тем Будулай, как-никак, оставался сыном своего племени. В хуторе давно уже заметили, что если с Будулаем поговорить помягче, посердечнее, он, не считаясь ни со временем, ни с усталостью, сделает для человека все, что угодно, окажет ему любую услугу.

Кое-кто этой чертой его характера даже пользовался в своекорыстных целях. Иной шофер, сломав на своей автомашине рессору в каком-нибудь «левацком» ночном рейсе, не стеснялся среди ночи разбудить Будулая и уговорить его помочь горю, чтобы утром на машине опять можно было выполнять в колхозе обычную работу. И Будулай, ни слова не говоря, вставал с койки и шел раздувать огонь в кузнице. В глухую полночь ее двери освещались ярким пламенем. Наутро бабка Лущилиха осведомляла через заборы соседку справа и соседку слева, что опять этот чертогон посреди ночи служил какой-то свой цыганский молебен в балке.

У Будулая давно было намерение обнести одинокую, дорогую ему могилку в степи железной оградой, и его растрогало, какое горячее участие принял в этом Ваня. Будулай давно уже и рисунок будущей оградки начертил углем на большом листе картона, да все никак не мог собраться с временем, чтобы приступить к этой работе. Все время колхоз загружал его самой неотложной работой. Ему оставалось только вздыхать, поглядывая на сложенные в углу кузницы остроугольные полосы и круглые прутья заготовленного железа. Успокаивал он себя единственной надеждой, что председатель Тимофей Ильич все-таки сдержит свое слово и даст ему наконец хотя бы двухнедельный отпуск.

Тимофей Ильич выполнение своего слова откладывал, и взгляды Будулая, бросаемые в угол кузницы, становились все мрачнее. Их-то, эти тоскующие взгляды, и подметил Ваня. Однажды он бесхитростно поинтересовался у Будулая, зачем это железо. Узнав, зачем, он так и загорелся. Он стал горячо упрашивать Будулая позволить ему попытаться исполнить по рисунку на картоне решетки для ограды. Это будет его первая самостоятельная работа. И он убеждал Будулая так настойчиво, что тот не смог отказать ему в просьбе. Конечно, лучше было бы, если бы Будулай от начала до конца исполнил эту работу своими руками, но ведь и Ваня будет работать под его руководством и по его рисунку. Галя и ее престарелый отец не вправе будут остаться в обиде. И брался его юный друг за эту работу так горячо, будто Галя и ее отец были не посторонние ему, чужие, а самые близкие и родные люди.

Так и засверкали его глазенки, когда Будулай после долгих раздумий уступил наконец его просьбам. Невозможно было отказать этим глазам, живым, как ртуть, столь же темным, сколь и светлым, то и дело меняющим свое выражение, и всегда таким чистым, что, казалось, сквозь них можно заглянуть прямо в эту юную душу.

Теперь Ваня стал уходить в кузницу, едва лишь за левобережным лесом солнце начинало показывать свою горбатую красную спину, и возвращался, когда за правобережными буграми, в степи, уже совсем догорал костер заката. Теперь мать и сестренка Нюра почти совсем не видели его дома.

Чуть поодаль от большой наковальни, на которой работал Будулай, поставили в кузне наковальню поменьше, на которой стал выполнять свою первую в жизни большую и тонкую кузнечную работу Ваня. Теперь из дверей кузницы неслись удары двух молотков. А иногда Будулай становился и в подручные к Ване. От всех сомнений Будулая, что эта тонкая работа может оказаться Ване не по плечу, вскоре не

осталось и следа. Все чаще Будулай ловил себя на том, что он начинает любоваться его работой. Эти семнадцатилетние руки уже научились делать то, что не всякий мастер сделает. Поворачивая в щипцах прут железа, Ваня умел не только с точностью исполнить тот затейливый нежный узор, что был углем начертан Будулаем на листе картона, а делал это с той мягкостью, будто эта цыганка Галя, для которой предназначалась оградка, доводилась ему кем-то вроде матери.

По чертежу Будулая, со всех четырех сторон ограды в решетки должны были быть вделаны откованные из железа кони, и оставалось только подивиться, как Ване удалось справиться с этим. Из-под его молотка конские силуэты выходили такими, будто он только с лошадьми и имел в жизни дело. Ему даже удавалось развеять им гривы так, как делает это ветер, когда лошадь скачет по степи. И Будулай почти отказывался верить словам Вани, что ему за все семнадцать лет так ни разу и не пришлось поездить верхом на лошади. В их колхозе верховых лошадей не было, все грузы и людей давно уже перевозили на автомашинах.

— А хотелось бы тебе поездить верхом? — интересовался Будулай у своего юного друга.

как-никак наше племя всегда было на колесах. И отцы наши, и деды, и прадеды всегда кочевали. Об этом в каждой цыганской песне поется. Но надо, Ваня, отвыкать, другое теперь время. У молодых цыган со старыми давно уже из-за этого война шла. Ты вот зимой в школу ходишь, может быть, на агронома или на инженера выучишься, а чем цыганские дети хуже? Среди них тоже есть такие же способные, как ты или твоя сестренка Нюра. Молодые цыгане и цыганки доказывали старым, что давно уже пора нам жить такой же жизнью, как все другие люди живут, мужчины должны не воровать, а работать, и женщинам надо переставать честных людей дурить. Ты, Ваня, видел когда-нибудь наших цыганок?

— Толечко один или два раза. Меня мамка, как увидит где цыганку, сразу же запирала в доме.

— Но, может быть, Ваня, ты все-таки успел рассмотреть, что женщины у нас очень красивые. Правда?

С зарумянившимися от юношеского смущения скулами Ваня отвечал:

— Это я успел рассмотреть.

— Вот видишь, такие красивые, хорошие женщины — и такие всегда были обманщицы.

табор с малой добычей. И мне, Ваня, этого большого кнута перепадало, хотя мой отец — и не самый злой цыган в нашем таборе. Из-за этого в нашем народе и шла война между молодыми и старыми цыганами. Молодые, особенно те, которые успели в армии послужить, были за то, чтобы бросить кочевать, а старые и слышать об этом не хотели. Все чаще до кровопролития стало доходить, сыновья и отцы между собой дрались. И еще неизвестно, Ваня, сколько бы продолжалась эта война, все-таки старые цыгане во всех таборах еще крепко держали в своих руках власть, неизвестно, сколько бы еще жили цыгане в нужде, во вшах и в грязи, если бы Советская власть не сказала им: «Покочевали — и хватит! С этого дня вы больше не бездомные бродяги, а такие же, как и все, советские люди...» И если, Ваня, тебе кто скажет, что я когда-нибудь брошу колхоз и опять пойду по земле цыганское счастье искать, ты этому человеку не верь. Может быть, кто из других цыган и посматривает еще в поле, шевелит ноздрями на ветер, но только не я. Я этого ветра уже нанюхался. Я к этому берегу до конца своей жизни пристал. Здесь родная для меня могилка, здесь, Ваня, и мне свой век доживать.

И почему-то он необъяснимо радовался его немедленному ответу:

— Еще бы!

— Вот в этом я тебе, пожалуй, ничем помочь не смогу,— грустновато-насмешливо говорил Будулай.— На велосипеде моем езди сколько угодно, а другого транспорта с седлом у меня теперь нет. Мы, цыгане, Ваня, теперь народ навсегда спешенный.

— И не жалко было вам? — допытывался Ваня, поблескивая в полутьме кузницы лучащимися черными глазами.

— Чего, Ваня, нам должно быть жалко?

— Вашей прежней жизни. То куда вам вздумалось, туда вы и поехали, а теперь должны всегда жить на одном месте.

Мерно покачивая рычаг кузнечного меха, Будулай отвечал ему с сосредоточенной задумчивостью:

— Как тебе сказать... Конечно, не без того, чтобы и пожалеть. Даже я, Ваня, и сейчас, как где увижу хорошую лошадь, так во мне кровь и зазвенит. А у других цыган, я знаю, и без горючих слез не обошлось, когда они расставались с лошадьми. Недаром, если где вступает старый цыган в колхоз, то обязательно просится в конюхи или же в степи стеречь лошадей, а в городе он тоже пристраивается куда-нибудь ездовым на повозку. Трудно отвыкать,

Твоя мама не зря прятала тебя от них. Она боялась, как бы ты по детской глупости не попался на их обман. Конечно, все эти разговоры, что цыганки крадут чужих детей, были выдумкой. Этими сказками бабки сперва своих внучат пугали, а потом и сами стали пугаться. Но вообще-то, если цыганка не обманет, то, значит, она и не цыганка. И самое главное, Ваня, что их даже нельзя в этом винить. Они ведь с детства привыкли, что только так и можно было жить, как жили их матери и бабки. Они даже не понимали, что можно жить как-то и по-другому, и если, Ваня, обманывали людей, то это вовсе не потому, что имели против них какое-нибудь зло. Каждое утро они уходили из табора гадать, побираться и воровать, как на работу. А цыганята, Ваня, такие же дети, как ты и Нюра, в это время плясали под бубен и тоже тянули ручонки за подаянием. И попробуй цыганка к вечеру не принести мужу денег на водку или на табак, он с нее батогом шкуру спустит. Ты, Ваня, никогда не видел, как женщин батогами бьют?

Ваня наивно переспрашивал Будулая:

— А что такое ба-тог?

— Вот видишь, ты даже не знаешь, что это большой кнут. А я не раз видел, как этим батогом мой отец мою бедную мать до полусмерти истязал за то, что она возвращалась в

На это Ваня тихо замечал:

— Вы еще не старый.

— Тот человек долго живет, который знает, что ему еще нужно на ноги своих детей поднять. А мне, Ваня, некого на ноги поднимать. И детей у меня больше не будет...

И, умолкая, Будулай начинал громче стучать по наковальне. Все больше сближали его эти разговоры с юным другом, которому можно было открыть душу без боязни, что он обратит откровенность во вред. Все другие люди в хуторе считали Будулая малоразговорчивым, скрытным человеком. Таинственная улыбка пробегала по губам Вани, когда ему приходилось слышать такие речи. Сумели бы они, эти люди, быть такими же откровенными и рассказывать так же интересно, как умел Будулай. В свою очередь, Будулай часто внутренне удивлялся, как это Ване удалось заставить его разоткровенничаться, чего никогда не удавалось другим людям. Может быть, виной этот его взгляд, который всегда как-то по-особенному беспокоил Будулая?.. Особенно, когда Ваня стоял прямо против него и, о чем-нибудь спрашивая, вдруг в упор взглядывал на Будулая своими глазами, черными и вместе с тем прозрачно-светлыми, как вода в быстро текущей речке.

И как участливо он слушал, страдальчески

изламывая брови и тонкие, чуткие ноздри именно тогда, когда и у Будулая под влиянием нахлынувших скорбных воспоминаний начинало постанывать сердце!

Но больше всего ценил Будулай в своем юном друге, что уж очень способным оказывался он учеником, начисто опровергая мнение, будто талант кузнеца может переливаться из жил одного человека в жилы другого только с родной кровью. А когда Ваня взялся сделать решетку для ограды вокруг могилки, можно было подумать, он только и ждал этого часа, чтобы окончательно доказать, на что способен.

Как-то Будулай спросил у него:

— А ты не знаешь, Ваня, кто это посадил на могилке за хутором кочетки?

Металлический кованый конь в руке у Вани вздрогнул и сдвинулся со своего изображения на картоне, с которым юноша сверял свою работу.

— Знаю. Только я вам этого не могу сказать.

Будулай удивился:

— Почему?

— Если я вам скажу, меня мамка заругает.

Молоток остановился в руке у Будулая, и потом он не сразу и как-то нетвердо опустил его на грудь наковальни.

— Ну, если тебе мамка запретила, то ты тогда и не говори.

С горечью задумываясь о причинах столь неприязненного отношения к нему матери Вани, он чуть не пропустил мимо ушей тихо прошелестевший в кузнице виноватый вопрос юноши:

— А вы ей не скажете?

Будулай не мог удержать невеселой улыбки.

— Как же, Ваня, я ей могу сказать, если мы с ней совсем не разговариваем. Твоя мамка меня почему-то за три версты обходит.

— Это она вообще цыган боится. Но вы на нее не обижайтесь. Это ее в детстве напугали.

— Я, Ваня, и не обижаюсь. Какое я имею право обижаться на твою мамку!

— Это она кочетки посадила.

Молоток во второй раз застыл в воздухе над плечом у Будулая. Вот этого он никак не ожидал!

— Твоя мамка?

— Да. Она и кочетки посадила и могилку два раза в год, перед Маем и Октябрем, ходит убирать.

Молоток и щипцы задрожали в руках у Будулая, он отложил их в сторону, не в силах продолжать работу. Непонятная тревога заползла ему в грудь, стеснила сердце.

— А ты не знаешь, Ваня, почему она это делает?

— Она говорит, что нехорошо одинокую могилку без всякого присмотра оставлять.— И, пугаясь, что в своей откровенности он зашел чересчур далеко, Ваня счел необходимым опять предупредить Будулая: — Только вы, пожалуйста, не проговоритесь ей. Она не хочет, чтобы об этом узнали в хуторе. Она говорит, что такими делами нехорошо хвалиться. Не скажете?

— Будь спокоен, Ваня, не скажу.

— Честное комсомольское?

Улыбаясь, Будулай смотрел на него омытыми радостной влагой глазами.

— Что-то, Ваня, я не видел комсомольцев с такой бородой, как у меня.

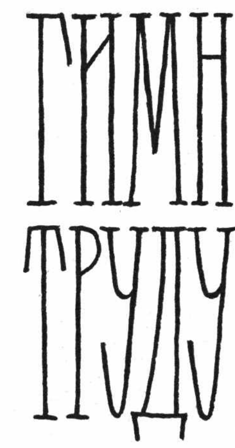
— Все равно. Я когда мамке рассказываю что-нибудь секретное, она сперва мне всегда комсомольское слово дает.

— Честное комсомольское! — твердо сказал Будулай.

Так вот еще какой могла быть эта женщина, о которой все, едва лишь поселился Будулай в хуторе, стали говорить ему, что у нее невозможный характер. Он и раньше начал подозревать, что все это не так просто. И Будулай вспомнил то задумчивое, мягкое выражение, которое он случайно подсмотрел на лице у Клавдии в лесу. Он не мог тогда обмануться. И своему сыну она вложила такое же доброе, отзывчивое сердце.

— Хорошая, Ваня, у тебя мамка! — заканчивая этот разговор, тихо сказал Будулай и в награду получил быстрый, исполненный горячей признательности взгляд юноши.

Окончание следует.

Стихи

Михаила Вершинина.

Музыка

Константина Листова.

Посвящаем коллективу завода «Серп и молот»

1

Помнится, помнится время былое,
Как мы плечо подпирали плечом,
Шли на субботники сомкнутым строем
Вместе с родным Ильичем.

Шли, не снимая военной шинели,
Все испытав на суровой войне,
К солнечной цели
Шли мы и пели
Песню о завтрашнем дне!

Припев:

Партия!
Партия!
Партия!
Солнцем поход твой богат!
Партия!
Партия!
Партия! —
Знамя ударных бригад!
Родина!
Родина!
Родина!
Поступь народа тверда!
Родина!
Родина!
Родина!
Славься, отчизна труда!

2

Движутся, движутся новые годы,
Юность идет за отцами вослед!
И не забудутся наши походы,
Наши дороги побед!

Молодость вышла навстречу преградам,
В годы борьбы их ломать не впервой!
Юным бригадам,
Новым отрядам
Дорог почин трудовой!

Припев.

Короткие рассказы

В. БАТАЛОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

ТОПОЛЬ

За ночь выпал обильный октябрьский снег. Больше он, наверное, так и не растает. Белые хлопья опушили телефонные провода, изгороди, голые ветви деревьев...

Все побелело. Но на взгорье, под окнами правления колхоза, попрежнему возвышается кудрявый и зеленый тополь. Его могучие корни разошлись под человеческим жильем и, несмотря на холод, берут оттуда живительную влагу.

Словно в благодарность за летний шелест его листьев, люди отдают ему часть своего тепла.

ЖИВАЯ ТОЧКА

Затаив дыхание, сидел я на берегу озера в кустах ивняка и ждал. Утки не замечали меня, спокойно смазывали жиром перья, ныряли, полоскали в воде мелкую зеленую ряску, однако на ружейный выстрел не подплывали.

Неожиданно сбоку послышался шорох. Я осторожно повернул голову, но ничего не заметил.

Между тем одна из крякв подплыла ближе. Я уже начал было приподымать ружье, как вдруг снова, уже более отчетливо, услышал тот же шорох. Всмотрелся внимательней и увидел между листьями черную, словно ягодка черемухи, точку. Я тихонько протянул руку. Но точка неожиданно шевельнулась и оказалась на веточке чуть повыше. Теперь я не мог ее достать, но уже различал, что это был глазок маленькой подвижной птички. Расцветка ее целиком сливалась с окружающей пестротой листьев.

...А утки опять были уже далеко, и я снова терпеливо ждал их приближения.

СОСНА В НЕБЕ

На той стороне пруда высокая крутая гора. Взбираются по ней, робко оглядываясь, низкорослые сосенки, изгибаются, удерживая равновесие, ели, стелется, прижимаясь к песчаным щекам склона, ползучий вереск, но никто из них не решается подняться на вершину.

И только одна сосна горделиво вытянулась на вершине, открыла грудь свою встречным ветрам и высокому солнцу и стоит, недоступная, не слыша ни завистливых реплик обитателей подножия горы, ни их мелкого брюзжания.

Хватит ли у меня решимости и сил, чтобы вот так же, не страшась высоты, подниматься на головокружительные кручи?

ГОРОШИНЫ НА СНЕГУ

Прошедшей ночью выпал снег, и ни единой помарки нет на чистой скатерти поля. Я иду на широких, подбитых лосиной шкурой лыжах без палок.

Что это за серые точки разбросаны на снегу возле березовой рощицы?

Я поворачиваю лыжи и направляюсь к березкам. Неожиданно серые точки оживают, вздрагивают, и вот уже целая стайка птиц, поднимая фонтанчики снега, взмывает вверх и скрывается из виду.

Я внимательно разглядываю только что покинутые лунки. Здесь были серые куропатки. Зарываясь в снег, они выставляют наружу для наблюдения только головку с черным беспокойным глазком. Эта немудрящая хитрость не раз спасала их от выстрелов охотников. Спасла и на этот раз.

ВЕЧНОСТЬ

Долго раскидывала по ветру свои зеленые косы кудрявая береза, а теперь состарилась, подломилась и упала на замшелую землю. Верхняя сторона ствола уже высохла, даже береста начала сдираться, а нижняя все еще питалась соками земли.

Но вот на теле березы появилось семь молоденьких побегов. Пройдут года. Они вопьются упрямыми корнями в землю, вырастут такими же, как их мать, еще дружнее заговорят зеленой листвой...

Значит, и старая береза не умерла.

БЕРЕЗОВЫЕ ЛЮСТРЫ

Весь вечер моросил мелкий теплый дождик. К ночи небо прояснилось. Загорелись беспорядочно рассыпанные звезды, бледный месяц выставил свой лысый лоб. Похолодало.

Ранним утром я шел по лесной тропинке. Под ногами шуршала заиндевелая трава, похрустывали опавшие листья. Впереди показался невысокий березняк. Ближняя березка сплошь была усыпана бусинками. Она горела и переливалась всеми цветами радуги в первых лучах восходящего солнца.

Чтобы капельки не посыпались на меня и не замочили одежды, я бережно взялся за верхушку березки и осторожно встряхнул ее. Но что это? Ни одна капля не сорвалась. Я тряхнул деревце вторично — и тут все понял. Первый утренний морозец превратил блестящие бусинки воды в прозрачные ледяные хрусталики.

Я улыбнулся и смело пошел вперед. А по сторонам все так же искрились и переливались звонкие березовые люстры.

Перевел с коми-пермяцкого
Э. КАСПЕРОВИЧ.

* * *

Владислав ШОШИН

Сколько их, веселых и упрямых,
Падало, как ливень на поля.
У тебя и сердце в рваных
шрамах,
Мать родная, мать сыра-земля!
Сплошь в сирени крепостные
стены,
Но и в гроздьях метки седины.
Только мы ведь, мы встаем
на смену
Тем, кого не ждут уже с войны.
Сколько спит костей в полынях
горьких!
К горлу и теперь подходит ком.
Но уже такая на пригорках
Травушка — хоть бегай босиком!
Дятлы рубят лес на перекрестке,
На мохнатых ветках снегири.
В трещины стены глядят
березки —
Ты на них подольше посмотри.
Елочка стоит невестой милой
Рядом с дубом в свежести
лесной...
Только бы мне жить хватило силы
За ушедших от красы земной!

Ленинград.

Мощь

Семен ГОРДЕЕВ

Кузнецу-арсенальцу Михаилу
Андреевичу Пиорко.

Нет ничего отраднее, чем эта
Живая сила стали и машин!
Стоит кузнец, как воин у лафета,
Герой сказаний новых и былин.

А молот бьет.
Что молот? —
Молотище!
Ударит раз —
и любо поглядеть...
Да где еще такую силу
сыщешь,
Чтоб сердцу этой силой
захмелеть?!
А молот бьет.
Кузнец, чуть приседая,
Болванку этак повернет и так,
И, в такт ударам головой кивая,
Он будто песни повторяет такт.

А молот бьет.
Еще удар!
Готово!
Кузнец
вишневый измеряет вал.
И, верно, в мире счастья нет
такого,
Которое бы он не отковал.

— Эгей! —
И новую схватил клещами
Болванку, словно молнию, и вот
Ударил гром раскатистый над
нами
И повторился где-то у ворот.

А он ворочал, громовержец
старый,
Болванку так, и этак, и вот так,
И молот заносил над ней кулак,
И сотрясали улицу удары.

Киев.

Подводный фотограф за работой. Фото Ю. Транквиллицкого.

СЕСТРА АТЛАНТИДЫ

Города-невидимки

Сверху скупо льется зеленоватое мерцание. Сквозь пелену ила и трепещущие нити водорослей смутно проглядывают очертания развалин. Бесформенные груды мощных стен, обломки керамической посуды, камни, разбросанные морскими течениями... Как призраки, встают за стеклами наших масок остатки солнечного города, опустившегося на дно в результате неведомой катастрофы.

Вот он, Себастополис древних. Невольно вспоминаешь историю этой удивительной находки.

...Более ста лет ученые разыскивали бесследно исчезнувший греческий город Диоскурию. С ним связаны мифы об аргонавтах, похитивших золотое руно и основавших город. Древние географы Страбон и Тимосфен упоминают о Диоскурии как о крупном центре Колхиды (Кавказское побережье Черного моря). А правитель римской провинции Каппадокии Флавий Арриан, осматривавший в 134 году нашей эры крепость Себастополис, сообщал, что она основана на месте Диоскурии, и указывал географическое местоположение города.

Однако в этом районе следов Себастополиса не обнаружили. Тезка современного красавца порта исчез так же бесследно, как и его греческий предшественник. Некоторые ученые стали считать сведения о городах-невидимках фантазией. Другие предполагали, что Диоскурия и Себастополис затоплены водой и, возможно, лежат на дне Сухумского залива.

Концы запутанного археологического вопроса буквально «уходили в воду».

Из тьмы веков

В 1896 году строители набережной Русского общества пароходства в Сухуми были поражены необычной находкой. Раскапывая берег, они наткнулись на остатки древнего мола. Из кладки извлекли плиту с хорошо сохранившейся латинской надписью:

HADR. PER. FL. A.P.I. FEC.

которая в переводе гласила: «Адриан через Флавия Арриана порт сей соорудил».

Так был найден след Себастополиса.

Раскопки приносили все новые и новые сведения об исчезнувшем городе. Советский археолог А. С. Башкиров установил, что в IV веке нашей эры жизнь в Себастополисе замирает, и только спустя лет 100 на месте римской колонии снова начинают возникать поселения. Новые находки расширяли сведения об исчезнувших городах.

В сороковых годах рыбаки сетями вытащили античные кувшины разных форм. Через 13 лет близ устья реки Беслетки под водой был найден мраморный барельеф — надгробный памятник V века до нашей эры. Возможно, это следы Диоскурии.

Во время земляных работ в 1957 году около Сухумской турецкой крепости открылись остатки неизвестной до тех пор каменной стены. Она привлекла особое внимание искусствоведа Л. А. Шервашидзе и археолога Л. Н. Соловьева: ее булыжная кладка с каменными поясами, скрепленная известковым раствором, полностью соответствовала фрагментам стен, которые обнаружили ученые при подводных исследованиях Сухумской бухты.

Стены оказались остатками оборонных сооружений Себастополиса. После расчистки всего крепостного комплекса стало возможным представить облик исчезнувшего города.

Себастополис лежал у подножия снеговых кавказских хребтов, обрамленный вечнозелеными лесами. В центре грозным часовым высилась крепость. На плацу римские наездники укрощали диких киммерийских коней, сверкали доспехи центурий, упражнявшихся в боевом искусстве. Близ стен крепости находились мастерские ювелиров, гончаров. Озаренные пламенем горнов, работали оружейники.

С массивных башен Себастополиса открывался вид на порт, на предместья, расположившиеся вдоль моря. Сюда на многолюдные базары съезжались купцы из Греции, далекого Рима, Малой Азии. По свидетельству Тимосфена, здесь собиралось 300 народов. Тогда на солнечных улицах Себастополиса кипел людской поток. Семьдесят переводчиков помогали суровым абасгам и апсилам (предки абхазов) обменивать золото, кожи, драгоценное колхидское вино на иноземные товары.

Во II—III веках нашей эры Себастополис был крупнейшим экономическим центром Колхиды. Чем же вызван его упадок?

По следам катастрофы

В Абхазии бытует любопытная легенда. Говорят, в незапамятные времена к берегам лазурной бухты Сухуми приплыли белокрылые корабли. Воины в блестящих шлемах сошли на землю и построили город. Его назвали Диа Скури — мать рек. Пришельцы заставили горцев опускать в реки шкуры баранов, чтобы золото оседало на руно. Добычу отбирали. Непокорных рубили мечами. Тогда горы и море восстали против злых чужеземцев. Страшный удар потряс землю. Берег раскололся. И взбешенное море поглотило город...

В легенде этой немало правдоподобного. Кавказское побережье изобилует оползнями. Они вызваны тектоническими изменениями, которые с геологической точки зрения произошли сравнительно недавно. Здесь же, как ни в каком другом месте, сильны разрушающие действия морских течений — так называемая «морская абразия». «Если где-нибудь имеют основания легенды о потонувших городах, так это на Черноморском побережье Кавказа»,— писал известный русский геолог И. В. Мушкетов.

Для проверки гипотез о гибели древних городов Л. Н. Соловьев изучил сведения, оставленные Аррианом. Римлянин указывал, что расстояние между Фазисом (Поти) и Диоскурией — Себастополисом равно 810 стадиям (150 километрам). Протяженность же современного пути от Поти до развалин исчезнувшего города на 32 километра короче. Арриана нельзя упрекнуть в ошибке. В определении других расстояний он предельно точен. Значит, именно в этом районе береговая линия сократилась, и, как подсчитал Соловьев, за 18 с лишним столетий берег опустился почти на 10 метров.

Многое поведали стены Себастополиса. В некоторых местах они были расколоты, а затем укреплены массивными контрфорсами. Но и контрфорсы не могли предотвратить оползней, вместе со стенами они наклонились в сторону берега. А потом участок берега со всеми сооружениями откололся и сполз в глубину морской пучины.

Правда, гипотезы остались бы гипотезами, если бы на помощь ученым не пришли новые, уже неопровержимые данные.

Участь легендарного города

На одной из фотографий, которую мне показал Л. А. Шервашидзе, я сразу же узнал место расчистки Себастополиса — остатки строений, могучая стена, укрепленная контрфорсами. Но не на них обращал мое внимание ученый. Карандашом провел он по белеющей на снимке каменной кладке, которая сперва шла параллельно берегу, а потом заворачивала под прямым углом и словно ныряла в море.

— Это крепостная стена. Часть оборонного комплекса Себастополиса.

Если взглянуть на карту, составленную Шервашидзе вместе с мастером водолазного дела Вениамином Ивановичем Скасырским, увидишь прямоугольник. Северная часть его лежит на берегу. Южная, значительно бо́льшая, почти на 100 метров протянулась в море. Там, на глубине до 10—15 метров, покоятся остатки разных сооружений.

Большого труда стоило составление уникальной карты. Водорослевые джунгли, густая пелена ила до предела снижали видимость, делали невозможным подводное фотографирование. Буквально на ощупь пробирались исследователи среди руин. И только энтузиазм да острая наблюдательность сделали возможным составление плана затонувшего города.

Иногда на подводных «улицах» встречались интересные находки: массивная ступа из камня, зернотерка, фрагменты посуды. Эти предметы, как и изучение разрытых стен, помогли определить дату гибели города: рубеж IV—V веков нашей эры.

А какова судьба легендарной Диоскурии?

...Катер выносит нас на простор Сухумской бухты. Проплыли 100 метров. Шервашидзе предлагает надеть акваланги.

Погружаемся в воду. В море тепло, почти 22 градуса, хотя уже конец октября. Медленно, чтобы уравнять разность давлений, спускаемся на глубину.

Здесь светлей, чем в центре затопленного Себастополиса. Меньше ила, нанесенного Беслеткой. Реже с песчаного дна поднимаются причудливые пучки водорослей.

Шервашидзе и Скасырский уверенно ведут к югу. Обломков зданий становится все меньше и меньше. Вот под ногами видны остатки каменного сооружения. Это все, что осталось от крепостной стены. Мы вышли за пределы Себастополиса.

Несколько десятков метров — и сравнительно пологий уклон переходит в крутой скат. Дна не видно в темной пучине моря.

Шервашидзе протягивает руку.

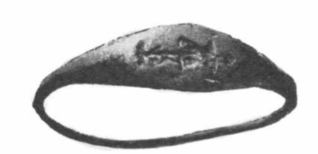
«Диоскурия там», — разгадываю я смысл этого жеста.

Путь к неведомому городу закрывают большие глубины. Добраться туда с аквалангом невозможно. Остается лишь предполагать.

Известно, что Диоскурия погибла в I веке нашей эры, то есть за 400 лет до гибели Себастополиса. Причина та же: более ранний и, очевидно, более глубокий оползень.

Море пока еще скрывает тайну легендарного города. И представить себе Диоскурию, эту младшую сестру Атлантиды, позволит лишь специальная глубоководная техника.

Ю. ГУРЬЕВ

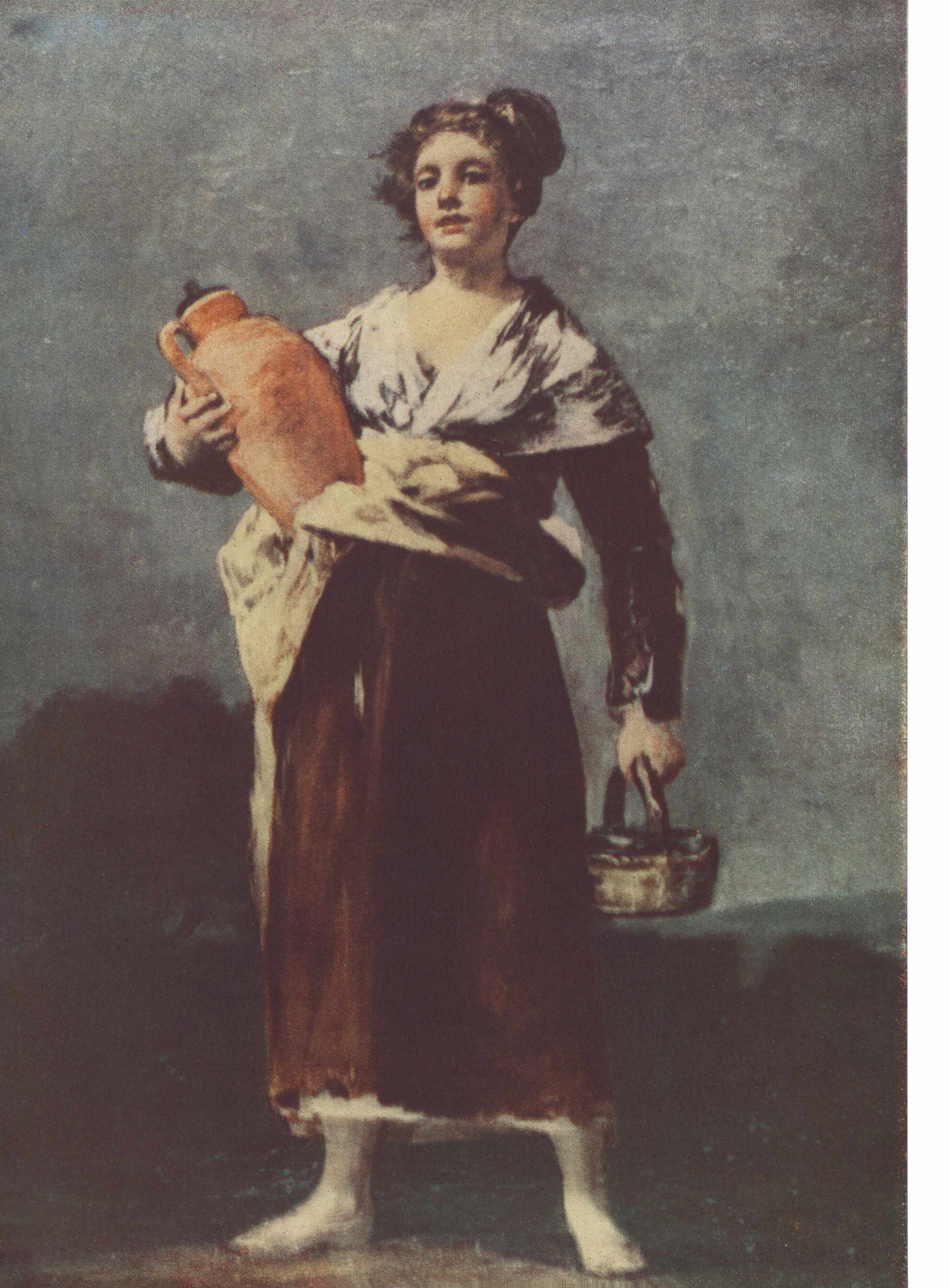
Кольцо с печатью

Эту мраморную надгробную плиту нашли на дне Сухумской бухты.

Франс Гальс. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА ЯНА АССЕЛИНА. Венгерский музей изящных искусств.

ПОЭТ-СОЛДАТ

Николай Грибачев.

Николай Матвеевич Грибачев принадлежит к тому поколению советских писателей, которое входило в жизнь и литературу, как в битву. Самоотверженная борьба народа, строящего социализм, определила характер и судьбы этого поколения.

Сын крестьянина-бедняка, Николай Грибачев окончил техникум по гидротехническому отделению и в годы первых пятилеток работал в изыскательских партиях, разведывая площадки для гигантских первенцев социалистической индустрии. Он мог отдавать поэтическому творчеству минимум времени. В 1935 году вышла первая книга его стихов — «Северо-запад»; «Стихи и поэмы» — в 1939 году.

В тех книгах сразу был очевиден талант. Перед художником открывался свободный путь в литературу. Но автор — поэт и строитель — стал солдатом. Н. Грибачев участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию, потом воевал на Финском фронте.

В Великой Отечественной войне он, поэт, строитель, стал командиром саперного батальона, инженером гвардейской дивизии и уже затем — корреспондентом армейской газеты.

После войны поэт написал выдающиеся произведения, воспевающие трудовой подвиг советского народа. Поэмы Грибачева «Колхоз «Большевик» и «Весна в «Победе» отмечены Сталинскими премиями. Он один из авторов книги «Лицом к лицу с Америкой», удостоенной Ленинской премии.

Кипучая общественная деятельность Грибачева находит себе признание. Он член секретариата Правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Советский Союз», депутат Верховного Совета РСФСР.

Николаю Грибачеву присуща жестокая требовательность художника к самому себе. Отсюда его постоянное искание новых форм, стремление одолевать новые рубежи, вести неустанные поиски.

Боевые строки Н. Грибачева, язвительно бичующие агрессивные силы международной реакции, мы оцениваем как мощное личное оружие, каким замечательно владеет литератор.

Многообразие литературного творчества Грибачева — это прежде всего убежденность писателя в том, что он не сказал еще своего главного слова, и уверенность в том, что он его скажет. Но остается всегда постоянным, ведущим в творчестве писателя его понимание миссии литератора, с предельной ясностью выраженное в самопризнании.

Еще ему нужно участье
В народной заботе и счастье,
Нужна ему дума большая
О судьбах родимого края.
Тогда оживут для поэта
И утро и полосы света.
И тропка с намокшей травою
Блистательной станет строкою...

Николаю Матвеевичу Грибачеву исполняется пятьдесят лет. Возраст писателя лучше всего познается в его произведениях. Все, что написал Н. Грибачев, проникнуто духом боевой молодости, дерзанием.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Первая встреча с Ганой

Всего три года назад пришла весть о рождении африканской Республики Ганы, и сегодня появилась возможность познакомиться с литературой ганайского народа в русском переводе.

Четыре с половиной столетия колонизаторы выкачивали из страны алмазы и золото, марганец и каучук, какао и древесину. Никто в Европе не знал о духовной жизни народа, его самобытной культуре.

Лишь в 20-х годах нашего столетия в стране зародилась письменная литература.

Достижение независимости открыло новые пути развития национальной культуры. Теперь писатели Ганы могут в полный голос говорить со своим народом. Сборник «Голоса Ганы» включает рассказы, стихи, сказки. Особенно хороши стихи, например, произведение молодой поэтессы Джойс Аддо «Патриотизм». Гордость за свой народ, любовь к родине звучат в нем:

Забыть ли мы можем
Людей, что бесстрашно,
Геройски боролись
С неволей вчерашней,
И, жизнь отдавая родному народу,
Добыли нам счастье, добыли свободу.

«Харматтан» Джозефа Гарти напоминает по звучанию «Песню о Буревестнике» А. М. Горького. Харматтан — могучий ветер, он, как и Буревестник, — символ свободы. Интересна представленная в книге проза. Рассказ Ричарда Бентила «Ама копит на свадьбу» — грустная картина непосильного труда ганайской крестьянки. Счастливую картину мирного труда рисует в рассказе «Новая жизнь в Кьерефасо» Эфуа Теодора Сатерлэнд.

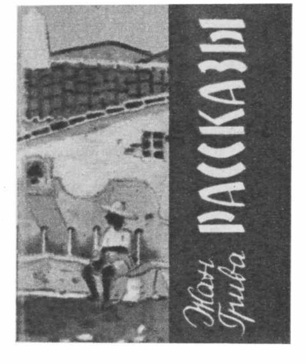
Сборник «Голоса Ганы» — первая попытка познакомить советского читателя с ганайской литературой. Может быть, не все переводы сборника достаточно хорошо отображают характер литературы народа, но надо надеяться, что за первой книгой последуют другие.

Е. ВАРШАВСКАЯ

Голоса Ганы. Гослитиздат Узбекской ССР. Ташкент. 1960. 150 стр.

Экзамен на человека

Давно знаю и люблю латышского писателя Жана Гриву. Он всегда пишет о том, что видел и хорошо знает, что глубоко прочувствовал и обдумал. А видел он и знает так много, что ему как писателю можно позавидовать. В его пятидесятилетнюю жизнь вошло: батрачество у латышского кулака, высокая «должность» рабочего, смелые дела в нелегальной комсомольской организации, а с тридцать четвертого года — партийное подполье, борьба с фашистами на испанской земле, концлагеря, возвращение домой, в Советскую Латвию, снова битва с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны, тяжелое ранение под Ленинградом, напоминающее о себе до сих пор. После войны Жан Грива стал писателем и остался тем же человеком, коммунистом, которому, как сам он говорит, покой противопоказан. За последние годы он побывал на Алтае и в Италии, в среднеазиатских советских республиках и в Англии, плавал по Волге и по многим морям и океанам планеты.

Жан Грива пишет просто и художественно. Его герои — живые люди со своими характерами и мыслями. Все рассказы посвящены борьбе человека за лучшую жизнь на земле, за то, чтобы сам человек был выше и чище. Большинство рассказов книги — об Испании периода ее борьбы с контрреволюцией. Автор вместе с испанским народом прошел весь путь — от беззаветных схваток за Мадрид до поражения, полного высочайшего трагизма. Этот эпизод истории живет в памяти старшего поколения. Писатель рассказывает об этом новому поколению. Его рассказы отмечены суровой правдивостью и нежной любовью к людям Испании. Автор верит, что борьба не закончена и впереди еще грядет заветная победа. Эта уверенность не умозрительная. Она рождается из встреч с героями рассказов. Такие люди не капитулируют.

Есть в книге рассказ «Человек ли ты?» — о радисте торгового парохода Виртмане, самонадеянном парне, который во время шторма проявляет трусость. Погибает штурман парохода. Никто не знает, что виноват радист. И когда затихает шторм на море, поднимается буря в душе радиста. «Кто же ты такой?.. Кто ты? Человек? Человек ли ты или жалкий трус? Отвечай же!»

Такие люди, как радист Виртман, не являются любимыми героями Жана Гривы. Он влюблен в человека-борца. Но, создавая гимн человеческой храбрости и честности, автор думает о тех, кто держит экзамен на высокое звание человека. Писатель говорит: «Что бы я ни видел на пройденном пути, оглядываясь в прошлое, я думаю о будущем».

Василий АРДАМАТСКИЙ

Жан Грива. Рассказы. Латвийское государственное издательство. Рига. 1960. 471 стр.

В жанре литературного портрета

Новую книгу Льва Никулина «Чехов. Бунин. Куприн. Литературные портреты» читаешь с увлечением.

Жанр литературного портрета очень сложен, если понимать его широко. В него входят биография, описание внешности и привычек, попытка раскрыть внутренний мир писателя, его характер, критический анализ произведений, история их возникновения. И, наконец, автор литературного портрета должен раскрыть самое главное: каким образом то, что видел и слышал писатель, обретало художественную форму, как возникали фразы, даже отдельные слова, которые потом становились крылатыми.

В своей книге Лев Никулин много места уделяет технологии мастерства трех замечательных русских писателей. Удивительная точность описания, умение использовать богатство русского языка, владеть живым диалогом, способность рисовать пейзажи — все эти качества пришли к ним в результате непрестанного труда и изучения классиков: Пушкина, Гоголя, Толстого, Лескова, Достоевского.

В одном из писем А. Куприн писал: «На днях опять (в 100 раз) перечитал «Казаки» Толстого и нахожу, что вот она, истинная красота... Плакал от умиления и благодарности».

Анализируя творчество Чехова, Бунина и Куприна, Лев Никулин сопоставляет десятки вариантов произведений, приводит множество отрывков, блестяще написанных, но не вошедших в окончательный текст.

Бунин, особенно в первый период творческой жизни, испытывал большое личное влияние Чехова. Главный его совет — «ничего лишнего!». Для того, чтобы выбросить это «лишнее», найти ритм повествования, добиться совершенной точности описания и найти в богатейшем нашем языке одно-единственное, нужное в данном случае слово, необходимо работать не покладая рук.

Книга Л. Никулина насыщена фактическим материалом, и все же литературные портреты сделаны так, что каждый из них становится выразительным и зримым, как картина.

Анализируя некоторые произведения Бунина, автор указывает на явные противоречия в суждениях писателя, на излишнюю идеализацию «милой старины» и того «культурного дворянства», из среды которого Бунин вышел. Нельзя без грусти читать те страницы в книге, которые относятся к пребыванию А. Куприна в эмиграции, когда он должен был ради заработка, приспособляясь к вкусам читателей-эмигрантов, писать развлекательные рассказы в духе исторических анекдотов: «Царский писарь», «Одноруький комендант», «Царев гость из Наровчата».

Автор призывает молодых литераторов изучать творчество Бунина и Куприна, учиться у них живописи слова и в то же время предупреждает их, что учеба не должна переходить в подражательность. Писатель только тогда становится писателем, когда найдет самого себя, собственное видение мира, свой язык.

Следует, однако, сказать, что книга Льва Никулина о Чехове, Бунине и Куприне вовсе не предназначена только для литераторов. Она заинтересует всех, кто любит творчество больших мастеров русской литературы.

Было бы несправедливым не упомянуть об оформлении книги. Великолепный переплет, со вкусом сделанные заставки, хорошая бумага, четкий шрифт, отлично выполненные репродукции редких фотографий делают честь издательству «Советский писатель». Можно только пожелать издателям, чтобы и другие выпускаемые книги были такого же качества.

Николай РАВИЧ

Лев Никулин. Чехов, Бунин. Куприн. Литературные портреты. Изд-во «Советский писатель». 1960. 327 стр.

Франсиско Гойя. ДЕВУШКА С КУВШИНОМ.

Венгерский музей изящных искусств.

После выступления «Огонька»

ЕЩЕ РАЗ О КНИГЕ ЖАЛОБ

«О чем поведала книга жалоб» — так назывался репортаж, в котором речь шла о недостатках в торговле города Тулы. Он был опубликован в «Огоньке» № 40 и вызвал оживленные отклики читателей. Люди из разных городов написали и о хорошем и о плохом.

«В магазине № 34 по ул. Жуковского, 7, в гор. Одессе,— пишет В. Вилюгина,— часты обвесы, продавец груб. Фамилию свою он держит в строжайшем секрете. Жалобной книги нет. Он говорит, что она похищена. Вот только кем похищена?..»

Серьезные претензии предъявляют к заведующей магазином № 3 Кулойского орса М. Г. Фалевой покупательницы Кравченко, Сухова, Казакова, Микрюкова и другие со ст. Подюга, Архангельской области.

Злоключения с жалобой испытал москвич А. Поликарпов. «У меня испортился телевизор,— пишет он.—И вот я имел несчастье вызвать техника из ателье № 50. После его прихода телевизор проработал ровно 28 дней. Еще не раз пришлось мне вызывать техника и не раз требовать жалобную книгу. Главный инженер (его фамилия Костин) книгу не дал».

Б. Скоров сообщил о следующем: отправляясь в отпуск на автомобиле, он заправился у колонки № 15 во 2-м Зачатьевском переулке. И оказалось, что в бак вместе с бензином было влито... 8—9 литров воды. Б. Скоров написал жалобу.

Какие же меры были приняты? Никаких. Заведующий колонкой оставил в книге размашистую резолюцию: «Проверить баки». И все.

Получила редакция и ответ из Тулы. Исполняющий обязанности управляющего тульской областной конторой «Гастроном» тов. Чурсинов пишет: «Приняты меры к устранению недостатков не только в магазине «Гастроном» № 6, но и в других магазинах тульской областной конторы «Гастроном».

Заведующему магазином № 6 тов. Захарову и его заместителю тов. Костолындину объявлен выговор. Заместитель заведующего отделом тов. Разумова и продавец штучного отдела тов. Радзинская за грубость и обман покупателей понижены в должности».

Ответ очень короткий, и поэтому мы позвонили в Тулу. Вот что добавил П. Чурсинов: репортаж «Огонька» был обсужден на расширенном совещании в областной конторе заведующих магазинов, предместкомов, во всех магазинах и в первую очередь в «Гастрономе» № 6.

Что же касается Разумовой и Радзинской, то первая переведена продавцом в другой магазин, а вторая — на три месяца рабочим в «Гастроном» № 6.

Заведующим магазинами дано указание, чтобы они не ограничивались только ответами в книге жалоб, но чаще приглашали к себе тех, кто делает замечания, вносит предложения.

Невнимание, а иногда и прямое пренебрежение к записям покупателей встречаются еще довольно часто и превращают книгу жалоб в листки, от которых ничего не зависит. Такое положение совершенно ненормально. Книга жалоб и предложений должна стать одним из важнейших факторов оценки работы магазина.

И чтобы так было, нужны усилия общественности, усилия многих, и в первую очередь министерств торговли.

Финал спектакля «Любовь Яровая» на сцене Малого театра.
Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

Наступление р

Ник. КРУЖКОВ

Три премьеры: «Цветы живые»—в Театре имени Ленинского комсомола, «Мамаша Кураж» — в Театре имени Маяковского и «Любовь Яровая»— в Малом. Как непохожи эти спектакли друг на друга, и вместе с тем что-то очень общее объединяет их, одинаковая струна звучит в постановках! В «Цветах» речь идет о нашей современной молодежи, в Театре имени Маяковского развертывается драматическая хроника времен Тридцатилетней войны, а в Малом зритель возвращается к событиям гражданской войны, отделенным от наших дней почти сорока годами. Но все равно в единый букет сплетаются в сознании зрителя имена авторов этих пьес — драматургов Н. Погодина, Б. Брехта, К. Тренева. Что же то общее, что способствует слиянию этих имен?

Романтика!

Как она нужна нам! Мы живем в романтическое время, ибо наша борьба, неустанная, постоянная, пролагает новые пути, утверждает новые устои. Но романтику своих дней мы часто не примечаем, погруженные в будничные заботы, хотя эти заботы, труд, волнения и составляют в результате своем романтическую ткань нашей эпохи.

И вечный бой!
Покой нам только снится...

...Есть люди, которые наивно полагают, что слово «романтика» обязательно соседствует с глаголом в прошедшем времени. Что же, мол, романтичного в том, чтобы, стоя у станка, ежедневно выполнять свой план, или, погружаясь в бухгалтерские расчеты, создавать баланс предприятия, или поднимать осеннюю зябь, или просто учиться на «отлично» в вузе или техникуме? Другое дело — броситься на неприятельский дот. Или в крайнем случае открыть какой-нибудь новый остров в безбрежном бушующем океане.

Нашлись же умники, которые всерьез доказывали, что нынешнее время не нуждается ни в стихах, ни в лирике, ни в искусстве, ни в литературе, ни в любви, а только в цифрах, исчислениях и формулах. Им неведомо, что Эвклид не создал бы вовек своей геометрии, если б не был романтиком. Чтобы творить, да не только творить, а просто жить и просто хорошо работать, нужно быть окруженным средой романтического чувствования. Нужно сознавать, что твой труд, как бы он ни был кажуще малым, несет свет, радость и добро людям.

Не обязательно, чтобы глаза ваши сияли энтузиазмом в тот момент, когда вы хлебаете щи в столовой или заводите трактор перед выездом в поле. Показное чуждо истинной романтике; романтика требует сдержанности, внутренней силы и умения в самой малой капле настоящего видеть масштабность, зреть черты того Будущего, которое мы пишем с большой буквы.

И каждая добрая книга и каждый добрый спектакль, заряжающие нас романтическим восприятием, нужны, дороги и — я не боюсь этого прозаизма — полезны. Они помогают ярче ощутить полноту нашей жизни и, следовательно, помогают нашей великой борьбе.

Маститый драматург Н. Погодин, чье достойное 60-летие недавно отметила Советская страна, в содружестве с главным режиссером Театра имени Ленинского комсомола Б. Толмазовым создал спектакль о коммунистической бригаде. В спектакле этом, как и в жизни, происходит борьба между новым и старым, прогрессивным и косным. В столкновении человеческих судеб закаляются характеры, отметается дурное, выковывается то достойное и светлое, что нужно нашему времени. Зорким своим оком драматург увидел в простых советских ребятах, которые подчас и сами-то не очень понимают высокое значение своих обыкновенных, «будничных» дел, романтический огонь нашей борьбы. И трогательный, чистый образ Гали Кислициной, которую так воодушевляюще играет молодая Н. Гошева, знаменует собой становление советского человека в повседневном труде. А это всегда подвиг, какими бы скромными одеждами он ни был прикрыт. И когда бригадир, молодой человек, наверное, 40-го года рождения, обращается со своими думами к образу Ленина и Ленин живым появляется на сцене,— это не кажется надуманной риторикой, а совершенно органично входит в спектакль, ибо речь идет о свершении дел, задуманных и завещанных нам великим учителем.

Ну, понятно, цветы живые, как и названа пьеса,— тема наших дней, нам очень близкая по времени и духу. А как же быть с «Мамашей Кураж»? Ведь в этой пьесе повествуется о событиях, от-

«Цветы живые» в Театре имени Ленинского комсомола. В роли Гали Кислициной — Н. Гошева.
Фото А. Гладштейна.

деленных от нас тремя веками. Зритель, однако, не хочет этого знать. Он с захватывающим интересом следит за событиями драматической хроники, за всеми ее девятью картинами.

Сколько жизни в этой простой женщине — полковой маркитантке мамаше Кураж, торгующей всякой всячиной для разнузданной солдатни! Она наивно думает, что война ее кормит, и радуется войне. Но гибнут один за другим ее сыновья, погибает в конце концов дочь, и она, обессиленная, замученная, остается в одиночестве, среди крови и пожаров, одна со своей разбитой тележкой. Зачем же эта война? Зачем потоками льется кровь? К чему такие жесточайшие муки испытывает человек? Кто же виновник этих страданий и бедствий? Их не видно на сцене — жестоких королей, земных и духовных владык. Но их присутствие ощущается в зареве пожаров, в человеческих бедствиях и всеобщем разорении. Простой, маленький человек — жалкая жертва властолюбия и корыстолюбия сильных мира сего.

Спектакль, мастерски поставленный М. Штраухом, с такими превосходными исполнителями, как Ю. Глизер (мамаша Кураж), С. Морской (полковой священник), Т. Карпова (Катрин), Э. Сидорова (Иветта Потье), зовет к протесту против бессмысленных, подлых, захватнических войн.

И сразу же в душе зрителя возникают чувства весьма современные, обращенные к тем, кто и сейчас, в наше время, точит оружие, готовясь к истребительной войне, кто вынашивает планы новой бойни, кто против мира. Это уже не короли и князья церкви, это князья капитала и их слуги, готовые для блага живота своего и блага своего подлого строя ввергнуть человечество в пучину невыразимых страданий.

И спектакль, сюжетом своим обращенный в прошлое, становится современным.

Тридцать четыре года прошло с того времени, когда на сцене Малого театра появилась «Любовь Яровая» К. Тренева. Трудно назвать другую пьесу, которая прошла бы столь триумфально по всей советской земле. Но начало было положено постановкой Малого театра, и эту постановку, как первую любовь, мы вовек не забудем. Наше старое поколение, видевшее в роли Шванди Степана Кузнецова, в роли Любови — тогда еще совсем молодую Веру Пашенную, в роли профессора Горностаева — Костромского, а в роли Ярового — Ольховского, конечно, более придирчиво должно смотреть спектакль 1960 года. К тому же — и это, пожалуй, самое главное: многие из нас в ту пору еще не износили фронтовых сапог, спектакль трактовал события, отделенные от зрителей какими-нибудь пятью-шестью годами,— он был современным вполне.

Как же воспринял спектакль новый, нынешний зритель, для которого «Любовь Яровая» стала пьесой исторической?

В своих воспоминаниях директор и художественный руководитель Малого театра В. К. Владимиров, говоря о первой постановке «Любови Яровой», писал: «За всю свою театральную жизнь — работал ли я в театре или приходил в него гостем — я не припомню такого приема спектакля. И вот что замечательно: реакция зрительного зала на определенные моменты спектакля повторялась ежевечерне, с точностью неизменной, независимо от настроения исполнителей. Так, взрывом аплодисментов всегда встречались такие места, как казнь Грозно̀го, освобождение Яровой, фраза Горностаева, появление освобожденных Кошкина и жегловцев в финале и т. д. Так бывает только тогда, когда пульс спектакля и пульс жизни совпадают, когда на сцене живут тем, чем живут люди в зрительном зале».

И вот новый зритель смотрит спектакль, и точно в тех же местах нарастает напряжение зала, и так же аплодирует театр, и то же воодушевление видишь в глазах.

Как это здорово, черт возьми! Те же чувства ощущаешь в зале, как и тридцать четыре года тому назад!

«Любовь Яровая», поставленная Игорем Ильинским, как бы смягчена, просматривается сквозь призму времени. Другой Швандя у В. Доронина: он как-то приглажен, скорее это краснофлотец более поздней формации, чем «революционный матрос» Швандя в исполнении Кузнецова. Любовь Яровая (Е. Солодова) стала мягче, нежнее, но она, пожалуй, утратила некоторые героические черты. Что же! Можно принять и такую Любовь, хотя она и несколько иная, менее привычная нам, старшему поколению.

Спектакль, как и встарь, закончился апофеозом, алое знамя победы поднялось над сценой и поплыло, развеваемое ветром, и зрители встали и горячо приветствовали актеров. Новый зритель приветствовал новое поколение, питомцев Малого театра, чьи славные традиции живы и близки нашему зрителю. В этом знамени увидел зритель отблеск наших побед и в Отечественной войне и в мирном созидании.

* * *

Три романтических спектакля! Как хорошо, что появились такие пьесы, которые, несмотря на все свое внешнее различие, схожи своей романтической темой! Ведь, право, до смерти надоело смотреть всякую бытовщинку, когда глядишь и вспоминаешь: «Э, да ведь это еще было видано или читано в году тринадцатом!»

Нет! Наше время романтично, наш зритель — романтик по духу и натуре своей, и потому да здравствует наступление романтиков!

омантиков

Сцены из спектакля «Мамаша Кураж и ее дети» в Театре имени Маяковского. На верхнем снимке: мамаша Кураж — Ю. Глизер и полковой священник — С. Морской; внизу: Иветта Потье — Э. Сидорова. Фото Ю. Кривоносова.

Утром у окна дежурного администратора...
Фото А. Бочинина

НЕОБЫЧНОЕ ЗАДАНИЕ НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ

ПОСОЛ БЕЗ ФРАКА

З. ХИРЕН

С той минуты, как я сел за конторку дежурного администратора гостиницы «Турист», сменив корреспондентский блокнот на книжку счетов, многое в моих отношениях с людьми, и в первую очередь с путешествующими, изменилось.

Останавливаясь в гостинице, редко задумываешься над тем, кто занимал номер до тебя, кто спал на этой кровати, кто сидел за этим столом. Но сейчас, сидя за конторкой администратора, запоминаешь все...

Король мочалки в меньшинстве

Только что проводили двух болгар на родину. Они у нас жили долго, путешествовали по Советскому Союзу, писали диссертации, и наша машинистка печатала им их научные труды. И вот уезжают. Все вышли провожать. Впечатление такое, будто расстаются с самыми близкими и родными людьми. Шутки, слезы, поцелуи... А навстречу болгарам двое молодых людей: он высокий, смуглый, она светленькая, хрупкая.

Молодая чета возвращается с Сихотэ-Алинского перевала. Оба два года бродили с геофизической экспедицией по тайге в поисках новых месторождений полезных ископаемых. Зачем им связка свернутых в рулоны обоев? Что собираются оклеивать? Оказывается, обои купили неподалеку от гостиницы, а оклеивать будут квартиру матери в Киеве. Нет, оставаться в Киеве не думают. Сразу же после отпуска вновь возвращаются на Дальний Восток. Но дело в том, что мать однажды в письме просила достать светлые обои с золотой сеточкой. Подвернулись точно такие. Как же было не купить? Ровно два года назад оба окончили Киевский геологоразведочный техникум. Тогда проездом несколько часов пробыли в Москве, впервые отправлялись на самостоятельную работу. Сейчас другое дело: едут в отпуск, в первый трудовой отпуск! В Москве пробудут дня три. Надо кое-что посмотреть в театрах, в музеях. Кроме того, приодеться. Хочется предстать пред родительскими очами совершенно непохожими на тех, какими были, когда уезжали.

Настроены ребячески. Например, до сих пор не дали знать родителям, что едут к ним. Решили появиться неожиданно.

С этой четой поговорить бы подольше... Завидная у них жизнь, завидное начало трудового пути. Но уже торопят новые гости.

Забойщику Дегтярского медного рудника Свердловской области достается комната, в которой до него жила продавщица, тоже с Урала. Она в Москву приезжала по профсоюзным делам, а в свободное время изучала столичную торговлю.

В глазах моих новых знакомых то и дело вспыхивают задорные огоньки, которые так свойственны тем, кто полон глубоких раздумий, ярких впечатлений, дерзких замыслов. С большой охотой говорят о Москве, касаются самых различных сторон ее жизни.

Но если вы решите, что у нас в гостинице останавливаются одни праведники, то это будет глубоким заблуждением.

...Одно за другим приходят на имя директора гостиницы заявления от некоего чудака, проживающего в городе Калуге. Он подробнейшим образом описывает пропажу своей мочалки в душевой. Мочалка, как он пишет, обшита тесьмой и стоит восемнадцать рублей. Он обвиняет горничную, дежурную, уборщицу в том, что они похитили его мочалку. И чем больше он пишет, тем отчетливее представляешь себе мелочность и склочность этого типа. Деньги за мочалку ему вернули. Но вот из-за пустяка ему ничего не стоит поносить и чернить честных людей.

Почти ежедневно уборщицы, горничные возвращают администрации забытые и утерянные постояльцами вещи. Забывают самые неожиданные предметы: деньги, часы, костюмы, кольца, фотоаппараты, серьги, перчатки, аккредитивы, папки с документами. Один оставил две подарочные коробки. Он еще не успел обнаружить пропажи, как вслед ему по почте отправили забытые вещи. Гардеробщица обнаружила в вестибюле аккредитив на 20 тысяч рублей и сейчас же отнесла его владельцу.

Вариант Павленко взял верх

Забот у дежурного, как вы видите, немало. Это лишь так говорится: выписывать под копирку счета. Не раз поднимаешься на этажи, чтобы узнать, как горничные устроили гостей. А навстречу с тюками белоснежных простынь бегут знакомые тебе труженицы. Белые наколки, накрахмаленные передники, мягкая обувь... Здесь шутят: «Наша тетя Катя (имеются в виду горничные, уборщицы, паспортистки, администраторы, сотрудницы бюро обслуживания) — посол Советского Союза, лишь с той разницей, что не носит ни фрака, ни смокинга и ее не приглашают на дипломатические приемы». Да, это действительно так или почти так. По манерам этих женщин, по их внимательности иной раз судят о всей Москве.

В коридорах слышится спокойный рокот электропылесосов, в номерах работают механические полотеры.

По асфальтированным дорожкам, проложенным между корпусами, мчатся и мчатся такси с новыми гостями. Вот входит в вестибюль молодая чета с ватагой детишек. Детей пятеро. Но моя помощница — паспортистка, взглянув на округлую фигуру матери, высказывает предположение, что ожидается шестой. Эти люди приехали из Греции. Мать — русская, отец — грек. Обоих фашисты угнали в Германию. Его из Греции, ее из России. Оба пережили страшную жизнь, и оба не переставали тосковать по родине. Может быть, тоска эта сделала их любовь еще сильнее. Кончилась война, и влюбленные задумались над тем, куда держать путь. Она рвалась в Россию, к матери, он готов был последовать за ней. Но жива ли мать? Ведь за все эти годы от нее не было ни одного письма. Ему же было известно, что родители его живы, что они в Афинах. Подумали и решили ехать в Грецию. Там, в Греции, и появилась на свет эта ватага детворы. И все же русская женщина не переставала тосковать о Родине, о матери. И вот приходит

письмо — мама жива. Решение было одно: ни минуты не теряя, отправляться домой, в Советский Союз. Муж не спорил. Об этом у них была договоренность еще в концлагере. Так по пути в родное селение они оказались в гостинице «Турист».

Как не вспомнить, рассказывая об иностранных постояльцах, молодого американского математика, влюбившегося в москвичку! Познакомились на симпозиуме математиков. Он предложил ей уехать за океан. Она отказалась. Он уехал и вскоре вновь вернулся из Нью-Йорка, на сей раз по туристской путевке. Родительского благословения не получил, но... в Москве остался. Поселился в гостинице «Турист».

Поселился в гостинице не один, а с москвичкой, согласившейся стать его женой. Тут нельзя не вспомнить и о том, как в тридцатых годах Эптон Синклер обратился к советским писателям с предложением написать коллективный роман о любви между американцем и советской девушкой. По замыслам Эптона Синклера, роман должен был кончаться переездом русской девушки, названной им почему-то Ваней, в Америку. На этот призыв отозвался Петр Андреевич Павленко. Синклер предлагал, чтобы часть романа, посвященная событиям в Советском Союзе, писалась русским писателем, а американскую половину он брал на себя. Павленко, заметив Синклеру, что девушку все же лучше назвать Маней, чем Ваней, счел, что вернее будет, если американец переедет в Советскую Россию. Эптон Синклер спорил и не соглашался. И коллективный роман не был написан. И вот спустя чуть ли не тридцать с лишним лет вариант Павленко взял верх. Роман реальный завершился тем, что предлагал Павленко. Русско-американская чета прожила в гостинице довольно долго. Тут у них родился сын. Крестными были все горничные, уборщицы, дежурные администраторы. Семья навсегда останется жить в СССР.

Раздражительные и покладистые

Не требуется, казалось, большого воображения, чтобы определить профессию некоторых приезжих по багажу. В руках скрипка — значит, музыкант. А если музыкант, значит, неизбежны музицирования в номере, что никогда не услаждает слуха соседей.

Но вот попробуйте определить, чем занимается группа людей с портфелями и стопками книг. Лица у них довольно постные, но служащие гостиницы как раз по этой «постности» сразу догадываются: заочники прибыли.

Угадывают их еще и по раздражительности. Не успеют переступить порога, как сразу начинают жаловаться на чрезмерный шум. Им все мешает. Такое впечатление, что и прибыли они сюда исключительно для ведения борьбы с шумом...

И все-таки ни горничные, ни уборщицы, ни дежурные администраторы на них не сердятся. Напротив, им оказывается всемерное внимание. Нет-нет, а кто-либо из уборщиц чаек им в номер занесет, спросит, не нужно ли чего-нибудь купить. Всем хочется им помочь. Ведь люди дни и ночи проводят за книгами, тетрадями, готовятся к экзаменам. И в такие моменты гостиница мало напоминает гостиницу, скорее это пансионат, студенческое общежитие или, если угодно, большая семья. Все болеют за заочников. Конечно же, никому и в голову не придет поместить их рядом с музыкантами.

Приходит день, и раздраженные, нервные заочники коренным образом меняются: смеются, поют, горячо настаивают на устройстве вечера танцев в красном уголке. Служащие гостиницы этому не удивляются, знают: люди сдали экзамены, у них словно гора с плеч...

Теперь, пожалуй, если поместить рядом с заочниками музыкантов, взвоют последние. «Ученые мужи» помешают спокойно музицировать.

Часто вспоминаю слова останавливавшейся у нас свердловской продавщицы: «Иногда полезно взглянуть на себя глазами тех, кого обслуживаешь». Я же, заняв место дежурного администратора гостиницы, могу взглянуть на нашего брата командировочного с позиции тех, кто нас обслуживает и очень часто огорчает своими двумя скрипучими словами: «Номеров нет».

К великому огорчению, теперь и я «угощаю» этими словами приезжих, а в ответ слышу не очень лестные замечания. Но если б меня спросили, на чьей я стороне — на стороне ли раздражительных или покладистых,— то ответил я бы: конечно же, на стороне тех, кто глядит на меня с укором и неприязнью.

Как же иначе: люди хорошо потрудились, а в ночном отдыхе им отказано.

Но вот и покладистые жильцы, которым повезло: комнаты для них нашлись.

Оседлав телефон, один из них до хрипоты кричит:

— Магазин...

Часами справляется он, где сегодня продают какие-то наимоднейшие туфли и кофточки, осенние пальто и телевизоры...

Другие постояльцы нервничают. Им тоже нужно поговорить, причем на ту же тему, с теми же лицами. В номерах горы упаковочной бумаги, ее едва успевают выносить уборщицы.

Кто эти люди — товароведы, продавцы, агенты по закупкам? Нет, командировочные, трудятся они в таких отраслях, которые никакого отношения к торговле не имеют. Впрочем, трудятся ли они? Зайдите в любой столичный универмаг, и можно поручиться, что добрую половину толпящихся у прилавков покупателей составляет славное племя командировочных.

— Что плохого,— скажете вы,— в том, что человек хочет привезти из столицы сувенир?

Но наш швейцар уже зарегистрировал три случая, когда при отъезде из гостиницы «сувениры» в легковой машине не умещались, приходилось бежать за грузовиком.

Есть и такие постояльцы, которые, как только переступят порог гостиницы, считают своим долгом начать веселый образ жизни...

Кому-кому, а дежурному администратору достается от этих «покладистых» ребят, тут иногда без милиции не обходится.

Указали мне на одного пожилого человека, который раз шесть в год приезжает из Сибири. В «Туристе» говорят о нем с гордостью: вот-де человек, который верен нашей гостинице,— что называется, патриот. И действительно, к нему обращаются по имени-отчеству, да и сам он со всеми на короткой ноге. Спросил я у него, что вынуждает так часто ездить в Москву.

— Единицы,— ответил он,— вот они где у меня сидят.— И похлопал себя по затылку.

— Какие ж такие единицы?

— Штатные... Из-за каждой приходится ездить, чтоб утрясти в двух ведомствах.

Если подсчитать, сколько расходуется на его командировки, то окажется, что можно содержать на эти деньги две, а то и три «единицы».

Раздумья в свободную минуту

Оказавшись за столиком дежурного администратора, думаешь не только о тех, кто приезжает в Москву, но и о том, что мешает хорошо встретить гостей.

Вот, например, не все знают о существовании гостиниц, подобных «Туристу». Чуть ли не целый год нашему директору пришлось добиваться, чтоб троллейбус № 2 подходил к корпусам, чтоб название гостиницы значилось в маршруте на борту машины.

Бывает и так, что в гостиницах «Восток», «Алтай», «Золотой колос» много свободных мест, а приезжие о том и не подозревают. Может быть, следовало бы к поездам высылать агентов.

Бросается в глаза и то, что в один и тот же день заседают в Москве нейрохирурги и работники потребительской кооперации, работники дошкольных учреждений и железнодорожники... Не говоря уже о том, что существуют целые месяцы «пик», когда на Москву начинается настоящее нашествие командировочных. Удовлетворить всех гостиницами возможности нет. А ведь всего этого можно было бы избежать, координируя вызовы в Москву. А от многих вызовов можно было бы, как мы уже убедились, без ущерба для дела вовсе отказаться.

Из всего этого, однако, не следует, что сами работники гостиниц сделали все, чтоб обеспечить приезжему заслуженный отдых.

Нельзя умолчать и о том, что купеческая роскошь, допускавшаяся долгое время в гостиницах, и сейчас дает себя чувствовать. Взгляните на некоторые спальни, кабинеты — ведь это скорее апартаменты дворцов прошлого столетия, чем современные жилища.

В пейзаж столицы врезаются одно за другим здания новых гостиниц. Теперь уже никто не представляет себе берега Москвы-реки без 28-этажной «Украины», площади трех вокзалов — без 28-этажной «Ленинградской», площади Маяковского — без «Пекина». А «Будапешт», «Бухарест», «Центральная», «Спорт» в Лужниках!.. Больше же всего гостиниц выросло в северной части столицы, там даже целые улицы названы Гостиничными. И это вполне закономерно, потому что они целиком заняты гостиничными зданиями. Шестьдесят пятиэтажных корпусов.

...Время от времени выхожу на улицу. Там, как обычно, трудится Вера Горбунова. Она учится во Всесоюзном сельскохозяйственном заочном институте, а одновременно работает нашим садовodом. До этого трудилась в Ботаническом саду в отделе тропических растений, специализировалась, как она говорит, на орхидеях. Нынешняя работа ей больше нравится. К орхидеям прибавились яблони, груши, рябина, георгины, каштаны, голубые ели, вербена. Сад занимает три и две десятых гектара. Вера Горбунова считает, что это довольно большая площадь. Для нее это не только труд, но и учеба, практика.

Показались приезжие, иду навстречу новым характерам, новым судьбам.

В адрес: «Москва, «Огонек»

Весной этого года я вместе с группой туристов из Донбасса побывала в Чехословакии.

Наша группа была приглашена в город Кладно. Вечером у нас состоялась трогательная, дружеская встреча с жителями города. Ко мне подошла одна пожилая женщина, протянула три фотокарточки и, с трудом подбирая русские слова, рассказала следующее.

В мае 1945 года шли горячие бои за Прагу. В один из моментов затишья женщина шла с фотоаппаратом и трое советских солдат попросили сфотографировать их. Она выполнила их просьбу и успела лишь спросить у одного из них, куда и на чье имя прислать фотокарточку. Солдат назвался Белозубом Николаем, адрес его в то время был — П. П. 11782 «Д». Обстоятельства сложились так, что негативы были утеряны и только недавно обнаружены. Эта женщина сделала три фотокарточки и просит найти солдат, если они живы, и передать им фотокарточки. Зовут ее Лобаева Ружена, она пенсионерка, ее адрес: Чехословакия, город Кладно, ул. Карла-Елена, дом 1217.

Р. КАРИМОВА

Донбасс.

Капитан сборной команды страны Николай Сологубов во «вражеском» кольце: три канадца преграждают ему путь к воротам, еще двое догоняют его — против него вся команда. Но замечательный хоккеист преодолел все препятствия и забил красавец гол в ворота «Чатам Мэрунс».

Это и есть

За «реактивным» темпом хоккея порой не поспевают скоростные затворы фотоаппаратов.

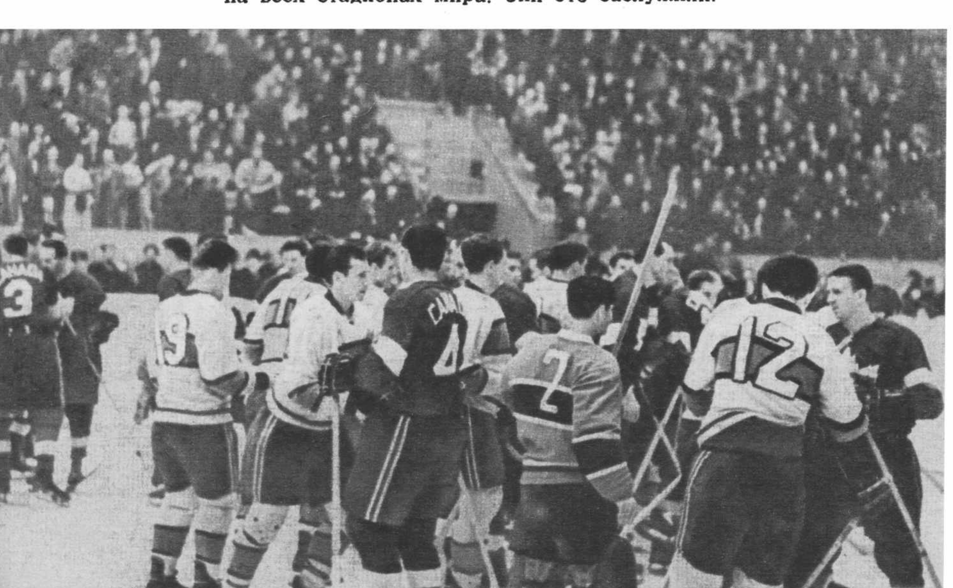
С большим мастерством защищали свои ворота канадцы — попробуй пробейся! Но советские хоккеисты пробивались.

хоккей

Советских хоккеистов за честность, отвагу и доброжелательность уважают на всех стадионах мира. Они это заслужили.

Юр. ВАНЬЯТ

Фото А. БОЧИНИНА.

Свисток! Загорелись секунды на электротабло, и не прошло минуты, как литая каучуковая шайба уже влетела в небольшие сетчатые ворота.

«Го-о-ол!» — стонут трибуны (1). А пятерки крепких, рослых ребят уже сменяют друг друга на поле, ибо очень трудно без подмены выдержать азартную, силовую, мужественную борьбу на ледяной площадке более 70—80 секунд.

В этом спорте, как ни в одном другом, слабому душой делать нечего! Хоккей — игра стремительных, храбрых и вместе с тем расчетливых.

Шайба, как черная пуля, — ее полет трудно порой заметить, а тут еще соперник встречает тебя, несущегося на скорости 50 километров в час, девяностокилограммовым заслоном своего тела. Попробуй забей в таких условиях гол! А голы, как мы знаем, все же забиваются.

Хоккей с шайбой (или, как его иначе называют, «шинни») — национальная игра канадцев. В 1879 году они провели первый хоккейный матч на льду, а четыре года спустя, когда уже по всей Канаде распространился хоккейный «вирус», был учрежден кубок, который существует и поныне, ежегодно попадая в руки капитану лучшей профессиональной команды американского континента.

Казалось бы, что советским хоккеистам культивирующим эту игру всего 15 лет трудно было рассчитывать на успех вс встречах с лучшими канадскими командами Но наши ребята уже дважды были чемпионами мира, один раз олимпийскими чемпионами и многократно чемпионами европейского континента. У сборной команды СССР абсолютно лучший баланс международных встреч со всеми странами, включая и команды «кленового листа» — канадцев!

Недавно в Москве закончилась «декада большого хоккея», итоги которой еще и по сей день оживленно комментируются мировой спортивной прессой. Семь матчей провел во Дворце спорта клуб «Чатам Мэрунс» — обладатель Кубка Аллана, то есть фактический чемпион Канады среди любителей.

Наступил день матча. Не торопясь, тщательно одеваются канадцы. Защитное снаряжение, напоминающее рыцарские доспехи, весит 7—8 (а у вратарей — 11—12) килограммов.

Резина, фибра, кожа, специальный пористый войлок — «фильц» — и даже алюминий — из всех этих разнообразных материалов делаются хоккейные «латы»: наплечники, ножные щитки, налокотники, нагрудники. Не так-то легко провести в таком снаряжении на льду 60 минут «чистого» времени (2).

Подсчитано, что за это время игрок «наезжает» 5—6 километров со средней скоростью пассажирского поезда. И притом каждое движение спортсмена под неусыпным контролем соперников: стоит ему получить шайбу, и тут же последует атака.

Особенно успешно действовали против своих грозных соперников три молодых спартаковских нападающих.

Вот она перед нами на отдыхе, самая популярная тройка нападения нынешнего сезона: братья-близнецы Евгений Майоров (3), Борис Майоров (4) и Вячеслав Старшинов (5) — студенты Московского авиационно-технологического института. Несколько лет назад они начали спортивную учебу в юношеской спортивной школе, а теперь это трио — великолепно сыгранный ансамбль.

Но хоккеистам приходится отдыхать и не по своей воле — на скамье оштрафованных. Посмотрите, как нервничает канадец Фрэд Плэтч — недавний профессионал и отчаянный «рубака». Ему надо пробыть две минуты в стороне от схватки, а две минуты в хоккее — это целая вечность. Но ничего, это было полезно не в меру горячему игроку, прозванному москвичами «Плэтч — голова с плеч» (6).

Как ни старались канадцы, а их «баланс» в Москве оказался, как известно, весьма пассивным: из семи матчей гости проиграли пять при одной победе и одной ничьей.

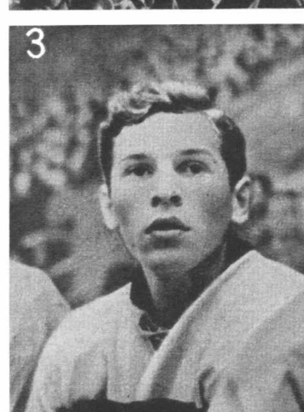
Но в конце концов не только в шайбах дело. Это были матчи уважающих друг друга соперников, поединки подлинных мастеров хоккея, состязания добрых товарищей по спорту. О подобных встречах очень хорошо написал в своей книге знаменитый шведский хоккеист Свен Юханссон — «Тумба» — большой друг наших спортсменов: «Нужно научиться сохранять бодрость духа после поражения, отвечать на удар не иначе, как в рамках правил, нужно усвоить дух коллективной игры, и, насколько я понимаю, эти истины следует усвоить не ради одного только хоккея».

1

2

3

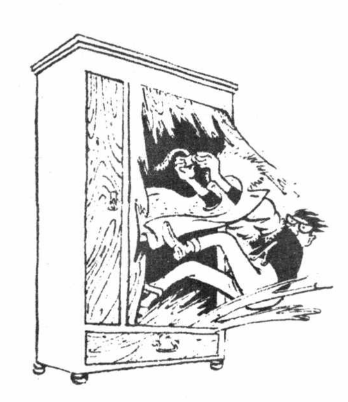
4

5

6

В темноте

Сергей ЗВАНЦЕВ

Рисунок Ю. Черепанова.

На пакетике с фотопленкой предостерегающая надпись: «Вскрывать в темноте». Очень хорошо. Но как добиться темноты? Можно, конечно, потушить в ванной комнате свет и... Нет, не то. Окошко из ванной выходит в ярко освещенную кухню. Попросить соседей выключить там электричество на время? Идея!

И вот я в кромешной тьме. В одной руке у меня катушка, в другой пленка. Я лихорадочно вспоминаю нужный пункт инструкции, прилагаемой к фотоаппарату «Смена»: «Обрезать конец пленки и, оттянув пружину катушки, укрепить под ней. Эмульсионный слой должен быть обращен к оси катушки». Ах, обрезать? Проклятие, я не захватил ножниц!

— Маша, дай ножницы! Подсунь под дверь!

Из коридора холодный голос жены:

— Выйди и возьми сам.

Я нервно кричу:

— Нельзя! Я засвечу пленку!

Ножницы под дверь не лезут. Соседка Анна Григорьевна бросает из кухни реплику:

— Они там будут играться ножницами, а я не могу в темноте жарить яичницу!

— Папочка, вот маникюрные...

— Благословляю тебя, дочь моя,— пробую я шутить, но таким хриплым голосом, что жена не узнает и тревожно спрашивает:

— Ты там один?

Я не отвечаю, потому что в этот момент, положив катушку на полочку для мыла, ощупью обрезаю неудобными, кривыми ножницами конец жесткой ленты и раню палец.

— А, ч-черт!..

— Да брось и иди пить чай,— советует жена и помогает соседке зажечь в темноте газовую горелку.

Мне кажется, что какие-то зарницы играют на потолке, и я тревожусь за судьбу пленки. Скорее! Я сую ее конец в отверстие катушки. О какой пружинке говорится в инструкции? Никакой пружинки я не вижу, то есть не ощущаю! И потом, что это значит — держать пленку эмульсией к оси катушки? Где тут эмульсия? На ощупь обе стороны одинаковы. А главное, где тут ось?!.

— По-моему, яичница готова! — взволнованно говорит жена, но соседка не согласна:

— Я по запаху слышу, что она еще сырая! Вот если бы поглядеть...

— Сейчас, сейчас, голубушка,— бормочу я, изо всех сил накручивая пленку на катушку, и вдруг вспоминаю инструкцию: «Пленку рекомендуется наматывать туго, но без значительных усилий».

Пот льет с меня в три ручья. Из кухни доносится плач Анны Григорьевны: она пережарила яичницу, превратившуюся в жалкий комочек. Жена и дочка тоже плачут: им жаль меня. Оказывается, я громко скрежещу зубами и издаю стоны. Но... ура! Пленка на месте, теперь только надеть крышку... Но где крышка? Я, кажется, смахнул ее с полочки.

Около получаса ушло у меня на поиски. Присев на корточки, я шарил по полу. Уже выбившись из сил, я вдруг нащупал крышечку, притаившуюся в углу. А за дверью бушевал сосед, рвавшийся к умывальнику, и время от времени слышался голос жены:

— Надо вызвать «Скорую помощь»: он уже час хрипит в одиночестве!

Ноги, уставшие от сидения на корточках, не желают меня держать. Я подползаю по-пластунски к двери и появляюсь под громкие восторженные клики собравшихся соседей.

Но тут я взглянул в инструкцию и понял, что забыл продеть конец пленки в щель катушки. Придется опять лезть в темноту.

— Нет, в ванную я тебя больше не пущу,— решительно говорит жена.

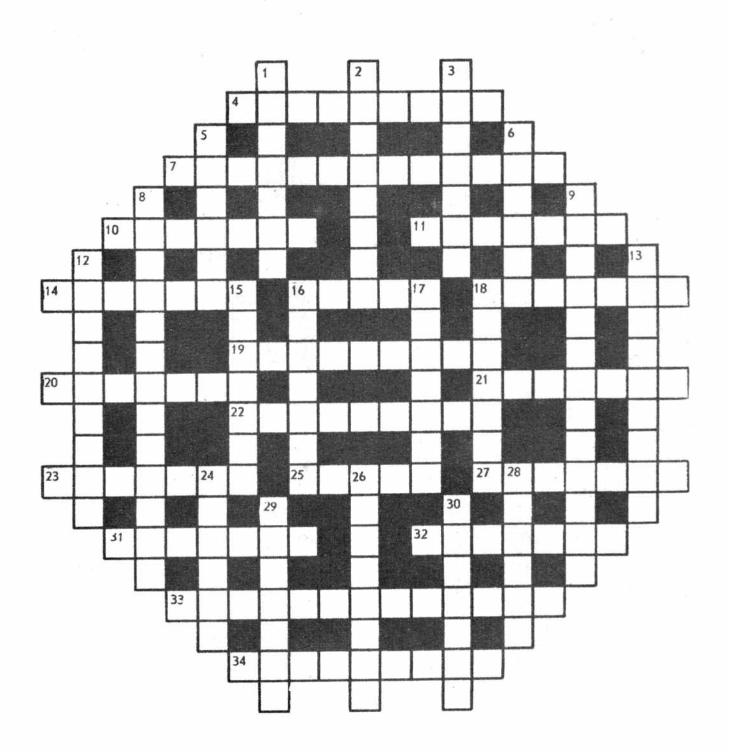
— И не нужно! — отвечаю я с величественным жестом. Дело в том, что у меня блеснула гениальная мысль. Я взял с вешалки шубу и сунул руки в рукава.

Наскоро успокоив плачущих жену и дочку, я велел подсадить меня в шифоньер. Дверцу захлопнули, и мне сразу стало жарко и душно. Бодая лицом висевшие платья, я открыл крышку катушки, и, изнемогая от тяжести повисшей на руках шубы, стал орудовать. Волнуясь и торопясь, я, видимо, невольно нажал спиной на хрупкую дверь шифоньера...

Потом жена и дочь рассказывали, что раздался треск сухого дерева, и я свалился, высоко держа в воздухе незакрытую катушку с пленкой. У меня потемнело в глазах, а пленка засветилась.

Теперь приятели советуют мне заняться охотой: по крайней мере, ружье не требуется заряжать в темноте.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Испанский писатель. 7. Наука об ископаемых организмах. 10. Пешеходная дорожка. 11. Авиационное снаряжение. 14. Горный массив в Альпах. 16. Геометрическое тело. 18. Выдающийся деятель. 19. Сельскохозяйственная машина. 20. Персонаж романа М. Горького «Мать». 21. Литературный жанр. 22. Автор картины «Апофеоз войны». 23. Древнегреческий математик. 25. Хищник из семейства кошачьих. 27. Узкая глубокая долина. 31. Тропическая птица. 32. Остров в Средиземном море. 33. Русский мореплаватель, исследователь Антарктиды. 34. Зачинатель какого-либо дела.

По вертикали:

1. Старый, заслуженный работник. 2. Курорт в Азербайджанской ССР. 3. Бытовой нагревательный прибор. 5. Толстая бумага. 6. Спортивное общество. 8. Устройство для изменения напряжения электрического тока. 9. Свечение вещества. 12. Лента из цветной бумаги. 13. Порядок ведения собраний. 15. Город на Северном Кавказе. 16. Единица количества тепла. 17. Озеро на Валдайской возвышенности. 18. Музыкальный инструмент. 24. Овощ. 26. Основоположник русской педагогической науки. 28. Самая многоводная река СССР. 29. Оливковое дерево. 30. Вид графики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

7. Позитрон. 8. Заслонов. 9. Чистяково. 11. Пергамент. 12. Линолеум. 13. «Гобсек». 14. Подвиг. 17. Станкостроение. 20. Параллелограмм. 24. Пасека. 25. Филиал. 26. Канатник. 28. Жаворонок. 29. Ершоватка. 30. Радиатор. 31. Киргизия.

По вертикали:

1. «Коричное». 2. Синтаксис. 3. Софокл. 4. Закром. 5. «Возмездие». 6. «Лоэнгрин». 10. Основоположник. 11. Преобразование. 15. Ананас. 16. Зегерс. 18. Туба. 19. Ишим. 20. Псевдоним. 21. Меломания. 22. Маскарад. 23. Санскрит. 26. Каньон. 27. Кошкин.

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ

Сашин автобус

Маленький автобус сделал евпаторийский автолюбитель Р. Кучеров сыну Саше ко дню рождения. Саша хорошо водит «собственную машину» и нередко катает пассажиров. Длина автобуса — около двух метров, высота — 90 сантиметров, скорость — до пяти километров в час.

В. МАСЛОВ

Джезказган.

На первой странице обложки: На побережье пролива Югорский Шар члены колхоза «Дружба народов» (Ненецкий национальный округ) промышляют пушного зверя. С промысла песца вернулись Петр Чупров и Спиридон Дьячков.

Фото Л. Поликашина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06494 Подписано к печати 14/XII 1960 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 718 000. Изд. № 3032. Заказ 3309.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ахил Заватта, комик

Веселую, темпераментную и разнообразную программу Парижского цирка, гастролирующего в нашей стране, ведет популярный клоун Ахил Заватта. Он и клоун, и гимнаст, и акробат, и жонглер, и музыкальный эксцентрик, и вольтижер...

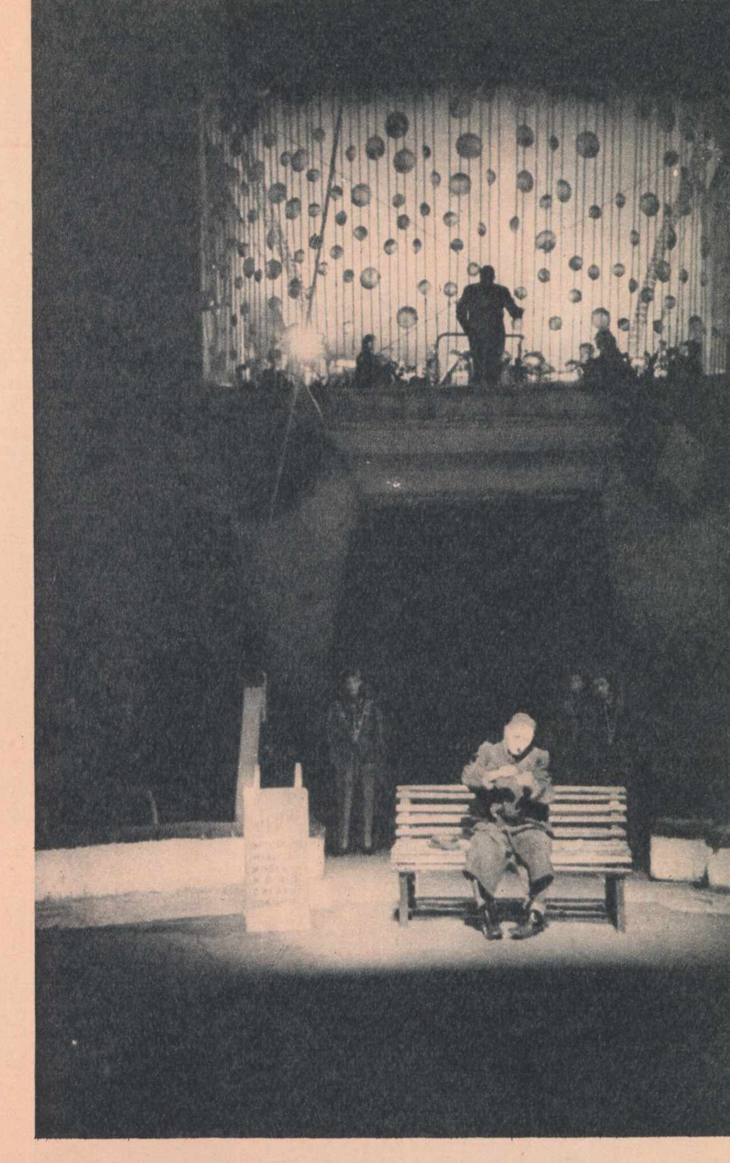
Полтора столетия назад наполеоновский солдат после разгрома французской армии под Ватерлоо ушел с кочующей цирковой труппой. Так появилась — сначала на скромных листках, затем на больших афишах, на ярких светящихся рекламах — фамилия Заватта. Сейчас в семье потомственного артиста четыре циркача: кроме Ахила, двое его сыновей и дочь выступают на цирковых аренах мира.

...У наездницы заболела нога. Хромая, она уходит за кулисы. Ведущий успокаивает публику: «Не беспокойтесь. У нас есть замена». И Ахил Заватта, демонстрируя отличную вольтижировку, изображает человека, который в первый раз садится на лошадь. Смех зрителей и аплодисменты подтверждают, что их вполне устраивает такая «замена». После шуток, пародий, музыкальных номеров в выступление комика врывается чаплинская нота. Маленькая история маленького человека в новогоднюю ночь. Только языком жестов (и в этой короткой сценке зритель знакомится с замечательным мимом) поведал Заватта печальный рассказ о человеке-рекламе. «Сегодня в ресторане вы можете съесть... Сегодня в ресторане вы можете съесть...» Но люди проходят мимо. И в новогоднюю ночь, затерянный в сверкающем городе, рекламирующем свое богатство, человек-реклама остается голодным.

У каждого комика свое «лицо», своя «маска». Посмотрите, как тщательно, напряженно и в то же время весело работает Заватта над своей «маской».

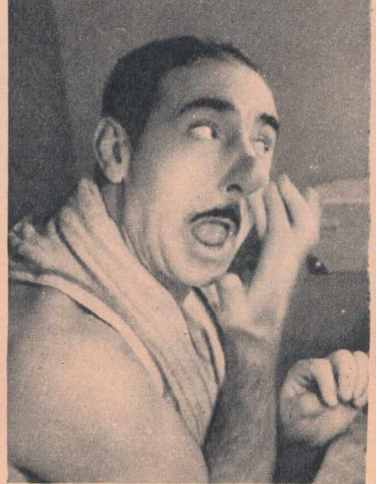
А. НАДЕЖДИНА

Фото **А. УЗЛЯНА.**

Глиняный самовар

В 1745 году Петербургский фаянсо-фарфоровый завод выпустил 120 глиняных самоваров. Один такой самовар есть в Хвалынском краеведческом музее. Высота его — 58 сантиметров, вес — около 30 килограммов.

Е. МАКСИМОВ

Саратов.

Природа — ваятель

В корнях засохшей вишни я обнаружил разветвление, похожее на фигуру гимнастки. Снял кору — получилась скульптура.

А. БЕНЕВОЛЕНСКИЙ

Иваново.

Аист на протезах

В одном из зоопарков Англии живет аист. После несчастного случая ему пришлось ампутировать половину ноги. Но изобретательные служащие зоопарка «обули» аиста в специальные ботинки.

А. РЕВИН

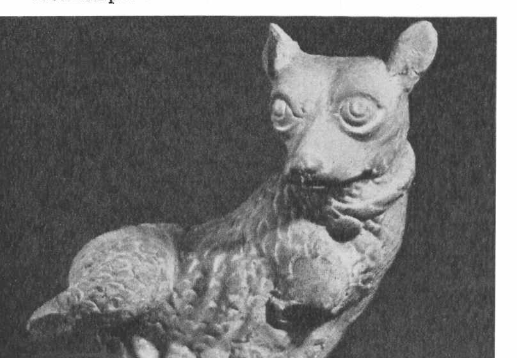
Москва.

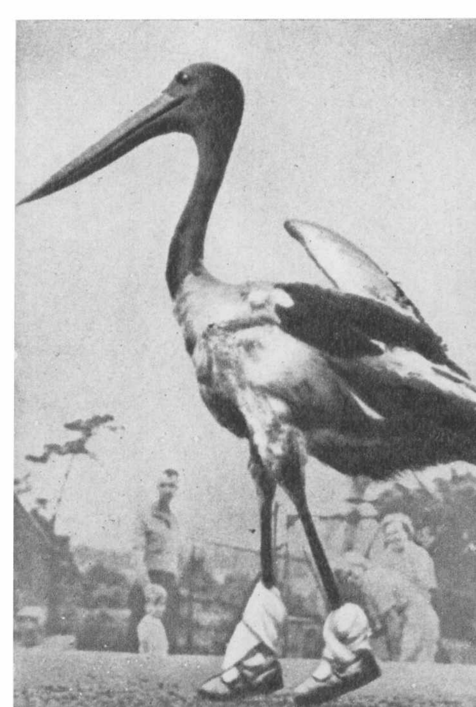
Редкая находка

При археологических раскопках столицы позднескифского государства близ Симферополя была найдена терракотовая фигурка собаки, кормящей щенят. К сожалению, нижняя часть ее не сохранилась. Находка относится ко второму веку до нашей эры.

М. АГАРОНЯН

Ленинграл.

·РОСЮВЕЛИРТОРГ·

ПОДАРОК — ЗНАК ВНИМАНИЯ

В магазинах Ювелирторга всегда имеются в продаже красивые, изящные изделия: модные украшения для женщин, часы различных марок и фасонов, изделия из хрусталя, янтаря и мельхиора, шкатулки с миниатюрной живописью, предметы для сервировки стола и многое другое.

Каждый из этих предметов — прекрасный подарок для ваших близких и знакомых.

Цена номера 3 руб.
С 1/I 1961 г. цена 30 к.